

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

75

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

х 13(4)
ИИМ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

75

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

доктор историч. наук *Т. С. Пассек*

Зам. ответственного редактора канд. историч. наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,

Т. Г. Оболдуева (ответственный секретарь),

П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ФОСС
(1899—1955 г.).

ОТ РЕДАКЦИИ «КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ»

Этот выпуск «Кратких сообщений ИИМК» посвящен памяти сотрудника Института, виднейшего специалиста в области неолита СССР — Марии Евгеньевны Фосс.

Мария Евгеньевна отдала работе в области археологии 30 лет своей жизни. Начав свою деятельность еще в 20-х годах на родине, в г. Воронеже, она в дальнейшем прошла школу В. А. Городцова и начала самостоятельную научную жизнь в Государственном историческом музее в Москве.

М. Е. Фосс отличалась большой целеустремленностью в работе. Проведя первые большие раскопки на севере Европейской части СССР, она затем ежегодно ездила в этот район, изучая новые и новые неолитические стоянки. Если к началу исследований М. Е. Фосс на севере Европейской части СССР были известны лишь разрозненные коллекции материалов неолитического типа, абсолютная датировка которых оставалась неясной, то после работ Марии Евгеньевны мы хорошо знаем и последовательность развития материальной культуры на этой территории в III—I тысячелетиях до н. э., и местные особенности археологических культур Беломорья, Каргополья, Карелии и окрестностей Галича.

После публикации материалов раскопок в Веретье, Кубенине, Галиче и других пунктах М. Е. Фосс приступила к синтезу собранных материалов. Итогом явилась монография «Древнейшая история севера Европейской части СССР», защищенная как докторская диссертация в 1953 г. В дальнейшем Мария Евгеньевна начала работать над новой, сложной темой — проблемой взаимоотношения лесных и степных культур III—II тысячелетий до н. э. Внезапная смерть оборвала эти исследования, столь успешно начатые экспедициями в Брянскую, Воронежскую, Пензенскую и Тамбовскую области.

В настоящем выпуске мы впервые публикуем работы М. Е. Фосс по проблеме взаимоотношения лесных и степных культур эпохи неолита и бронзы — ее статьи о раскопках в Пензенской и Тамбовской областях¹. Последние значительные открытия Марии Евгеньевны — находки неолитического челна на Дону и стоянки среднеднепровской культуры в верховьях Десны, — к сожалению, не были ею описаны даже предварительно.

Публикуя в очередном выпуске «Кратких сообщений ИИМК» серию статей М. Е. Фосс и статьи по интересовавшим ее темам, написанные ее ближайшими товарищами по работе в ИИМК и Государственном историческом музее, мы хотим принести дань любви и уважения памяти большого ученого и прекрасного человека Марии Евгеньевны Фосс.

¹ Список печатных работ М. Е. Фосс помещен в КСИИМК, вып. 64, 1956.

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. Е. Ф О С С

ПОСЕЛЕНИЯ НА ДЮНЕ ОЗИМЕНКИ

Лесостепная полоса Европейской части СССР представляет собой наиболее интересную область для исследования культур эпохи неолита и бронзы. Здесь, на территории, занимающей промежуточное положение между лесом и степью, может быть выяснено соотношение лесных и степных культур, может получить освещение вопрос о взаимоотношениях населения той и другой областей.

До сих пор в археологии были известны незначительные находки из лесостепной полосы, связанные с отдельными пунктами Пензенской, Тамбовской, Воронежской и Курской областей. Имеющиеся в музеях небольшие коллекции были недостаточны для разрешения сложных вопросов, касающихся этнического состава населения в лесостепи, различия или сходства в этом отношении населения лесной и степной областей, а также для характеристики их взаимоотношений и т. п. В связи с этим в 1951 г. была организована археологическая экспедиция в Пензенскую область, положившая начало систематическому исследованию археологических памятников в лесостепи. Территория, в которую входит Пензенская область, как показывает изучение археологических материалов¹, является юго-восточной окраиной распространения культур, характеризующихся ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа. Особенно интересен Наровчатский район, где в долине р. Мокши сосредоточен ряд поселений, расположенных на дюнах, возвышающихся над поймой реки на расстоянии 2—3 км друг от друга. Одно из таких возвышений известно под названием «Озименки». Около 20 лет назад здесь проводились раскопки экспедицией Антропологического музея Московского университета. Озименки упоминаются в археологической литературе², но до сих пор отчет о раскопках не опубликован. О результатах их известно лишь из доклада А. В. Збруевой на заседании сектора неолита, бронзы и раннего железа в ИИМК³.

При раскопках, организованных Антропологическим музеем, обнаружены предметы эпохи неолита и эпохи бронзы, что привело к заключению, что в Озименках существовало поселение в эпоху бронзы, но материальная культура населения сохраняла неолитические пережитки, выразившиеся

¹ Археологическая карта Пензенской области Н. И. Спрыгиной. Архив ИИМК.

² Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций. «Этнография», 1929, № 1.

³ См. Протоколы сектора за 1951 г.

в употреблении кремневых орудий и глиняной посуды с древними узорами.

Раскопки, проведенные в 1951 г., не только дополнили материалы старых раскопок, но и позволили сделать важные наблюдения, устанавливающие различные этапы в истории заселения Озименок. Пришлось пересмотреть вопрос о пережиточных явлениях, отмечаемых в материальной культуре поселения эпохи бронзы, и объяснить их по-другому, о чем будет сказано в дальнейшем.

Прежде чем перейти к характеристике материалов, полученных в 1951 г., познакомимся с условиями залегания предметов в культурном наложении. Озименки принадлежат к числу исключительных по сохранности культурного слоя археологических памятников. Дюна находится под сплошным покровом дерна, никаких видимых повреждений нет; она расположена вдали от современных селений, никогда не вспахивалась и не занималась огородами. Все это исключало возможность разрушения наслоений. В древнее время Озименки имели вид островка, омываемого водами р. Мокши и возвышающегося на 3 м над уровнем реки.

Культурный слой залегает по всей раскопанной площади, за исключением восточного угла, где работами 1951 г. охвачена уже вскрытая ранее часть дюны. Толщина культурного слоя колебалась от 0,25 до 0,5 м; окраска его менялась от интенсивно-черного цвета до серовато-светлого, что следует объяснять большей или меньшей насыщенностью гумусом. В общем более интенсивная окраска наблюдалась в восточной части раскопа.

Следует заметить, что, несмотря на дерновый слой, дюна, по-видимому, не всегда была покрыта растительным покровом, так как в культурном слое, содержащем древние предметы, попадались иногда современные предметы (обломки железных вещей) и относящиеся к XVII в. (медный кистень).

В результате работ выяснено, что дюна Озименки впервые была заселена в эпоху позднего неолита, затем здесь возникло поселение срубной культуры, и, наконец, на ней обнаружены остатки поселения раннежелезной эпохи. Кроме того, в промежутке между существованием неолитической стоянки и поселения срубной культуры здесь побывали фатьяновцы, оставившие погребение, разрушенное более поздними поселенцами-носителями срубной культуры.

При изучении результатов раскопок в Озименках легко убедиться в правильности сделанных выводов. Раскопки начаты были двумя шурфами — в южной части дюны (I пункт) и в северной (II пункт), которые затем вошли как участки площади раскопа (рис. 1). Шурфами установлено наличие культурного слоя, содержащего в I пункте остатки 2 поселений — эпохи неолита и эпохи бронзы, а во II пункте — поселения, относящегося к эпохе бронзы. Следует заметить, что в шурфе I пункта не было последовательности в расположении предметов в наслоении: поздняя керамика срубной культуры оказалась перемешанной с неолитической; иногда она находилась ниже, иногда выше.

В I пункте была заложена траншея шириной 1 м, проведенная к северо-северо-западу от шурфа, с целью выяснить стратиграфию. Установлено, что под дерновым слоем в 10 см шел песок темного цвета, более или менее интенсивной окраски, а ниже залегал светлый песок, прорезанный тонкими волнистыми прослойками железистых образований значительной плотности. Подобные прослойки — частое явление, наблюдаемое на дюнах лесостепной полосы⁴. Археологические находки содержались в слое тем-

⁴ Например, отмечены М. Е. Фосс при раскопках стоянок близ с. Шелаево (Воронежской области) и Б. А. Рыбаковым при раскопках курганов в местности Бельнец (близ с. Вщиж Брянской области).

ного песка толщиной от 0,25 до 0,6 м, заходящем карманами в нижележащий песок светло-серого (желтого или серовато-желтоватого цвета). В процессе раскопок отмечалось совместное залегание керамики эпохи неолита и эпохи бронзы на разной глубине; древняя попадалась и выше,

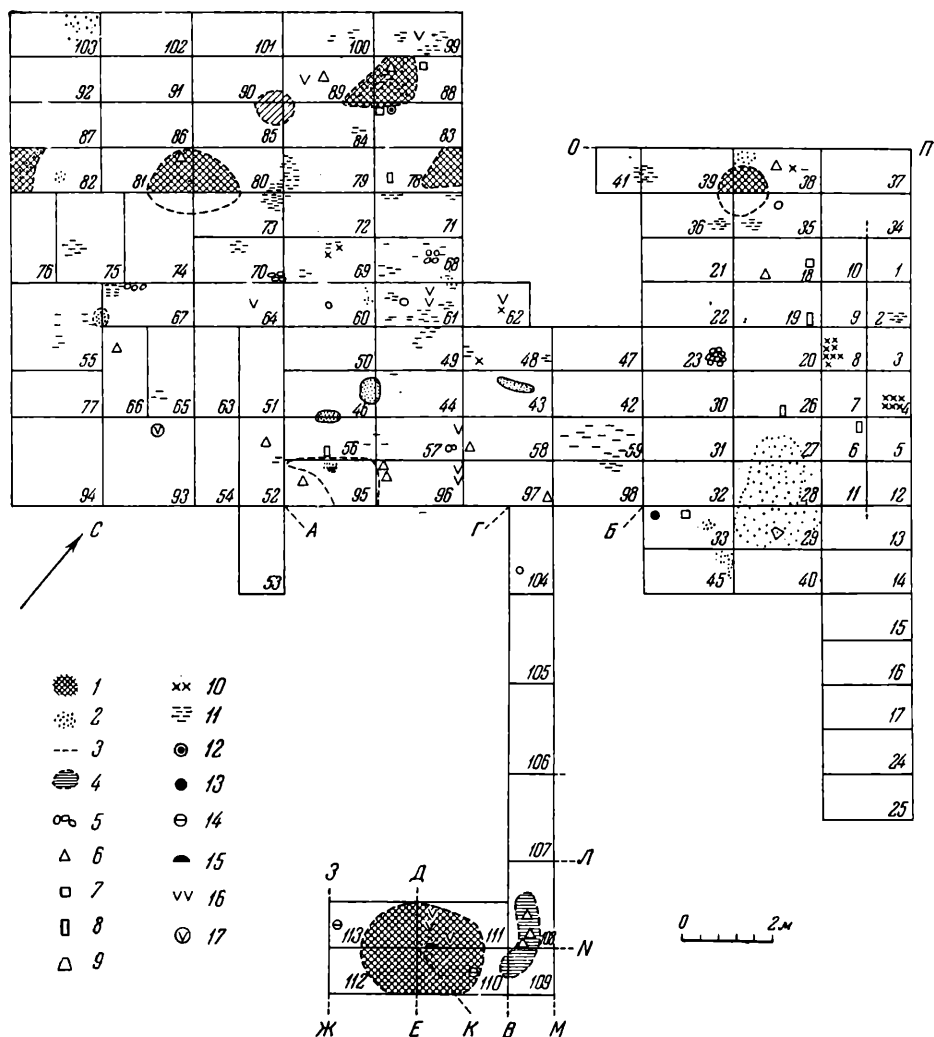

Рис. 1. План раскопок 1951 г. на дюне Озименки.

1 — очажные ямы; 2 — угольки; 3 — приблизительные границы; 4 — остатки слоя с неолитическими находками; 5 — камни; 6 — кремневые орудия; 7 — полировальные плиты; 8 — каменный пест; 9 — каменная мотыга; 10 — скопление неолитической керамики; 11 — скопление керамики эпохи бронзы; 12 — обломок литейной формы; 13 — медный кистень (XVII в.); 14 — грузик; 15 — сосуд эпохи равного железа; 16 — кости животных; 17 — кости человеческого скелета.

и ниже, чем поздняя, что указывало на смешение разновременных находок в одном слое. Это подтвердилось при расширении площади раскопок в западном направлении.

В процессе раскопок, проводившихся посредством снятия тонких срезов песка (не на «штык», а с помощью «зачистки»), что позволяло совершенно точно определить место залегания предметов, было установлено следующее: культурный слой, содержащий неолитические находки, под-

вергся разрушению при заселении Озименок в эпоху срубной культуры, и остатки неолитической стоянки были частью смещены, частью уничтожены. Этим объясняется малое количество находок неолитической керамики, отличающейся слабым обжигом по сравнению с крепкой керамикой срубной культуры. Хрупкие черепки неолитической посуды при надавливании рассыпаются на мелкие кусочки; поэтому легко представить, что при хождении по ним они были уничтожены. Сохранилась лишь небольшая часть, находившаяся в глубине от поверхности.

Неолитические находки были рассеяны повсюду на площади раскопок в виде отдельных, не связанных между собой предметов. Ни разу не отмечены очаги или кострища и т. п. Все обнаруженные комплексы относились ко времени существования поселения срубной культуры. Так, в I пункте вскрыты очажные ямы, отчетливо вырисовывавшиеся в плане, в виде темных пятен на фоне более светлого песка или в виде кучи камней. Если же ямы не удавалось проследить в плане, то они выявлялись с помощью поперечных разрезов. Часть обнаруженных ям была заполнена золисто-углистой землей. В некоторых из них находились, кроме срубной керамики, обломки костей животных.

Среди фрагментов керамики выделяется один шлакированный, по-видимому, от глиняной литейной формы, что является редкой находкой. Кроме этого, никаких предметов, указывающих на литье металла или отливку металлических изделий, не встречено.

В ходе раскопок отмечено (на участках 52—98) понижение культурного слоя, что соответствовало впадине, наблюдавшейся на поверхности дюны. Как оказалось, здесь была расположена землянка, профиль которой выявился при проведении траншеи, направленной перпендикулярно к основному раскопу. Постепенное понижение и повышение в залегании культурного слоя указывали на заполнение землянки, после ее оставления, землей, слой которой достигал большей толщины по середине и был более тонким у краев ямы. В самом низу культурного слоя (участок 59) найдена нижняя часть плоскодонного сосуда срубного типа.

Траншеей обнаружена не только землянка срубного времени, но еще одна, более поздняя, датируемая по находкам эпохой городецкой культуры. В самом конце траншеи отчетливо намечалось сильное понижение культурного слоя с изменением последовательности наслоений, обычной для Озименок. В этой части под дерновым покровом, вместо темного культурного слоя, обнаружен светлый песок, под которым находилась прослойка гумуса, представлявшая погребенный растительный слой; ниже шла перекопанная земля, отличавшаяся от окружающей коричневым цветом, а еще ниже залегал песок желтого цвета, без находок, с глинистыми прослойками.

Для выяснения этого явления пришлось расширить раскоп, и в профиле нового раскопа обозначились контуры большого углубления, заполненного коричневой перекопанной землей, переходившей внизу в углистый слой. Для уточнения залегания наслоений произвели поперечный разрез, которым окончательно установлено, что в этом месте находилась землянка, но более позднего времени, чем предыдущая, датируемая эпохой срубной культуры. При устройстве ее были перекопаны наслоения, относившиеся к срубной культуре. Поздняя землянка достигала глубины до 1,5 м от поверхности; посередине вскрыта очажная яма, в которой найдены фрагменты сосуда с суженной шейкой и обломки костей животных. У края ямы обнаружен рыболовный глиняный грузик цилиндрической формы. Судя по найденным предметам, землянка принадлежала населению городецкой культуры. Следует заметить, что на площади основной части раскопок встречены фрагменты сосудов с оттисками плетенья из тонкой крученой веревки. Хотя керамика подобного типа известна в дяковской культуре, но нахождение ее здесь совместно с керамикой городецкого типа, как

это наблюдается и в других пунктах на территории распространения городищской культуры, позволяет рассматривать ее как городищскую.

При зачистке дна раскопа (на участках 108—110) были открыты остатки ненарушенного культурного слоя, относящегося к эпохе неолита. Это было особенно ценно, так как только здесь неолитические предметы не были перемешаны с предметами срубной культуры. На указанных участках сохранилась не затронутая поздними поселенцами Озименок часть культурного наслоения эпохи неолита, что подтверждало вывод о существовании в Озименках неолитической стоянки задолго до заселения местности племенами срубной культуры. Ни о каких «пережитках неолита» в эпоху распространения срубной культуры в Озименках не может быть и речи. Смешанный характер «комплекса» привел в заблуждение первых исследователей, видевших в этом сосуществование древних неолитических предметов и предметов срубной культуры. В действительности в Озименках наблюдается довольно обычное для дюнных поселений явление: остатки их перемешиваются в песке, и создается впечатление однослойности памятника; на этом основании часто приходят к неверному выводу об одновременности предметов, объясняя присутствие древних, наряду с поздними, пережиточным явлением и забывая, что это может быть результатом простой, механической перемешанности остатков двух или более поселений, существовавших на одном и том же месте в разное время. Действительно, на дюне Озименки в 1951 г. были отчетливо прослежены на разных ее участках остатки только поселения эпохи срубной культуры, остатки поселения эпохи раннего железа и неолитической стоянки.

Хотя неолитический слой и уцелел лишь в виде небольшого островка, но он резко отличался интенсивно черным цветом от окружавшего его слоя желтого песка с глинистыми прослойками. Неолитический слой залегал на глубине 1,8 м от современной поверхности; толщина его — 10—15 см. В нем обнаружены фрагменты ямочно-ребенчатой керамики, обломок прекрасно отполированного желобчатого кремневого тесла и наконечник стрелы с черешком, отчетливо отделяющимся от пера. Ни одного позднего предмета эпохи срубной культуры или эпохи раннего железа здесь не было. Следовательно, этот небольшой участок сохранился целиком в нетронутом состоянии. Принимая во внимание большую глубину залегания находок, по сравнению с другими неолитическими находками на остальной площади, раскопанной в Озименках (0,2—0,5 м от современной поверхности), мы предполагаем, что место с уцелевшим неолитическим слоем представляет часть дна землянки эпохи неолита; в верхней части она была разрушена во время дальнейшей жизни в Озименках в эпоху бронзы и железа.

Таким образом, возникшее в начале раскопок предположение о смешанном характере культурного наслоения в Озименках полностью подтвердилось полученными данными.

Исключительно интересно, что на дюне Озименки побывали и фатьяновцы: на участке 65 раскопа найдены на глубине 0,4 м фрагменты 2 сосудов с типичным фатьяновским орнаментом (рис. 2). Здесь же (участок 93), на глубине 0,3 м обнаружены обломки человеческих костей. В Наровчатском музее хранится каменный сверленный топор с лопастью фатьяновского типа, найденный в Озименках вместе с человеческим черепом⁵. Очевидно, эти находки были связаны с фатьяновским погребением на дюне, часть которого попала в Наровчатский музей, а часть — обнаружена раскопками 1951 г. По-видимому, захоронение было произведено, когда дюна пустовала, т. е. в промежутке времени между существованием неолитической стоянки и поселения срубной культуры.

⁵ Найден крестьянином с. Большие Кавендры. Череп доставлен без нижней челюсти.

Находки фатьяновских предметов в Озименках интересны не только потому, что мы можем отметить еще одно явление в истории этого места, но особенно потому, что бассейн р. Мокши до сих пор оставался за пределами территории, которая, по сложившимся представлениям, была занята фатьяновской культурой. Эти находки, как и находки в бассейне р. Оки, показывают, что фатьяновские племена проникали в области, пограничные со степью, о чем мне приходилось уже писать при выяснении вопроса об истоках фатьяновской культуры⁶. Ежегодно увеличивающееся количество находок, относящихся к фатьяновской культуре, в области рр. Оки и Суры, в лесостепной полосе, подтверждает это положение. Мокша — правый приток Оки — входит в указанную область, и нахождение предметов фатьяновской культуры здесь вполне закономерно.

В I пункте Озименок вскрытая площадь составила 220 кв. м, во II пункте — всего 20 кв. м. Культурный слой во II пункте состоял из песка, окрашенного гумусом в черный цвет и содержавшего только предметы эпохи бронзы; сверху он был задернован, под ним залегал желтый песок без находок. В стенке участков 7—8 отмечены контуры поздней ямы, в которой найдены обломок современного железного топора и чешуя рыбы. Толщина культурного слоя колебалась от 0,1 до 0,2 м. Работы вскоре были приостановлены, так как место не представляло интереса.

Помимо раскопок, проведенных на дюне Озименки, экспедиция обследовала несколько пунктов археологических находок в окрестностях дюны; материалы обследования подтвердили правильность выделения различных этапов в истории заселения Озименок.

На окраине колхоза «Коммуна», находящегося в 0,5 км от Озименок, обнаружены в осыпи обрыва кремневые орудия; здесь, у дороги, идущей из колхоза вниз по направлению в с. Малые Кавендры, проведены небольшие раскопки, площадью 16 кв. м. Место это было известно и раньше по находкам кремневых предметов, и на карте Наровчатского музея обозначено как Казбакская стоянка. При зачистке обрыва на протяжении 20 м не обнаружено неолитического слоя; собрана лишь керамика эпохи бронзы. Культурный слой, содержащий остатки неолитической стоянки, обнаружен в шурфе, заложенном на самой дороге у спуска в долину р. Мокши. На середине раскопа вскрыта очажная яма округлой формы. Около нее найдены фрагменты керамики неолитического облика, кремне-

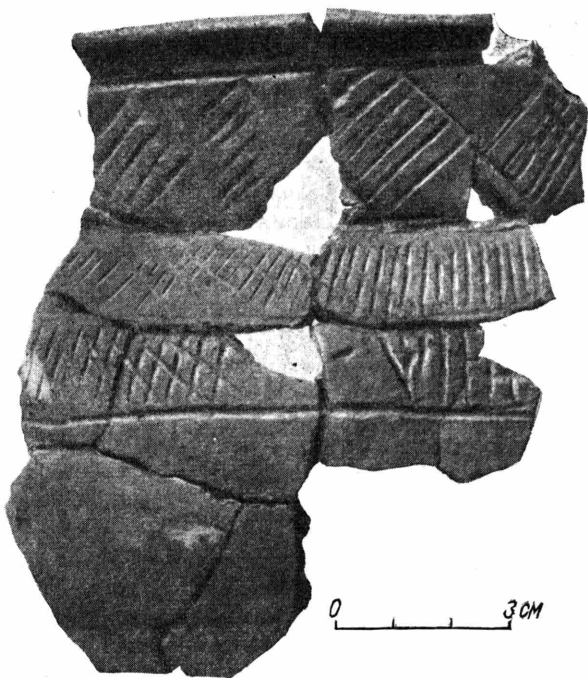

Рис. 2. Озименки. Фрагмент сосуда фатьяновского типа.

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, глава XI.

вые осколки и орудия. Все эти находки сосредоточивались в песке, отличавшемся, как и в Озименках, интенсивно-черным цветом и залегавшем под очень плотным (утоптаным ногами животных и людей) слоем, который покрывал его как бы корой.

Неолитический слой заходил карманами также в нижележащий желтый песок и сохранился здесь в «чистом виде», без примеси более поздних находок, но продолжение работ не представляло большого интереса. Вокруг раскопа, судя по разрушенной поверхности, наслоение не сохранилось, и вскрытый участок имел вид уцелевшего незначительного островка. Кроме того, в силу залегания культурного слоя под дорогой керамика встречалась лишь в виде плохо сохранившихся незначительных обломков.

Казбакская стоянка ценна тем, что в ее слое находятся только неолитические предметы, как наблюдалось на небольшом участке в Озименках (участки 108—110); это указывает на существование в различное время неолитических стоянок и поселений срубной культуры.

В окрестностях Озименок, при обследовании дюнных возвышений (Польного бугра, Парилки и развеевной дюны у с. Малые Кавендры), где были обнаружены следы поселений эпохи бронзы, найдена керамика только срубной культуры. Такая же керамика в сопровождении каменной мотыжки встречена на распаханном срубном поселении в поле, по дороге из колхоза «Коммуна» в с. Александрово. Близ г. Наровчата на песчаном берегу р. Шелданса, впадающей в Мокшу, обследовано разрушенное поселение ранней железной эпохи.

Таким образом, в окрестностях Озименок зафиксирован ряд пунктов с культурными наслоениями, содержащими предметы только срубной культуры либо только предметы эпохи неолита или эпохи раннего железа. В Озименках же, в связи с неоднократным заселением дюны, оказались перемешанными остатки разновременных поселений, частично занимавших одну и ту же площадь, совпавшую с местом, раскопанным экспедицией Антропологического музея и экспедицией 1951 г.

Перейдем к рассмотрению выделенных нами комплексов.

К эпохе неолита относится керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом позднего вида, найденная в количестве около 500 фрагментов. В узорах преобладают оттиски гребенчатого штампа (рис. 3—5), который нередко воспроизводит подражание веревочке благодаря косым нарезам на штампе (рис. 3—6); это не отмечается в Волго-Окском бассейне и служит местным отличием. Встречается сочетание глубоких конических ямок с ямчатыми вдавлениями (рис. 3—1—3).

Найденные в Озименках кремневые орудия, судя по технике изготовления и по форме, относятся к эпохе неолита. Среди них — наконечники стрел: один — из ножевидной пластины, обломанный, с ретушью по краю, другой — с треугольным пером и отчетливо выраженным тонким черешком и третий — со слабо намечающимся черешком (рис. 4—4—6); скребки, изготовленные из пластинчатых и массивных отщепов небольшого размера (рис. 4—10, 11, 16, 17); скребки из ножевидных пластинок (рис. 4—9). В единичных экземплярах встречены проколка (рис. 4—8), резчик и скобель (рис. 4—15, 12). Обнаружены 2 орудия — тесла — с частичным полированием; обломок одного из них был вторично обработан с целью получить тесло меньшего размера.

Ножевидные пластинки и соответствующие им нуклеусы с тонкими гранями, а также упомянутые ранее орудия свидетельствуют о применении не только техники изготовления орудий из отщепов, но и из ножевидных пластинок.

Из орудий, принадлежность которых к эпохе неолита сомнительна, можно указать на довольно массивное тесло из кристаллического сланца (?), сильно сработанное, но сохранившее полирование на рабочей

части; верхняя часть его уплощена для укрепления в специальной втулке. Подобные орудия могли быть и в комплексе срубной культуры.

Среди находок очень интересны фрагменты сосудов со следами пребывания их в атмосфере с очень высокой температурой, в результате чего

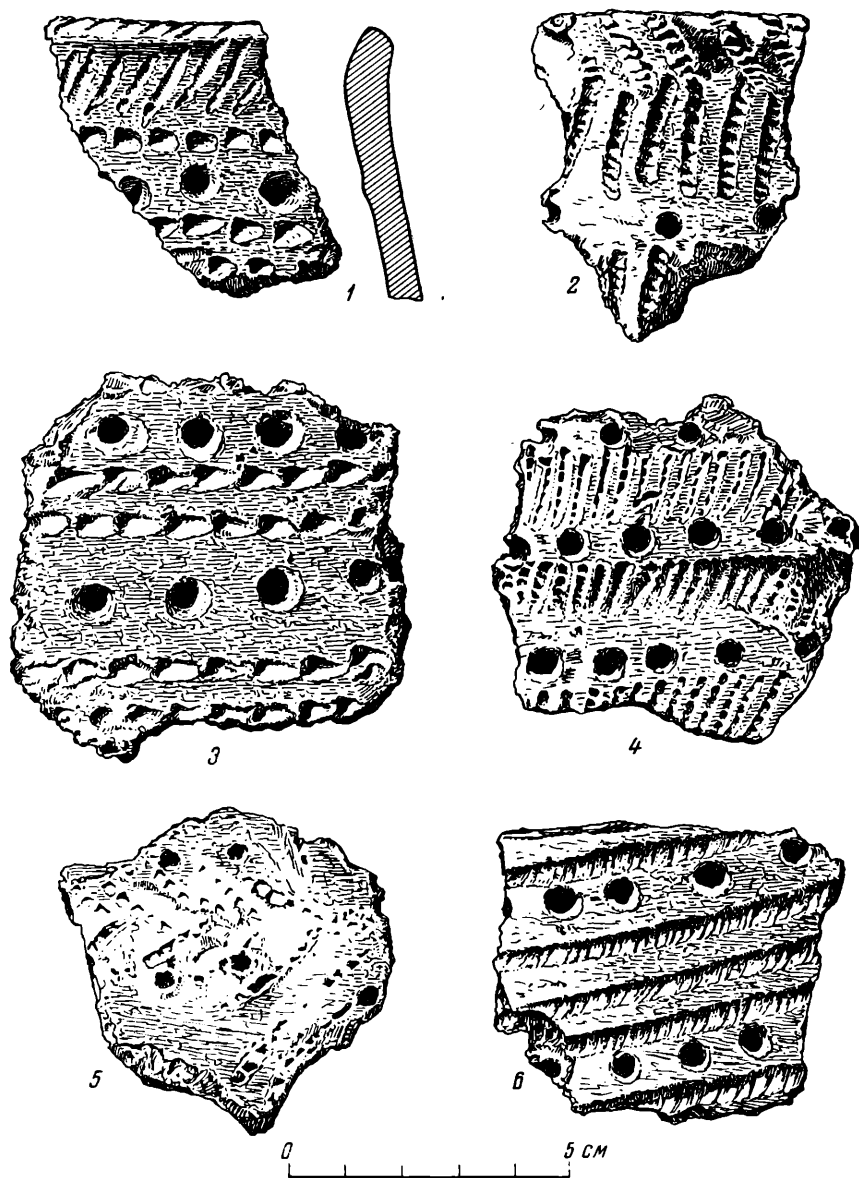

Рис 3. Озименки. Керамика неолитического типа (1—6).

керамика приобретает сильную пористость и шлакируется. Эти признаки указывают на применение глиняных сосудов при выработке металла⁷, в данном случае — меди или бронзы. Один из таких фрагментов принад-

⁷ Подобное явление прослежено во многих археологических пунктах, связанных с выработкой металла, например на Галичском озере (в Костромской области), на уральских стоянках и др.

лежал орнаментированному сосуду, покрытому гребенчатыми узорами. Следовательно, обычный сосуд бытового назначения был применен в качестве тигеля или льячки (фрагменты найдены на участках 41, 44 и 46, последние — в близком соседстве друг с другом). Фрагменты с подобным гребенчатым орнаментом нет основания относить к эпохе неолита, так как штамп, применявшийся при орнаментации сосуда, отличается узкими зубцами, что совершенно не свойственно неолитическим штампам.

Большая часть керамики, найденной в Озименках, относится к срубной культуре. Она более крепкая по сравнению с неолитической, более многочисленная и сохранилась в виде больших фрагментов (рис. 5). Сосуды, судя по фрагментам, были плоскодонные, баночной и острореберной формы. Узоры расположены по верхней части сосуда.

Среди обычных орнаментов срубного типа, нанесенных гребенчатым штампом, нарезкой или с помощью вдавлений, имеющих вид неглубоких ямок, есть узоры особого вида, которые не имеют аналогий в пределах распространения срубной культуры. На этой части керамики необходимо подробнее остановиться. Прежде всего обращает на себя внимание ее орнамент, имеющий в основе ромбические формы. Узоры или составлены из оттисков короткой гребенки, образующих правильные ромбы либо несколько удлиненных, идущих в ряд (рис. 6 — 1, 5, 6, 9), или представляют собой отпечатки гладкого штампа ромбической формы, расположенные в «шахматном порядке» (рис. 6 — 2, 8). Фрагменты шеек указывают на иную их форму по сравнению с шейками сосудов срубной культуры. Часть сосудов имела прямые шейки и хорошо выраженные плечики. Подобного вида керамика находит аналогии только в бассейне р. Мокши, т. е. в области, где расположены и Озименки.

Незначительное количество керамики с орнаментом из поверхностных отпечатков гладкого ромбического штампа обнаружено около с. Теньгуши⁸, а также еще в 6 пунктах в низовьях р. Мокши⁹, где, кроме этого орнамента, известен и другой, состоящий из ромбов, нанесенных гребенкой. Поскольку посуды такого вида нет в известных в настоящее время культурах эпохи неолита, бронзы и раннего железа, мы вправе рассматривать эту керамику как местную, возникшую в бассейне р. Мокши (в верховьях ее — Озименки, в низовьях — остальные пункты). Насчитывается 8 пунктов с такой керамикой. В связи с находками ее в бассейне одной реки можно высказать предположение, что на этой территории обитали племена, для посуды которых характерна особая система принятой здесь орнаментации. Дальнейшее исследование археологических памятников в бассейне р. Мокши позволит не только подтвердить это предположение, но и уточнить границы территории, некогда занятой мокшинскими племенами.

Неосомненно, что массовые находки керамики будут служить фундаментом для дальнейших выводов при определении пограничной полосы между мокшинскими племенами и племенами срубной культуры. Проникновение керамики мокшинского типа в Озименки, где было поселение срубной культуры, является признаком установления связей между тем и другим населением. О связях с племенами катакомбной культуры можно судить также по находке керамики, явно катакомбной, а не срубной. В качестве иллюстрации приведем фрагмент сосуда (рис. 6 — 10) с узором из элементов, распространенных в катакомбной культуре, — характерный зашип, образующий рельефные полосы, отпечатки веревочки в виде плетешка и вместе с тем — гребенчатый зигзаг и зоны косой гребенки.

⁸ Е. И. Горюнова. Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ. КСИИМК, вып. V, 1940.

⁹ П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 66—73.

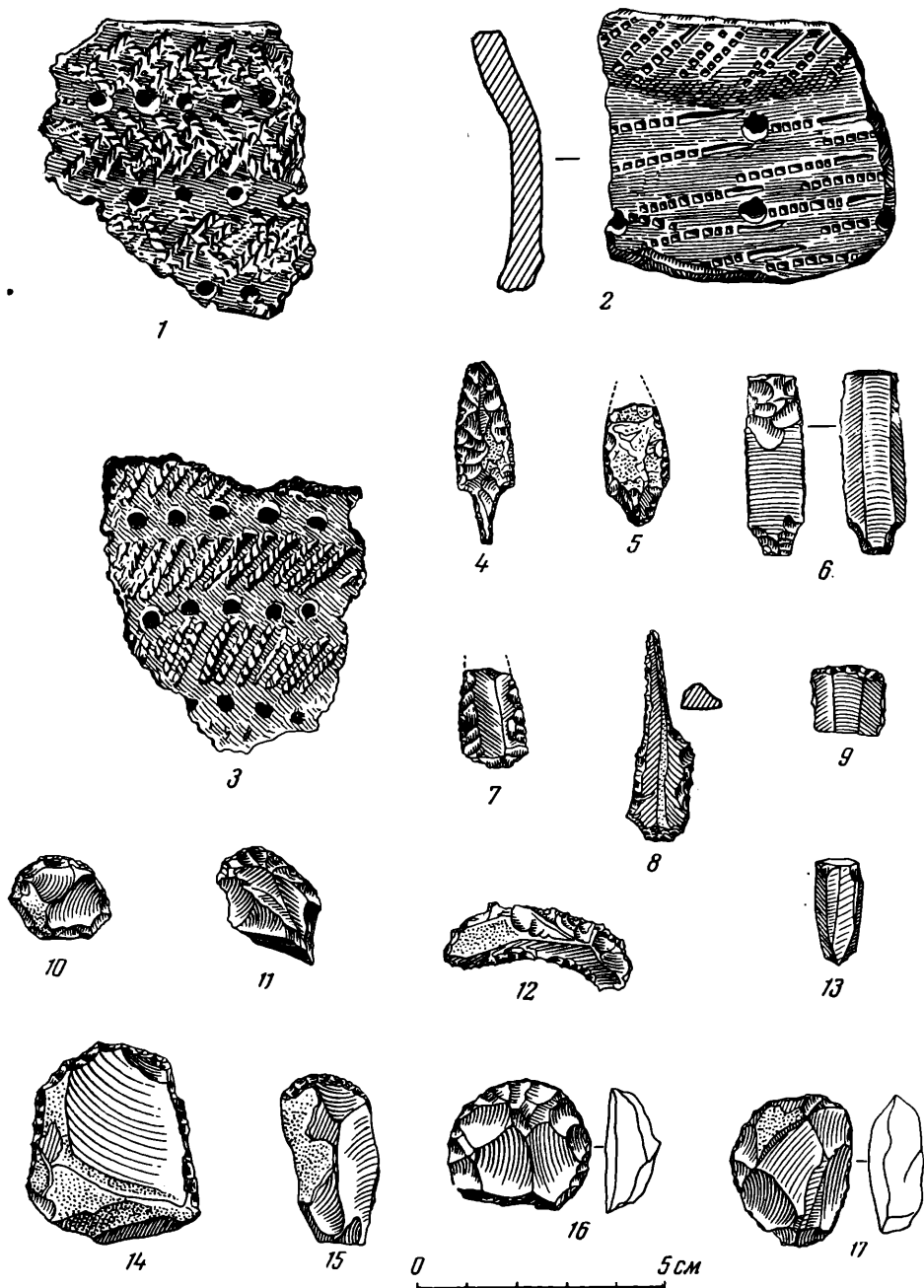

Рис. 4. Озименки. Керамика и кремневые изделия неолитического типа.

1—3 — керамика; 4—17 — кремневый инвентарь.

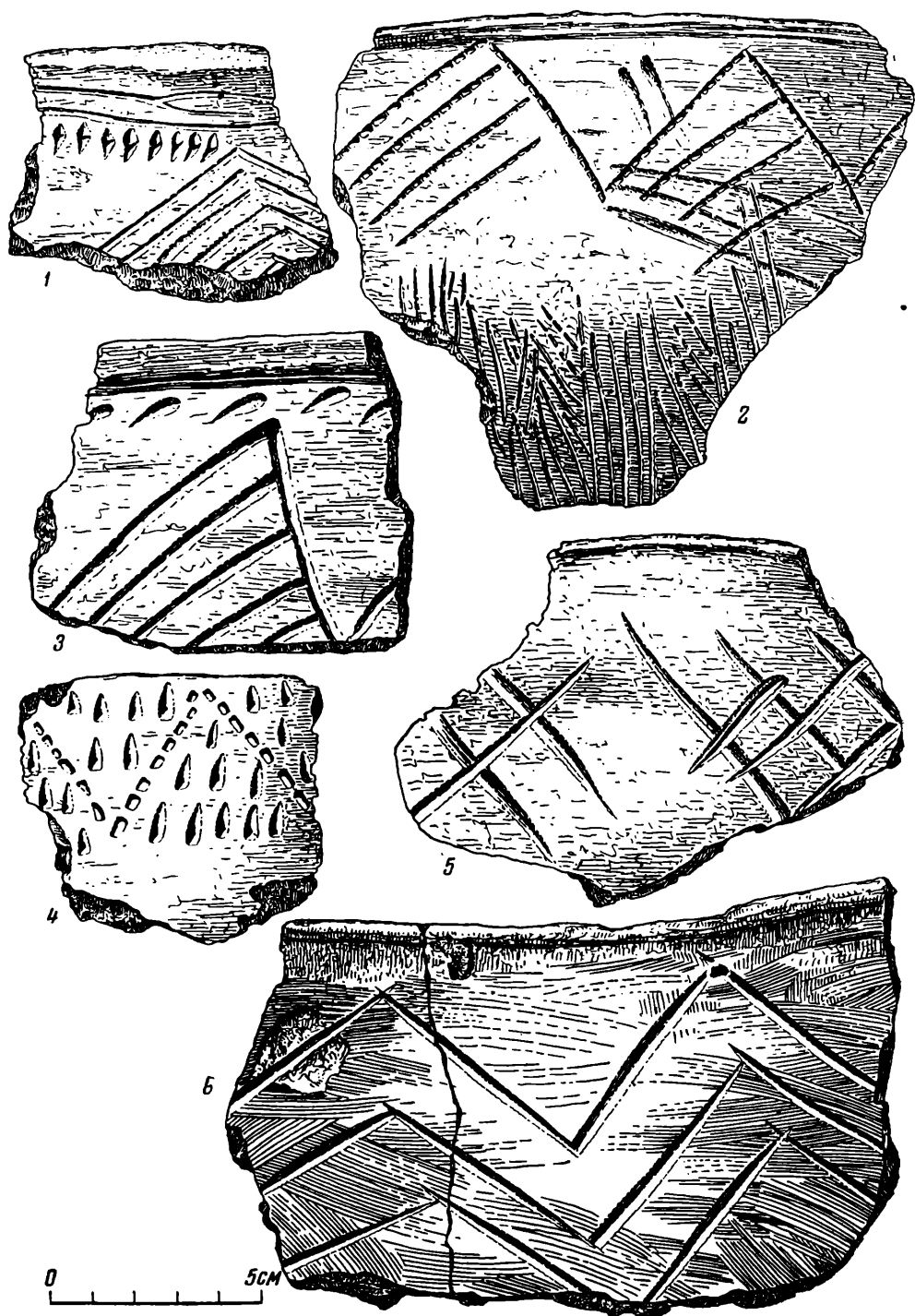

Рис. 5. Озименки. Керамика срубного типа (1—6).

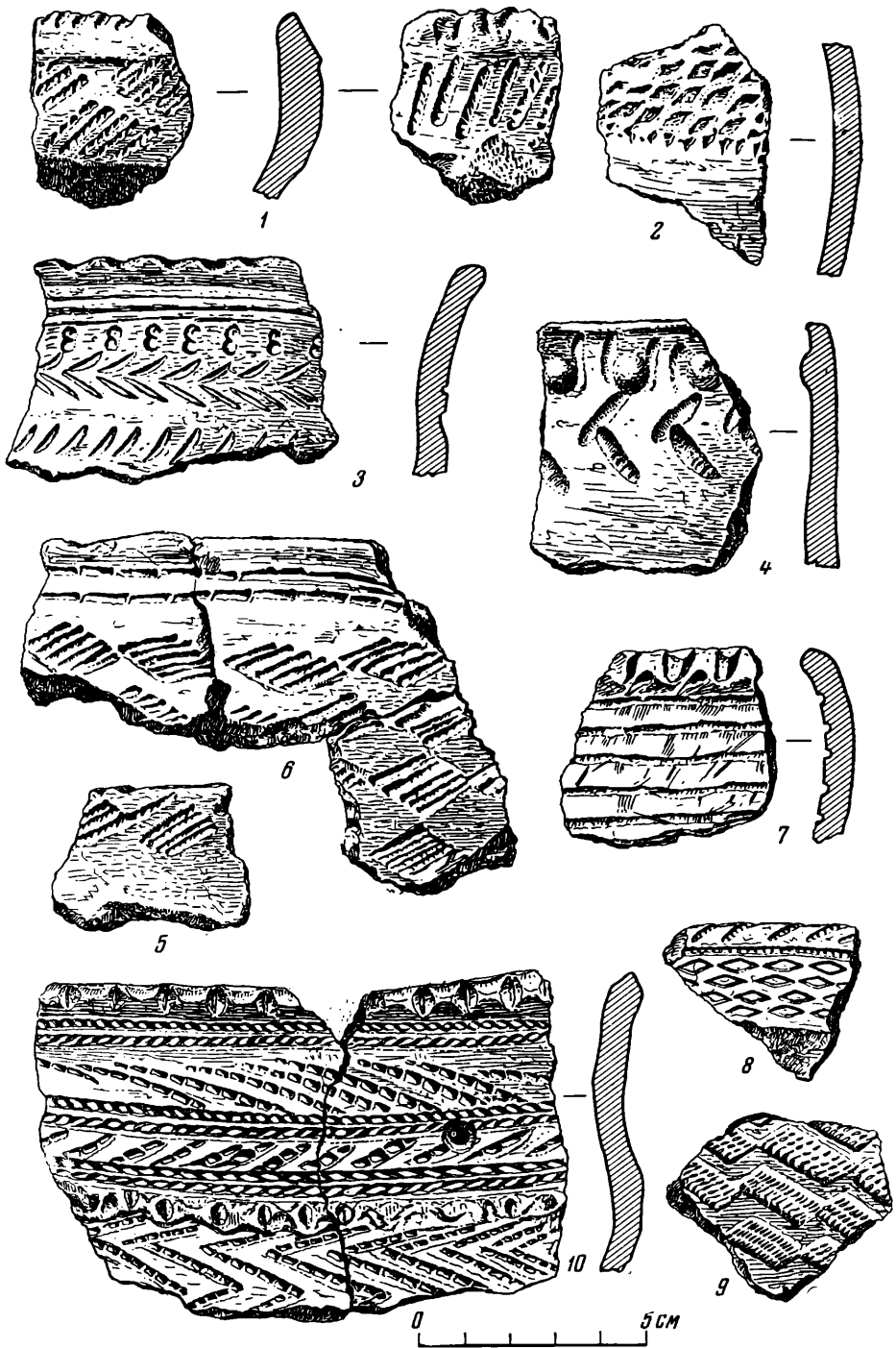

Рис. 6. Различные типы керамики со стоянки Озименки.
 1—6, 8, 9 — местная мокшинская керамика; 7, 10 — катакомбная.

Перечисленные материалы доказывают, что в Озименках существовало поселение срубной культуры и что жители его имели какие-то связи с племенами, занимавшими область, расположенную ниже по течению р. Мокши. Также совершенно ясно, что дюна Озименки, до обоснования на ней этого поселения, была занята неолитической стоянкой, обитатели которой были связаны генетически с окскими племенами. Поздние материалы Озименок, относящиеся к эпохе городищной культуры, свидетельствуют о новом этапе заселения дюны уже после оставления ее носителями срубной культуры.

Таким образом, в истории Озименок устанавливаются 3 этапа, датируемых приблизительно самым началом II тысячелетия, затем — около середины II тысячелетия и около середины I тысячелетия до н. э.

В заключение необходимо остановиться еще на одной категории находок из Озименок — это предметы, характерные для фатьяновцев. Типичный каменный полированный топор с лопастью, типичный сосуд с орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом, который был распространен лишь у фатьяновских племен, и другие фрагменты, керамики тоже с фатьяновскими орнаментами, нанесенными также мелкозубчатым штампом, не вызывают сомнения в принадлежности всех этих предметов к фатьяновской культуре.

В Наровчатском музее хранятся каменные топоры, близкие по виду фатьяновским¹⁰. Все эти находки свидетельствуют о проникновении в область р. Мокши фатьяновцев. Сопоставляя собранные здесь предметы с находками близ с. Теньгуши, а также с находками в бассейне р. Оки, мы приходим к выводу, что на Оке и на Мокше были фатьяновские племена, по-видимому, в период между обитанием здесь неолитических племен и племен срубной культуры, т. е. приблизительно в 1700—1600 гг. до н. э., в эпоху расселения среднеднепровских племен по рр. Оке, Волге и др. из области распространения среднеднепровской культуры.

Подводя итоги изучения материалов из Озименок, мы констатируем большое значение их в решении общих вопросов истории древних племен на территории Европейской части СССР в эпоху неолита и бронзы.

¹⁰ Находка в селе Пичуры в 3—4 км от Озименок.

М. Е. Фосс

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК
В МИЧУРИНСКОМ РАЙОНЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1953 году¹

С 1951 по 1954 г. под руководством М. Е. Фосс работала лесостепная экспедиция ИИМК. В 1951 и 1952 гг. экспедиция обследовала памятники Пензенской области (стоянку Озименки и др.), в 1953 г. работала в Тамбовской области, в 1954 г. — в Брянской (стоянки в урочище Бельнец) и Воронежской областях. Археологическое обследование лесостепной полосы проводилось с целью выяснить сложный вопрос о синхронизации археологических культур эпохи неолита и бронзы: здесь, в пограничной зоне, где происходило соприкосновение тех и других культур, было легче разрешить поставленную задачу.

В 1953 г. лесостепная экспедиция² включила в план работы раскопки поселений эпохи неолита и бронзы в слабо обследованном в археологическом отношении Мичуринском районе. О местонахождении этих поселений известно лишь по коллекции, поступившей в Московский исторический музей в 1927 г. от Н. Н. Демина.

Позднее в Мичуринском районе производились сборы на поверхности почвы в различных пунктах окрестностей г. Мичуринска краеведами А. А. Кирпичевым и Е. И. Иноземцевой.

В 1952 г. по заданию ГИМ В. Л. Фосс произвел археологические разведки, со сбором археологического материала, близ с. Старое Тарбево, установив наличие культурного слоя в отмеченных ранее пунктах. В 1953 г. экспедицией велись раскопки близ с. Старое Тарбево в местности Подзорово и во вновь открытом пункте в местности Глинище. Попутно были обследованы 2 славянских селища, где собрана на поверхности почвы керамика XII—XIII вв.

Основная работа была сосредоточена в Подзорове. Так называется местность на левом берегу р. Воронежа, приблизительно в 1,5 км вниз по течению от с. Старое Тарбево. Здесь берег реки возвышается на 3—4 м над уровнем воды³. С северо-востока Подзорово круто обрывается к старице р. Воронежа, сильно заболоченной; с двух других сторон оно окружено широкой поймой, причем в юго-восточном направлении посте-

¹ Настоящая работа представляет собой полевой отчет М. Е. Фосс о работах лесостепной экспедиции 1953 г. Опущены только некоторые детали чисто отчетного характера. Полная рукопись хранится в Отделе полевых исследований ИИМК.

² Организована ИИМК и ГИМ. В экспедиции принимали участие М. Е. Фосс, Т. В. Наздарская, Н. И. Цупон, Ю. П. Авдошин, Е. И. Иноземцева, А. А. Кирпичев, А. В. Парамонов и Н. Ф. Соколова.

³ Уровень в августе 1953 г.

пенно снижается и сливается с ней, а в юго-западном — имеет крутой склон. Несмотря на высокое месторасположение, Подзорово, как и его окрестности, ежегодно в весеннее половодье покрывается водой. Следы разливов можно наблюдать повсюду по попадающим на поверхности и в почве раковинам *Ulio*. Раскопки показали, что раковины находились не только в верхних слоях, но и на глубине 1 м и глубже от современной поверхности; нередко они попадались в виде прослоек. Все это указывало на то, что в древнее время Подзорово тоже затоплялось речными водами. Размывание водой культурного слоя прослеживалось и стратиграфически:

1) во многих местах, в наиболее высокой части Подзорова культурное наслоение было обнажено, и древние предметы находились на современной поверхности;

2) культурный слой содержал предметы, относящиеся к различным эпохам — к неолиту и эпохе бронзы;

3) в разрезах отчетливо прослеживался намытый водами слой мощностью до 0,7 м на западном склоне, обращенном к пойме;

4) очажные ямы с остатками угольков уцелели лишь в немногих пунктах.

Все это подтверждало, что культурное наслоение размывалось время от времени, в результате чего предметы, находимые при раскопках, были смещены и перемешаны в одном слое.

Экспедицией вскрыто более 200 кв. м. В высокой части Подзорова под растительным покровом толщиной 8—10 см залегал чернозем, содержащий предметы эпохи неолита и бронзы в перемешанном состоянии; толщина этого слоя колебалась в среднем от 0,15 до 0,5 м. Ниже шла плотная глина без находок. На склоне, обращенном к пойме, под растительным слоем залегал, как уже указывалось, намытый слой, почти лишенный находок, толщиной от 0,3 до 0,7 м; под ним шел черноземный слой толщиной 0,3—0,35 м с находками, а ниже — плотная глина, без находок. Глубина раскопа в западной части достигала 1,4—2 м.

С целью обнаружить культурный слой, содержащий остатки какого-либо одного поселения — эпохи неолита или эпохи бронзы, проведена шурфовка за пределами возвышенной части Подзорова — в пойме, но культурный слой не обнаружен; только у самого подножия западного склона попадались отдельные находки. Отрицательные результаты получены и при продолжении раскопа к реке.

Траншеей, направленной к югу, вскрыт культурный слой, бедный находками, но содержащий, — что было особенно ценно, — только поздненеолитические предметы. В этой части раскопа под растительным покровом (в 10—15 см) залегал глинистый слой толщиной в среднем 0,25—0,3 м, с большим количеством раковин, а ниже — плотная глина без находок.

В результате раскопок выяснено, что в более раннее время в Подзорове существовала поздненеолитическая стоянка, а затем на этом же месте расположилось поселение, датируемое эпохой бронзы.

Раскопки показали, что поздненеолитическая стоянка занимала площадь, большую по сравнению с поселением эпохи бронзы, ограниченная территория которого, совпадающая с более высокой частью Подзорова, по-видимому, объясняется тем, что низина в эпоху бронзы была покрыта водой, и Подзорово имело вид острова.

В Подзорове найдено 2573 предмета; основную часть их составляли фрагменты керамики. Много собрано костей животных, рыб и птиц. Встречены кремневые и костяные изделия.

Керамика резко разделится на 2 группы — поздненеолитическую и относящуюся к эпохе бронзы. Судя по фрагментам с ямочно-гребенчатым орнаментом, поздненеолитические сосуды имели широкое прямое горло,

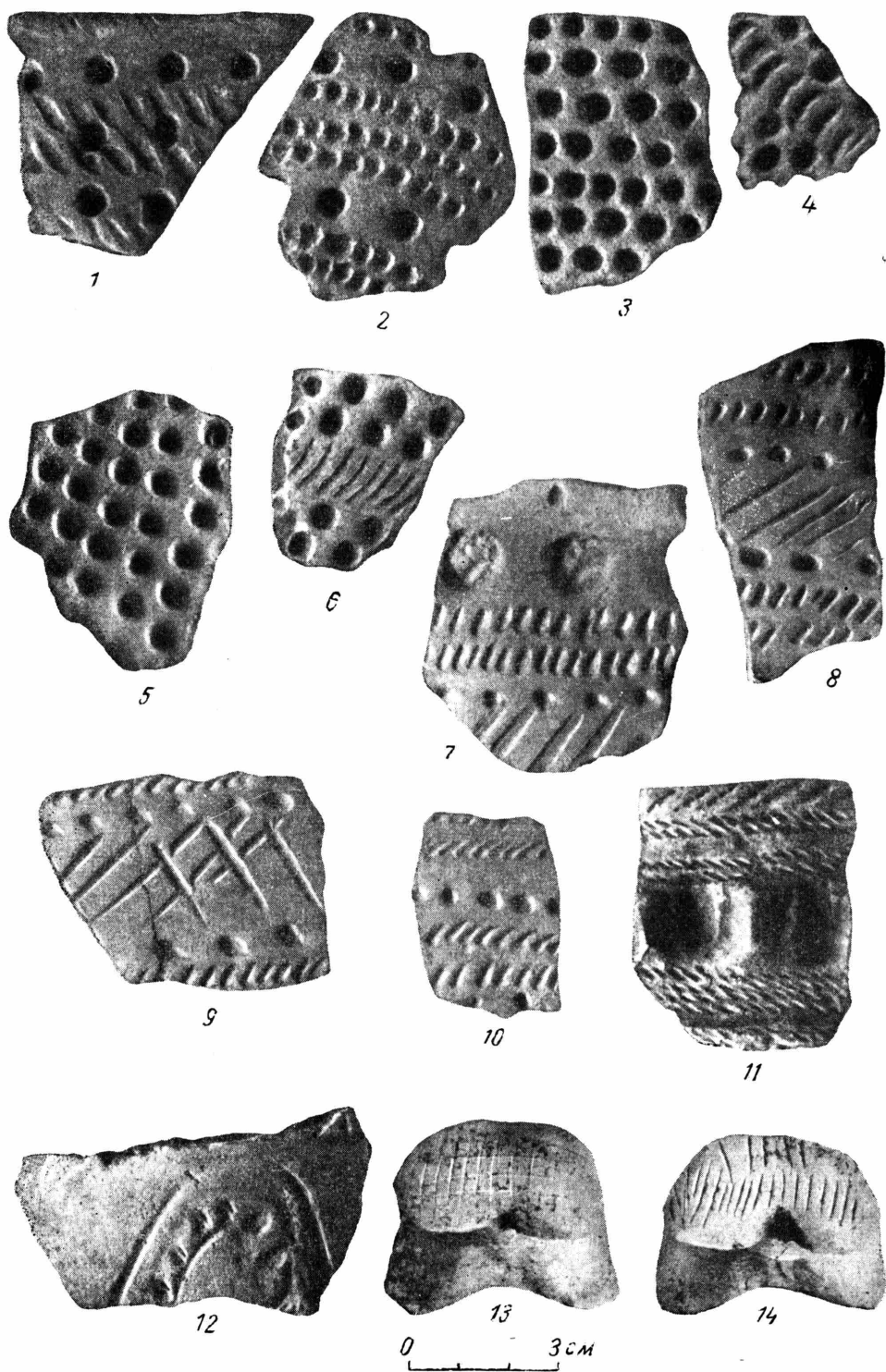

Рис. 7. Подзорово. Керамика и астрагалы с нарезками.

1—6 керамика неолитического типа; 7—12 — керамика эпохи бронзы; 13, 14 — астрагалы.

прямые стенки и яйцевидное дно. Сосуды, орнаментированные мелкозубчатой гребенкой, с зонами без орнамента, изготавливались, насколько можно судить по отдельным фрагментам, с уплощенным дном. Ямочно-гребенчатый орнамент подзоровской керамики обнаруживает в значительной своей части большое сходство с орнаментом ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна (конические ямки, разделенные зонами гребенчатого, «лунчатого» орнаментов и др.; рис. 7; рис. 8—1—5); часть керамики орнаментирована ямчатыми элементами, распространенными в лесостепной зоне, мелкозубчатым гребенчатым штампом и штампом, дающим оттиски, напоминающие веревочный рисунок, а также другими узорами, характерными для лесостепной керамики.

Очень интересно отметить среди других орнамент, нанесенный особым приемом, так называемой «отступающей лопаточкой» (рис. 8—6, 7). Подобный орнамент получил широкое распространение в позднем неолите в смежной области — на территории УССР. Сочетание ямочно-гребенчатого орнамента с «отступающей лопаточкой» позволяет синхронизировать керамику того и другого типа, что особенно важно для выяснения интересующего нас вопроса о синхронизации культур степной и лесной областей.

Следует отметить, что в тесте, из которого изготавливалась поздненеолитическая посуда, есть различные примеси: в тесте основной части сосудов (с ямочно-гребенчатым орнаментом) — примесь дресвы, у незначительной части (с «отступающей лопаточкой») — толченой раковины; растительная примесь (в отличие от керамики эпохи бронзы) отсутствует.

Керамика эпохи бронзы отличается от поздненеолитической по форме и орнаменту. Сосуды были с плоским дном и хорошо выраженной шейкой и плечиками (рис. 7—11). Большая часть фрагментов сглажена штампом с крупными зубцами; часть имеет лощеную поверхность. Орнамент обычно расположен по верхней части сосудов. Среди элементов узора преобладает гребенчатый штамп; встречаются ямчатые элементы, отличающиеся различными размерами и очертаниями (прочерченный орнамент и др.; рис. 7—10). Интересны также орнаменты, которые характерны для керамики катакомбной культуры. К ним относится узор, нанесенный защипом и перевитой веревочкой (рис. 7—11). В расположении элементов тоже отмечается сходство с катакомбной керамикой (зигзаг или «ёлка», покрывающие сосуд с самого верха до низа, заполнение орнаментального поля треугольными узорами, составленными из целого ряда оттисков короткой гребенки или прочерченных линий, и др.; рис. 8—9—11).

Среди орнаментов такого вида есть очень своеобразные, напоминающие по своим элементам и строго зональному расположению поздненеолитические. В тесте сосудов эпохи бронзы — различные примеси: толченая раковина, растительная примесь и др.

Обращает на себя внимание фрагмент дна. По нему можно представить детали приемов лепки плоскодонных сосудов. На внутренней поверхности черепка отчетливо видны отпечатки пальцев, оставшиеся при заравнивании дна; на внешней поверхности — рельефное «паукообразное изображение», получившееся в связи с особым приемом изготовления сосуда. Для того, чтобы глина не прилипала к основе, на которой формировался сосуд, дно его лепили на ткань, собранной в центре так, что получались лучеобразные складки. В процессе лепки, с целью получить дно с округлыми очертаниями, его поворачивали, надавливая, по-видимому, большим пальцем в центре, отчего на внешней поверхности выступил бугорок. В момент поворота лучеобразно расположенные складки ткани изогнулись, и, таким образом, получилось «паукообразное изображение».

Разделение керамики на две основные группы, относящиеся к позднему неолиту и эпохе бронзы, было сделано почти без затруднения. Но в отно-

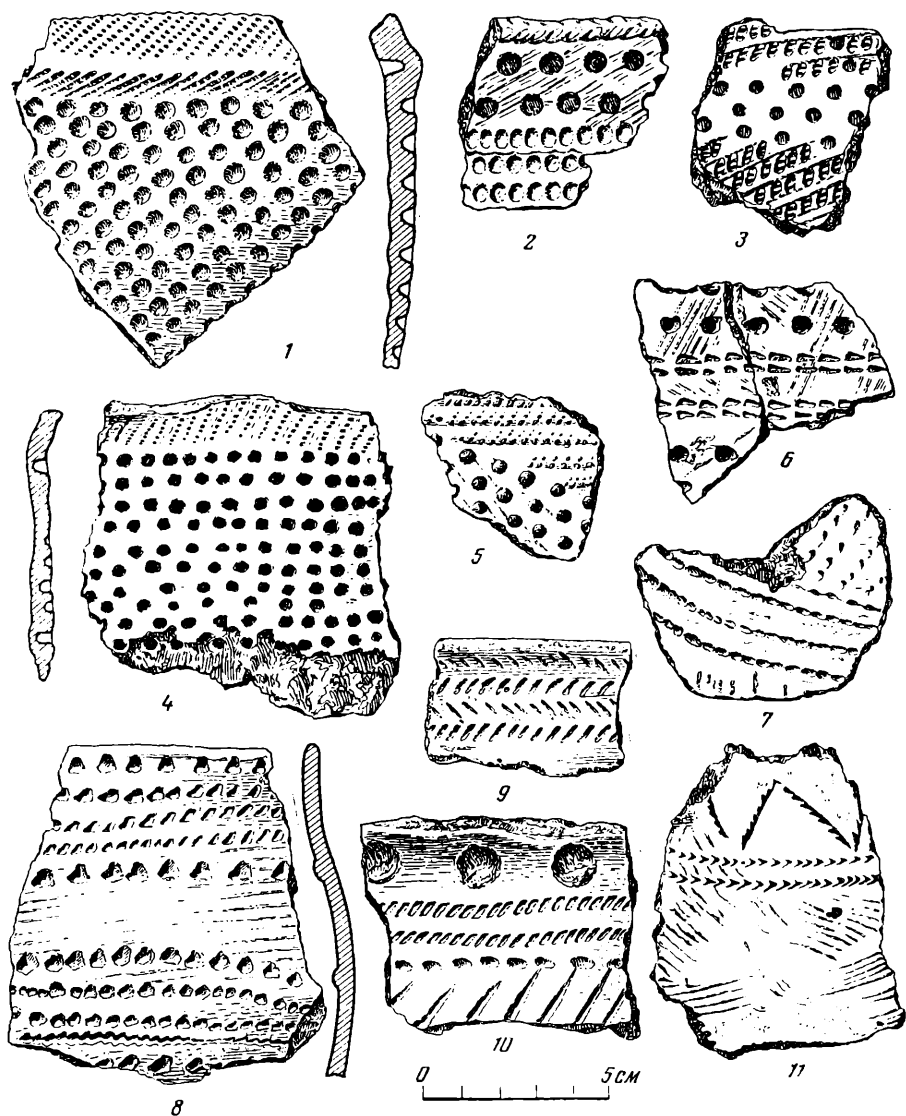

Рис. 8. Подзорово. Фрагменты керамики.

1—7 — неолитического типа; 8—11 — эпохи бронзы.

шении костяных и каменных изделий, а также костей животных, рыб и птиц не всегда представлялось возможным решить, относятся ли они к стоянке, или к поселению эпохи бронзы. Только для некоторых предметов можно было установить принадлежность к эпохе позднего неолита или эпохе бронзы.

Из таких изделий следует назвать костяной наконечник стрелы, с обломанной верхней частью; черешок его, округлый в сечении, заканчивается острием, стесанным на грани, что нередко наблюдается у костяных наконечников стрел игловидного и шигирского типа, распространенных в эпоху неолита в лесной области Восточной Европы (рис. 9—1). Среди кремневых орудий можно выделить поздненеолитические — наконечники стрел треугольно-черешковой формы, резчик, а также «фигурный кремь» (в виде фрагмента). Остальные кремневые и костяные орудия «атипичной формы» (скербки, шилья, остря, долота и др.) могли применяться и в ту, и в другую эпоху. Привеска из реза лося относится к эпохе неолита и характерна для привесок, распространенных в области лесного неолита Восточной Европы.

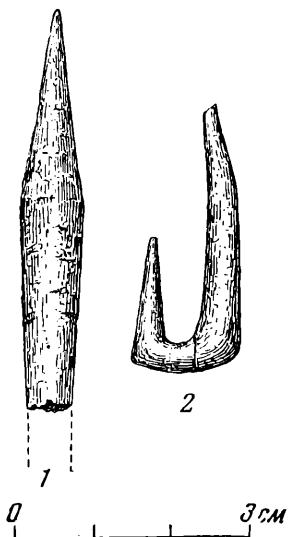

Рис. 9. Костяной наконечник стрелы (1) и рыболовный крючок (2) из Подзорова.

Относительно же двух интересных находок — лошадиных бабок с орнаментом и зарубками мы не ошибемся, если отнесем их к эпохе бронзы (рис. 7—13, 14). Возможно, что бабки служили игральными костями подобно тем, которые были известны в эпоху бронзы. Одни из них, принадлежащие к катакомбной культуре, обнаружены В. А. Городцовым в бывшем Изюмском уезде Харьковской губернии. На одной из найденных в Подзорове бабок нанесено 28 зарубок, расположенных в 2 ряда (рис. 7—14). Считать, что это орнамент, — нет основания, так как подобные же зарубки в количестве пяти, расположенные в ряд, и с одной над ними отмечены также на простом

обломке трубчатой кости крупного животного. Можно высказать предположение, не наносились ли зарубки с целью какого-то счета (возможно, — в процессе игры, а может быть, велся счет времени). К сожалению, поверхность бабки частично повреждена, и несколько зарубок прослеживается лишь при внимательном рассмотрении губчатой части кости. Если число зарубок, действительно, было 28, то можно было бы высказать предположение о счете времени, так как в лунном месяце 28 дней, что соответствует числу зарубок.

На другой бабке нанесен орнамент из пересекающихся под прямым углом поверхностных линий, образующих сетку с квадратными ячейками (рис. 7—13), количество которых может быть выяснено лишь при фотографировании с большим увеличением. Интересно сопоставить число ячеек с количеством зарубок на другой бабке, чтобы выяснить, не было ли преднамеренного соотношения между тем и другим. Так, может быть, выяснится и назначение подобных интересных находок. На бабке с орнаментом в виде сетки сбоку виден еще особый знак.

Найденный в Подзорове костяной рыболовный крючок по форме отличается от крючков, известных в лесном неолите, поэтому связывать его с инвентарем неолитической стоянки нет основания (рис. 9—2). Но и среди рыболовных орудий, найденных в южной полосе Восточной Европы, крючков подобной формы нет. Таким образом, вопрос о принадлежности его к тому или другому поселению остается открытым.

Интересно почти полное отсутствие среди находок в Подзорове не только каменных орудий, но осколков кремня и необработанного камня. Причина малого количества каменных орудий, столь многочисленных на любой стоянке лесного неолита восточноевропейской территории, нам не ясна. Отсутствие же камня в Подзорове, как и в его окрестностях, является местной особенностью. При произведенных экспедицией разведках обнаружены только 2 пункта близ с. Старое Тарбеево, богатых кремнем и кварцитом, находящихся в 3—4 км от Подзорова. Любопытно, что найденные в этих пунктах осколки кремня и кварцита были совершенно одинаковы по цвету с кремневыми и кварцитовыми орудиями из Подзорова, что может служить достаточным основанием для предположения, что материал, из которого изготовлялись в Подзорове каменные орудия, происходил именно из этих местонахождений.

В Подзорове, кроме керамики, каменных и костяных изделий, обнаружен многочисленный остеологический материал — кости животных, птиц и рыб. Особенно много найдено птичьих костей. Большая часть их сильно фрагментирована и, очевидно, являлась отбросами пищи.

По определению В. И. Цалкина⁴, установлены кости лося, бобра, медведя, кабана, собаки, лошади, крупного рогатого скота и свиньи. Остатки костей лошади, рогатого скота и свиньи представлены мелкими фрагментами, не позволяющими уточнить, принадлежали ли они домашним или диким особям.

Поздненеолитическую стоянку в Подзорове можно датировать самым концом III тысячелетия до н. э., а поселение эпохи бронзы — несколько более поздним временем — началом II тысячелетия до н. э.

Во время разведок по берегам р. Воронеж в окрестностях с. Старое Тарбеево экспедицией обнаружена еще одна стоянка, относящаяся к тому же времени, что и в Подзорове, — в местности Глинище. Этот пункт находится приблизительно в 0,5 км от с. Старое Тарбеево, вниз по течению реки, на правом ее берегу, который в этом месте возвышается на 4 м над уровнем воды, круто обрываясь к реке. От стоянки сохранилась лишь узкая полоса вдоль обрыва; но стоянка занимала значительную часть вспаханного в настоящее время поля, на поверхности которого встречаются фрагменты костей животных и керамики из нарушенного культурного слоя. В общей сложности в Глинище раскопано около 25 кв. м. Под растительным покровом, толщина которого в среднем равнялась 10—15 см, залегал песок желто-серого цвета, в котором были сосредоточены древние находки — керамика, кремневые орудия, кости животных и пр. Толщина культурного слоя колебалась от 0,3 до 0,6 м. Ниже шел желтый песок без находок. По-видимому, часть стоянки разрушена во время обвалов крутого берега: внизу у реки и в осыпи обнаруживаются выпавшие из культурного слоя фрагменты керамики и кости.

Как и в Подзорове, стоянка в Глинище, несмотря на высокое расположение ее над уровнем реки, заливалась в весеннее половодье, о чем можно судить по большому количеству раковин *Ulio* и по тому, что песок культурного слоя по краю обрыва перемешан. В результате раскопок в Глинище получен небольшой, но очень интересный материал, так как здесь обнаружен культурный слой, содержащий лишь находки, относящиеся к эпохе неолита. Среди них основную часть составляли фрагменты керамики, совершенно аналогичные найденным в Подзорове и датированным эпохой неолита. Собранный здесь керамика (более 250 фрагментов) частью орнаментирована ямочно-гребенчатыми элементами, частью «от-

⁴ Пользуясь случаем, приношу благодарность В. И. Цалкину за определение остеологического материала.

ступающей лопаточкой». Есть фрагменты с узорами, сочетающими те и другие элементы. Следует отметить, что кремневые изделия попадались чаще, чем в Подзорове: на 25 кв. м в Глинище найдено 20 орудий, обломков и осколков, а в Подзорове на 200 кв. м — всего лишь 35.

Каких-либо следов землянок или очажных ям в Глинище не было. Отмечены лишь отдельные угольки (на участке 2). Неожиданной была находка фрагмента человеческого черепа, связанная, видимо, со скелетом, обнаруженным на участке 4 и ориентированным головой к реке. Вероятно, череп и кости нижних конечностей, при разрушении культурного слоя, выпали, и фрагмент черепа попал в перепаханную землю, а потом был затоптан в песок, где обнаружен на глубине 0,25 м от современной поверхности. Скелет лежал вытянуто, на спине, в культурном слое, но под ним никаких находок не оказалось; не прослежены и контуры могильной ямы. Кости скелета по степени сохранности и цвету ничем не отличались от фрагментов костей животных, найденных в культурном слое. Тем не менее трудно утверждать, что погребение относится ко времени существования стоянки, а не к более позднему периоду.

Фаунистический костный материал, по определению В. И. Цалкина, имеет на 90% неолитический облик. Среди костей первое место по количеству занимают кости лося, затем бобра; есть кости кабана и медведя, а также козули, волка, лисицы, барсука, благородного оленя (?), собаки, лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Кости рогатого скота представлены, как и в Подзорове, мелкими фрагментами, не позволяющими установить принадлежность домашним или диким особям.

В. И. Цалкин отметил крупные размеры коренных зубов и костей конечностей быка, что позволяет сопоставить его с зубром, туром или серым украинским скотом, но из-за отсутствия остатков черепа и стержней рогов точно определить вид нельзя.

Остеологический материал из раскопок в Подзорове и в Глинище позволяет представить не только характер охоты, состав мясной пищи, употреблявшейся населением в эпоху неолита и бронзы, но и природные условия, в которых существовал человек. По-видимому, поблизости от Подзорова были лес и сильно заболоченные места (по предварительным данным, птичьи кости в основном принадлежали дикой утке).

Судя по остаткам лошади, рогатого скота и свиньи, можно поставить вопрос о занятии скотоводством, т. е. о коренной перемене в хозяйстве населения в эпоху позднего неолита и бронзы по сравнению с предшествующим временем.

Материал, полученный при раскопках стоянок эпохи неолита и поселения эпохи бронзы в окрестностях с. Старое Тарбеево, позволяет установить последовательность археологических памятников во времени и, что особенно интересно, судить об этнической принадлежности населения лесостепной области. Керамика эпохи бронзы, найденная в Подзорове, частью сходна с керамикой катакомбной, частью отличается от нее своеобразием орнамента и формой сосудов; это указывает на возникновение местных особенностей в керамике в результате обособленного существования племен, заселявших окраины степи. В связи с этим законна постановка вопроса о генетической связи этих племен с племенами катакомбной культуры.

Не менее интересны собранные материалы и для выяснения вопроса о происхождении неолитических племен. Как уже отмечалось, часть поздненеолитической керамики обнаруживает полное сходство с ямочно-гребенчатой, характерной для лесного неолита Восточной Европы. Другая часть свидетельствует о связях с керамикой, получившей широкое распространение на территории Украины. Таким образом, по керамике можно судить о связях населения лесостепи, с одной стороны, с племенами лес-

ного неолита, с другой, — с племенами степного неолита. В Подзорове и Глинище преобладает ямочно-гребенчатая керамика, поэтому можно объяснить данное явление как признак генетических связей лесостепных племен с лесными племенами Волго-Окского бассейна и других районов. Присутствие в небольшом количестве керамики степного типа представляется результатом каких-то связей, возникавших между лесостепными и степными племенами. Продолжение работы в лесостепной области позволит решить вопрос о характере отношений между тем и другим населением.

Стоянки, раскопанные близ с. Старое Тарбеево в бассейне верхнего течения р. Воронежа, не единичны. Подобные же стоянки с аналогичной керамикой отмечены близ сс. Устье и Грамушки, а ниже по течению р. Воронежа (около г. Воронежа) известна стоянка Отрожки⁵ (близ одноименного поселка и железнодорожной станции). По-видимому, бассейн р. Воронежа был заселен родственными племенами, освоившими берега этой реки и ее притоков.

⁵ Раскопки С. Н. Замятина. Коллекция хранится в МАЭ.

М. Е. ФОСС

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БИСЕРОВО ОЗЕРО

Стоянка Бисерово Озеро находится на расстоянии 40 км к востоку от Москвы близ железнодорожной станции Купавна, на северном берегу озера, у с. Бисерово (рис. 10). Проведенные здесь в 1951 г. раскопки дали исключительно интересный материал, позволяющий разобраться в спорных вопросах, возникающих в связи с определением этнической принадлежности древнего населения в бассейне р. Клязьмы и характеристикой культуры этого населения. Кроме того, стоянка ценна тем, что она может быть датирована по сохранившейся в древних отложениях пыльце, и, таким образом, время существования ее, определяемое по археологическим данным, проверяется палеоботаническим исследованием.

Результаты исследования, произведенного Г. Н. Лисициной, изложены в ее статье, публикуемой ниже.

Стоянка Бисерово Озеро вошла в ряд других, объединенных (на основании главным образом керамики так называемого льяловского типа) под одним общим названием стоянок льяловской культуры¹ (Гридино², Большое Буньково, Маслово Болото, Круглое и др.). Часть их известна лишь по отдельным, случайно обнаруженным предметам, часть была обследована путем небольших раскопок. Судя по керамике, население, занимавшее бассейн р. Клязьмы в начале суббореального периода, состояло из племен, родственных между собой. Типичная керамика с зонально расположенными коническими ямками небольшого размера, покрывавшими всю поверхность сосудов от верха до самого дна и изредка прерывавшимися полосами, нанесенными гребенчатым штампом, найдена на всех этих стоянках.

Строгий стиль узоров, отличающихся однообразием, и сплошное заполнение орнаментом всей поверхности сосуда указывают на древний этап развития ямочно-гребенчатой керамики, который соответствует началу суббореального периода, датируемому приблизительно второй половиной III тысячелетия до н. э.

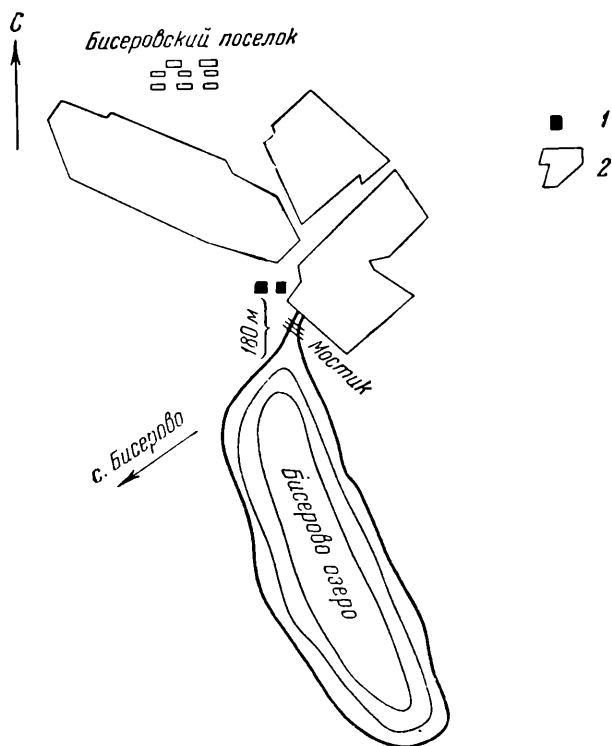
С каждым годом количество поселений, известных для этого времени в области р. Клязьмы, возрастает.

¹ В. М. Раушенбах. Неолитические стоянки верхней Клязьмы. «Археологический сборник». Труды ГИМ, вып. XXII, 1953.

² Стоянка находится близ дер. Гридино и недалеко от железнодорожной станции Дрезна. А. Я. Брюсов называет в своей книге «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (М., 1952) Гридинскую стоянку (указ. соч., стр. 47), а В. М. Раушенбах эта стоянка упомянута как стоянка Дрезна (см. ее статью «Неолитическая стоянка у дер. Большое Буньково». КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 153). По недоразумению, я считала, что это две различных стоянки (см. «Древнейшую историю севера Европейской части СССР». МИА, № 29, 1952, стр. 57).

В 1950 г. близ г. Коврова, находящегося на р. Клязьме, на берегу озера Пакина, студентами МГУ открыта еще одна стоянка с типичной для льяловской культуры керамикой и кремневыми орудиями, которые частью аналогичны орудиям Льяловской стоянки, частью напоминают орудия волосовской культуры.

О существовании неолитической стоянки на Бисеровом Озере было уже давно известно. Местные жители из года в год находили на берегу

ст. Купавна

Рис. 10. План стоянки Бисерово Озеро.

1 — пункты раскопок; 2 — торфоразработки.

озера гымытые водой из культурного слоя кремневые орудия и черепки древней посуды с ямочно-гребенчатыми узорами. Находки сосредоточивались главным образом на северном берегу³, но попадались и на восточном побережье⁴. Место стоянки, находящейся на севере, раскапывалось в довоенное время Н. Л. Пимакиным (г. Истра) и А. И. Смирновым (г. Ногинск)⁵, а в 1948 г. — А. Я. Брюсовым при участии В. М. Раушенбах и А. И. Смирнова. Незначительное количество материала, обнаруженного при раскопках, привело А. Я. Брюсова к предположению об истощении культурного слоя, размываемого в течение длительного времени, особенно с повышением уровня воды в результате устройства запруды, прегра-

³ Значительная коллекция собрана здесь В. Э. Умбля. Большой интерес среди предметов этой коллекции представляет миниатюрная роговая скульптура в виде головы тетерева. Эту находку В. Э. Умбля принес в дар ГИМ.

⁴ Собранные здесь вещи переданы в ГИМ.

⁵ Коллекция хранится в Ногинском музее.

дившей путь вытекавшей из озера речке. В настоящее время вся северная часть побережья размыва или заболочена, и большая часть площади стоянки, действительно, уничтожена разработкой торфяника, в слоях которого тоже заключались культурные остатки.

В 1951 г. необходимо было выяснить, насколько же разрушена стоянка, имеет ли смысл продолжать ее исследование. Разведки, проведенные вокруг озера, дали положительные результаты: на расстоянии около 200 м к северу, на заметно возвышающемся над уровнем озера берегу, на лугу, покрытом редким кустарником, обнаружено новое место с культурным слоем. Здесь в яме, вырытой колхозниками, найдены кремневые орудия, отщепы и черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом. Зачистка стенок ямы показала, что толщина культурного слоя доходит до 0,3—0,35 м. Таким образом, установлено, что неолитическая стоянка в какой-то части еще уцелела от разрушения, и постановка раскопок вполне целесообразна.

В раскопках, организованных в 1951 г. ИИМК и ГИМ, приняли участие А. Я. Брюсов, Н. Н. Погребова, В. М. Раушенбах, И. К. Цветкова, И. В. Яценко и студенты МГУ — М. Погребова, Н. Членова и др. Под наблюдением приглашенного для участия в работе профессора Московского института торфа С. Н. Тюрменова была произведена вырезка образцов торфа, которые затем исследованы посредством пылецевого анализа.

Позднее, в 1952—1954 гг., интерес к стоянке на Бисеровом Озере не прекращался: И. К. Цветкова производила раскопки с участниками археологического кружка при Государственном историческом музее⁶, продолжались палеоботаническое исследование слоя на площади поселения и в непосредственной близости от него⁷ и находки древних предметов во время торфоразработки. Все это, несомненно, приводит к заключению, что стоянка на Бисеровом Озере далеко еще не исчерпана и в дальнейшем обещает дать много ценного.

В 1951 г. проведены небольшие раскопки, выяснившие стратиграфию стоянки и очень интересные по материалам. Раскопки начаты закладкой траншеи, направленной к востоку от ямы, выкопанной колхозниками; затем траншея была расширена в раскоп (I пункт), где в общей сложности вскрыта площадь 58 кв. м.

По предложению А. Я. Брюсова, раскопки велись и на небольшой площади (II пункт) в более низко расположенной части, соприкасающейся с участками разработки торфа, на расстоянии около 20 м от I пункта. А. Я. Брюсов высказал предположение, что здесь можно ожидать залегания слоя, содержащего материалы докерамического неолита. Но и здесь найдены были не только кремневые орудия, но и большое количество керамики. Оба пункта предполагалось объединить в общий раскоп, что частично осуществлено И. К. Цветковой во время работ 1952 и 1954 гг.

Пункты I и II отличались по стратиграфии и составу археологических комплексов. В I пункте под растительным покровом (10 см) залегал суглинистый слой темного цвета, толщиной в среднем 0,3 м. В этом слое были сосредоточены находки, а ниже шел суглинок желтого цвета, без находок.

Во II пункте под растительным покровом (10—15 см) обнаружен слой разложившегося торфа интенсивно черного цвета, толщиной 0,4—0,5 м, с находками. Под ним залегала очень плотная глина, которая с трудом поддавалась лопате. Здесь вскрыто 24 кв. м, а И. К. Цветковой в 1952 г. — еще 16 кв. м. В 1954 г. ею были продолжены раскопки в I и II пунктах и вскрыто 22 кв. м. В итоге на стоянке раскопано всего 120 кв. м.

⁶ Коллекция из раскопок находится в ГИМ.

⁷ Результат шурфовки Г. Н. Лисицкой публикуется в настоящем сборнике.

В I пункте обнаружены остатки очагов, кострищ и ямы, в которых находилась керамика. В одной из ям собрано большое количество фрагментов, среди которых много обломков от одного сосуда с древним ямочно-гребенчатым орнаментом, сосредоточенных на самом дне, что указывало на устройство этой ямы еще на древнем этапе стоянки. В двух других ямах небольших размеров находок не было. Назначение этих ям осталось невыясненным, так же как и двудольной ямы, не содержащей почти никаких находок и не отличавшейся большой глубиной. Помимо керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, найдена резко отличающаяся от нее по всему своему облику, о чем будет подробно сказано дальше.

Во II пункте отмечалось большее по сравнению с I пунктом количество ямочно-гребенчатой керамики, находящейся непосредственно под дерном. Культурный слой был насыщен фрагментами керамики, среди которой преобладали сосуды с ямочным орнаментом. Интересно, что керамики лесостепного типа, датированной нами более поздним временем, здесь встречено очень мало.

Собранная в обоих пунктах раскопок коллекция состоит из керамики (около 1700 фрагментов) и кремневых орудий (179 целых и поломанных орудий, 40 ножевидных пластинок и 450 отщепов, часть которых имеет частичную ретушь и следы работы). В небольшом количестве попадались обломки костей животных и рыбы. Керамика характеризуется смешанным комплексом: наряду с ямочно-гребенчатой есть сосуды, орнаментированные редкими ямками, редкими оттисками гребенчатого штампа и оттисками «отступающей лопаточки». Последнее особенно интересно отметить, так как этот прием орнаментации совершенно отсутствовал в Волго-Окском бассейне и впервые отмечен на стоянке Бисерово Озеро при раскопках 1951 г. Подобный прием был широко распространен, как показывают раскопки за последние годы, в лесостепной полосе в эпоху позднего неолита; применение его на стоянке Бисерово Озеро указывает на проникновение узоров такого типа с юга в более позднее время, чем время распространения узоров ямочно-гребенчатой керамики льяловского типа, которая в свою очередь характеризует на стоянке поздний этап развития этой керамики. В. М. Раушенбах совершенно правильно указывает на это в своей статье⁸, привлекая старую коллекцию, хранящуюся в Ногинском музее. Ямочно-гребенчатая керамика из коллекции 1951 г. также отличается от льяловской большим разнообразием в сочетании элементов узоров: отмечены фигурное расположение ямок, чередование их с большими промежутками без орнамента или с зонами, заполненными оттисками гребенчатого штампа (рис. 11—1—9). Все это свидетельствует о более позднем времени по сравнению с периодом существования Льяловской стоянки. К этому же выводу приводит анализ кремневого инвентаря из раскопок 1951 г. и из более ранних раскопок, что также отмечено В. М. Раушенбах⁹.

В материалах наших раскопок, наряду с ямочно-гребенчатой керамикой, обнаружена, как уже указывалось, керамика, которая образует особую группу фрагментов (490 экземпляров), резко отличающихся по всему облику. Керамика этого типа найдена только при раскопках 1951 г., и поэтому не упомянута В. М. Раушенбах.

Отмеченная нами посуда отличается от ямочно-гребенчатой по способам нанесения узоров, приемам обработки поверхности и составу глиняного теста, а также по элементам узоров, их сочетанию и расположению на орнаментальном поле. Сосуды обмазывали тонким слоем хорошо отмученной глины, которую тщательно заглаживали. Этот слой очень нежный, легко стирается, и поэтому узоры с трудом различаются. Насколько

⁸ В. М. Раушенбах. Указ. соч.

⁹ Там же.

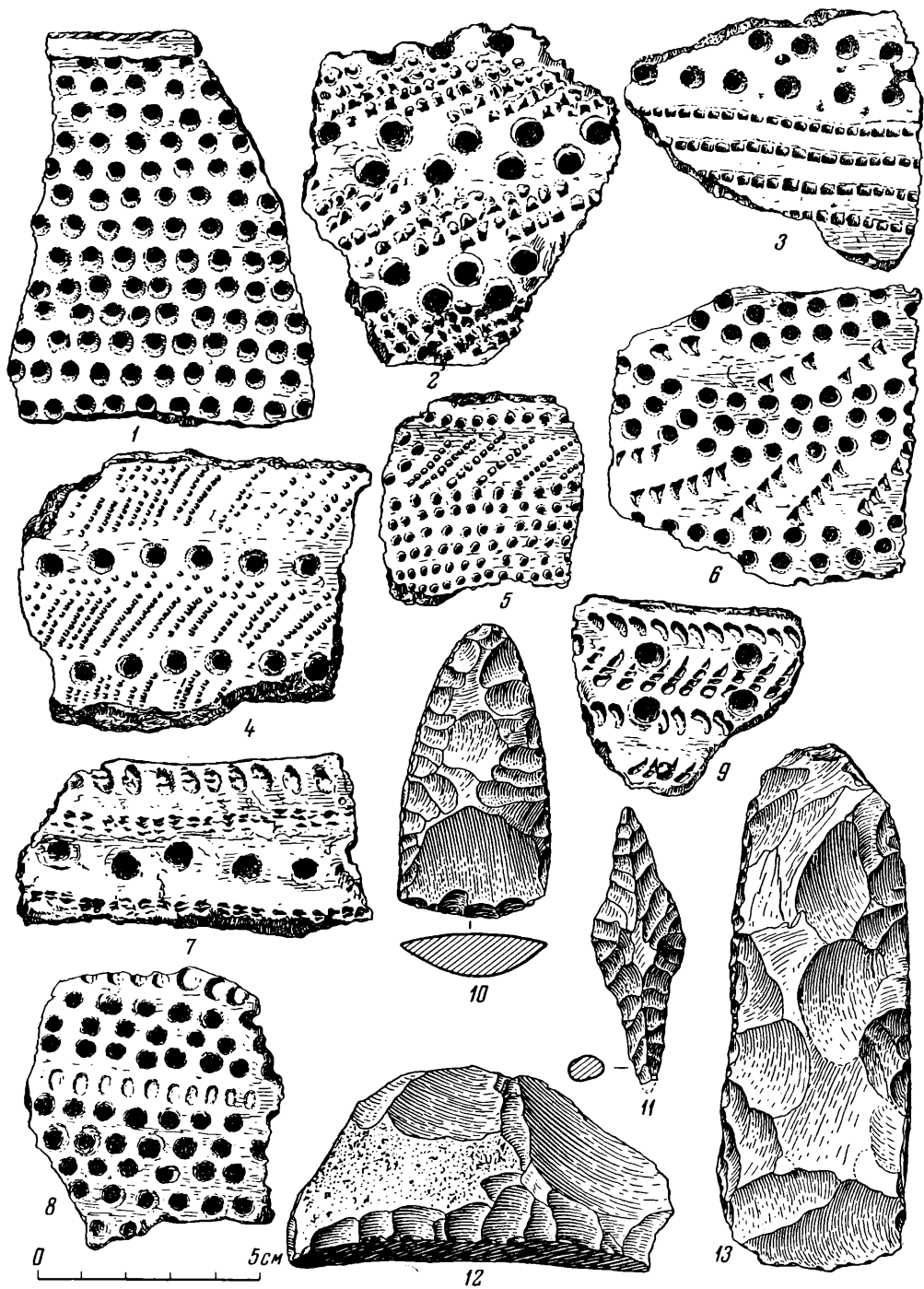

Рис. 11. Керамика льяловского типа и кремневые орудия со стоянки Бисерово Озеро.

1—9 — керамика; 10—13 — кремневые орудия.

можно судить по фрагментам, сосуды сохраняли древние формы: у них было прямое широкое горло, плечики отсутствовали, а дно делалось округлым или коническим, что можно видеть по сохранившимся близким к дну частям. В расположении узоров заметна зональность, причем нижняя часть сосудов обычно оставалась неорнаментированной, узоры же сосредоточивались преимущественно на верхней части.

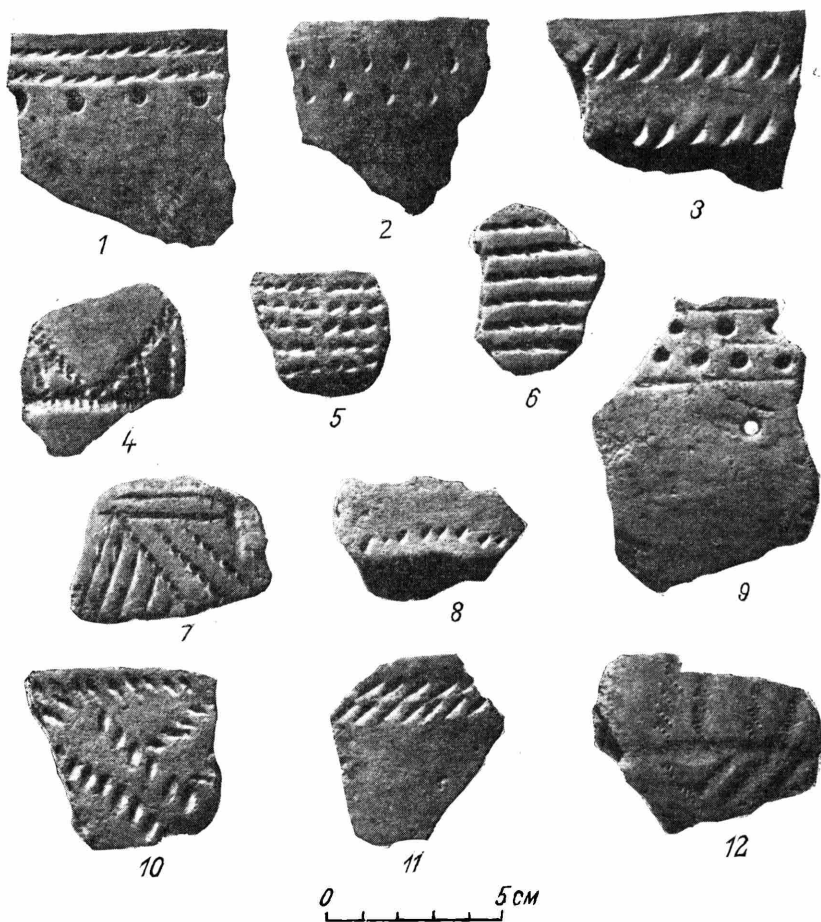

Рис. 12. Бисерово Озеро. Керамика южного типа (1—12).

При изучении этой керамики были выделены фрагменты, составившие части 9 разных сосудов. Среди них один сосуд украшен косыми оттисками узкого гребенчатого штампа, отличавшегося острыми зубцами; второй — орнаментирован «отступающей лопаточкой». Оттиски, полученные на сосуде этим приемом, несколько напоминают отпечатки крученой веревочки; под ними расположен ряд ямок, что свойственно керамике, относящейся к более позднему времени, чем время развития ямочно-гребенчатой (рис. 12—1). Фрагменты третьего сосуда покрыты поверхностными отпечатками гребенчатого штампа, образующими параллельные краю сосуда ряды и заштрихованные треугольники (рис. 12—7).

На фрагментах четвертого сосуда повторяется этот же узор, но нанесен он штампом, снабженным более крупными зубцами, оттиски которых отличаются большей отчетливостью и глубиной. Пятый сосуд орнаментиро-

ван штампом, образующим ямчатые углубления в виде рядов (рис. 12—5), шестой сосуд — «отступающей лопаточкой», оставившей следы с четырёхугольными очертаниями. Они образуют параллельные друг другу ряды (рис. 12—6). Фрагменты седьмого сосуда украшены круглыми ямками, образующими у самого края 2 ряда, ограниченных гребенчатыми полосами (рис. 12—9). У восьмого сосуда, почти гладкостенного, только в верхней части нанесен узор из сегментовидных углублений; такие же углубления повторяются, судя по фрагментам, несколько ниже. Девятый сосуд по своим узорам напоминает первый, но орнамент его прерывается большими участками без узоров (рис. 12—11).

Судя по остальным фрагментам, было еще несколько сосудов этого типа. Среди них — сосуды с ямочными вдавлениями, расположенными в ряд параллельно краю и идущими в косом направлении; затем сосуды с узорчатыми полосами, сделанными особым штампом (рис. 12—4), а также с мелкими углублениями треугольной формы, выполненными «отступающей лопаточкой» (рис. 12—8). Последний орнамент, воспроизведенный таким же образом, был широко распространен в лесостепной полосе в эпоху позднего неолита. Кроме этого, отмечены фрагменты с едва различимыми поверхностными оттисками гребенчатого штампа, образующими зигзаг, ёлочку, косые и прямые ряды коротких полосок (рис. 12—12). Судя по 150 черепкам, лишенным узоров, нижняя часть сосудов оставалась, как уже отмечалось выше, без орнамента. Исключением является лишь один сосуд (первый в нашем перечислении), орнаментированный редкими рядами оттисков гребенки до самого дна.

Приведенное описание показывает, что выделенная нами керамика не имеет ничего общего с распространенной в средней полосе и получившей название керамики волго-окского типа. Отсутствие аналогий этой керамике и в посуде льяловского типа, несмотря на нахождение их в слое одной и той же стоянки, требует объяснения. Нельзя допустить, что изменения произошли внезапно, что вместо обычных сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом вдруг стали почему-то изготавливать посуду, не имеющую сходства с бытовавшей до этого, стали ее по-новому орнаментировать и употреблять при этом совершенно иные штампы; что почему-то начали применять другие приемы орнаментации, изготавливать глиняные тесто иного состава и т. д., словом, стали выделять совершенно новую посуду, во всем отличающуюся от прежней. Если керамика принадлежала одному и тому же населению, подолгу жившему на одном месте, то обычно можно наблюдать переходные типы, в которых выражается связь более поздней посуды с древней. При отсутствии этой связи, отсутствии сходства в орнаментальных традициях, способах изготовления, штампах и пр., совершенно очевидно, что на данном месте произошел по каким-то причинам перерыв в развитии керамики. В таком случае для утверждения о существовании связи между поздней и древней керамикой нужно восстановить недостающие звенья или объяснить появление поздней керамики проникновением ее извне. Для выяснения того и другого необходимо привлечение большого сравнительного материала не только из близких областей, но и из-за пределов их.

Привлекаемый нами материал, происходящий из лесостепи, оказался ценным в том отношении, что с помощью его удалось осветить вопрос происхождения керамики с Бисерова Озера, не сходной с ямочно-гребенчатой. Сравнивая ее с керамикой, известной по коллекциям из ряда районов лесостепи, мы отмечаем сходные черты. Подобная посуда найдена была в Мичуринском районе Тамбовской области (Старое Тарбеево, Глинище и др.), в Воронежском районе Воронежской области (Отрожки) и других местах. Это позволяет рассматривать керамику подобного типа на Бисеровом Озере не как следствие развития посуды льяловского типа,

а как результат проникновения, по-видимому, какой-то части населения из лесостепи. Подобное явление прослеживалось в связи, например, с расселением племен средней полосы на север, из Среднего Поднепровья — по Днепру, Десне и далее по Оке и во многих других местах.

Сходство керамики с Бисерова Озера, отличающейся от местной, не случайно: орнаментальные традиции, характеризующие ее, устойчивы и повторяются на большом пространстве лесостепной области. Население лесостепи, как и лесной области, имело свои традиционные узоры, державшиеся длительное время и распространявшиеся на большой территории, заселенной родственными племенами. Разработанная ими система узоров проникла на стоянку Бисерова Озеро. В какое время это произошло? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим материалы стоянок Подзорovo и Глинище, находящихся в верховьях р. Воронеж (в Мичуринском районе Тамбовской области).

Керамика из указанных стоянок является типичной ямочно-гребенчатой позднего этапа ее развития, когда, наряду с обычными строгими однообразными узорами, появились орнаменты из ямок неопределенных очертаний, часто применялся гребенчатый шпамп и т. д. Вместе с этим наблюдается очень интересное явление: возникновение новых узоров совершенно иного стиля, которые не применялись волго-окскими племенами, но были хорошо известны на территории лесостепи. Эти узоры обнаружены на фрагментах различных сосудов в сочетании с ямочным орнаментом. Последнее, бесспорно, подтверждает их одновременность¹⁰. Однако подобного явления мы не наблюдаем на керамике из Бисерова Озера, где отчетливо выделяются только 2 группы, не имеющие контакта между собой. Поэтому мы полагаем, что посуда лесостепного типа проникла на стоянку Бисерова Озеро, когда населения, у которого бытовала ямочно-гребенчатая керамика, там уже не было, и место стоянки пустовало. В жизни поселения произошел по каким-то, пока не выясненным причинам, перерыв.

Таким образом, изучение керамики со стоянки Бисерова Озеро позволяет прежде всего установить разновременность найденной на стоянке резко различающейся керамики, несмотря на то, что она обнаружена в одном слое. Типологически она легко различима: поздняя характеризуется в основном редким орнаментом, сосредоточенным по верхней части сосудов; среди ее орнаментов выделяется характерный узор, воспроизведенный «отступающей лопаточкой»; древняя керамика — типично ямочно-гребенчатая.

Разновременность керамики подтверждается наблюдениями над распространением находок той и другой посуды на площади стоянки Бисерова Озеро. Как уже упоминалось раньше, эта стоянка занимала довольно обширную площадь, и на разных ее участках керамика отличалась по своему виду. На самом берегу озера поздняя посуда отсутствовала. Здесь встречена лишь ямочно-гребенчатая, распространявшаяся по всей площади стоянки. Из этого мы делаем вывод, что был период, когда на стоянке изготовлялась только ямочно-гребенчатая керамика. Это время соответствует первому этапу существования поселения.

Раскопки 1951—1954 гг. показали, что поздняя керамика встречается в отдалении от озера и сосредоточена преимущественно в более высокой части (I пункт). Следовательно, на позднем этапе, когда появилась эта керамика, низменные места были уже неудобны для жизни, — по-видимому, заболочены или затоплены водой, — и приходилось сильно ограничивать жилую территорию. В итоге устанавливается, что размеры

¹⁰ Коллекция хранится в ГИМ.

стоянки Бисерово Озеро на позднем этапе были по сравнению с древними значительно меньше.

Различие выделенных 2 групп керамики приводит к предположению и о различном происхождении населения, жившего на стоянке Бисерово Озеро в разное время. Судя по орнаментации посуды, древние обитатели были родственны с населением, занимавшим обширные области Волго-Окского бассейна и северо-запада Восточной Европы, т. е. являлись частью большого этнического массива, занимавшего лесную область в эпоху позднего неолита. На позднем этапе жители стоянки были связаны с населением лесостепной полосы, что прослеживается по второй группе керамики с Бисерова Озера, указывающей на родственные связи с лесостепными племенами.

При характеристике керамики с Бисерова Озера следует упомянуть о найденных здесь 9 фрагментах сосудов дубровичского типа, характерных по орнаментам для племен, населявших бассейн средней Оки. Керамика этого типа впервые была обнаружена В. А. Городцовым на стоянке Дубровичи, что дало ему повод говорить о дубровичской культуре. Затем она была привлечена А. Я. Брюсовым для характеристики второго этапа выделенной им рязанской культуры¹¹. За последнее время, в связи с раскопками в Брянской области, выяснилось, что подобная посуда была распространена на значительно большем пространстве, чем территория Рязанской области: она отмечена в бассейне р. Десны¹², куда, по-видимому, проникла из бассейна р. Оки, на что указывают находки такой керамики в Тульской области (Воронец, Федашево, Жабынь)¹³, близкой к бассейну р. Десны. Посуда этого типа возникла в процессе развития ямочно-гребенчатой, что хорошо прослеживается на материалах из Рязанской области: глубокие ямочные элементы сменяются овальными углублениями, покрывающими по-прежнему все орнаментальное поле в шахматном порядке — от самого верха сосуда до его дна. Орнамент наносится веревочным штампом или гребенкой с крупными зубцами. Распространение подобной керамики относится к периоду, непосредственно следующему за временем развития ямочно-гребенчатой, когда во многих местах ямочный орнамент вытеснялся гребенчатым (например в Костромской области — Галичская стоянка¹⁴, в Ярославской области — Уница¹⁵ и др.). На стоянке Бисерово Озеро проникновение подобной посуды произошло во время развития гребенчатой керамики, что указывает на связи жителей этой стоянки с племенами, обитавшими на территории Рязанской области.

Попутно необходимо обратить внимание и на то, что в керамике Льяловской стоянки тоже есть небольшая группа фрагментов, отличающаяся от основной массы ямочно-гребенчатых. Эта группа обнаруживает сходство с поздней керамикой со стоянки Бисерово Озеро. В льяловской керамике отмечены орнаменты, редко расположенные на сосудах, нанесенные посредством надреза и воспроизведенные «отступающей лопаточкой»; есть также орнамент, состоящий из ямок, образующих зигзаг по гладкой поверхности сосуда¹⁶. Все эти орнаменты встречаются в поздней группе керамики стоянки Бисерово Озеро, и на этом основании можно отметить более поздний этап в существовании Льяловской стоянки.

Керамика дубровичского типа (или второго этапа рязанской культуры — по А. Я. Брюсову) обнаружена в Бисерове в очень незначитель-

¹¹ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 58 и сл.

¹² Раскопки Б. А. Рыбакова в 1948—1949 гг. в местности Бельнец. Собрание ГИМ.

¹³ Собрание ГИМ.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Собрание Ростовского музея краеведения (по сведениям Е. И. Горюновой).

¹⁶ Собрание ГИМ, из раскопок А. Я. Брюсова.

ном количестве (из общего числа 1677 фрагментов 1302 — с преобладанием ямочных орнаментов, 375 — с гребенчатыми и 490 — с лесостепными орнаментами), но находка эта, несомненно, представляет большой интерес, так как служит признаком, характеризующим взаимоотношения древнего населения Подмосковья с соседними племенами.

Орудия со стоянки Бисерово Озеро изготовлены преимущественно из кремня. По форме и обработке они не поддаются подразделению на разновременные группы, что наблюдалось в отношении керамики. Подобного вида кремневые орудия были широко распространены в области течения рр. Клязьмы, Оки и др. В этом выражается консервативный характер каменного инвентаря стоянок: раз выработанная форма существует не только в течение столетий, но и тысячелетий. Орудия из Бисерова изготовлены обычно из отщепов; очень немногие сделаны из ножевидных пластин, главным образом — наконечники стрел. Состав комплекса чрезвычайно разнообразен, что характерно для инвентаря окских стоянок.

Из кремневых орудий обнаружены следующие: 24 ножа с прямым и вогнутым лезвием, со скошенным и клювовидным концом (рис. 13 — 3, 6); 60 скребков — из пластинчатых отщепов (21), из ножевидных пластин (3) и массивных отщепов (22), частью со скошенным лезвием (рис. 13 — 2, 11 — 14); 2 скребла; 17 наконечников стрел и 2 наконечника дротика — листовидной, ромбической и треугольно-черешковой формы, изготовленные из отщепов и ножевидных пластин (рис. 14); 2 резца (угловой из массивной ножевидной пластины и из трехгранного отщепа); 3 резчика; 2 проколки (рис. 13 — 9, 10); 1 сверло; 2 скобеля; 2 орудия, изготовленных из нуклеусов; 1 тесло желобчатое, с частичной полировкой (рис. 13 — 1); 3 заготовки тесел (одно желобчатое) и 5 заготовок неопределенных орудий; 2 отбойника; 3 орудия макролитического облика; 1 штамп (с зубцами по краю) для орнаментации глиняной посуды; 3 плиты для полирования орудий и др.

Кроме того, собрано: 8 нуклеусов, 1 кремневая фигурка, обломки орудий (около 30 штук), 40 ножевидных пластин (некоторые — со следами употребления в работе) и большое количество отщепов, частично отретушированных по краю и также со следами использования.

Даже простое перечисление показывает, насколько разнообразен инвентарь орудий на стоянке Бисерово Озеро. Дифференциация их типов свидетельствует о детализации производственных процессов. Все это характерно для позднего времени вообще и в частности отмечено в инвентаре волосовской культуры, относящейся тоже к позднему времени.

Уже при беглом знакомстве с бисеровским кремневым инвентарем обращает на себя внимание большое сходство орудий по всему их облику с орудиями, относимыми к волосовской культуре, хотя здесь не было найдено ни одного фрагмента волосовской керамики. При сопоставлении тех и других орудий мы отмечаем одинаковые формы и ту же технику изготовления. Среди волосовских орудий, представленных на таблицах в статье И. К. Цветковой и упоминаемых в тексте¹⁷ как характерные для этой культуры, мы видим такие же, как и в Бисерове, ножи с выгнутым лезвием, скребки, нож с выемками для привязи, дублированные сверла, наконечники стрел и дротиков и полированные долота или тесла. Кроме того, А. Я. Брюсов считает «характерным для волосовской культуры присутствие фигурных кремней и пристрастие к выделке разных орудий из крупных отщепов»¹⁸. То и другое также наблюдается в Бисерове. К этому можно было бы добавить орудия клювовидной формы (рис. 13 — 4) и

¹⁷ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Археологический сборник». Труды ГИМ, вып. XXII, 1953.

¹⁸ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 82.

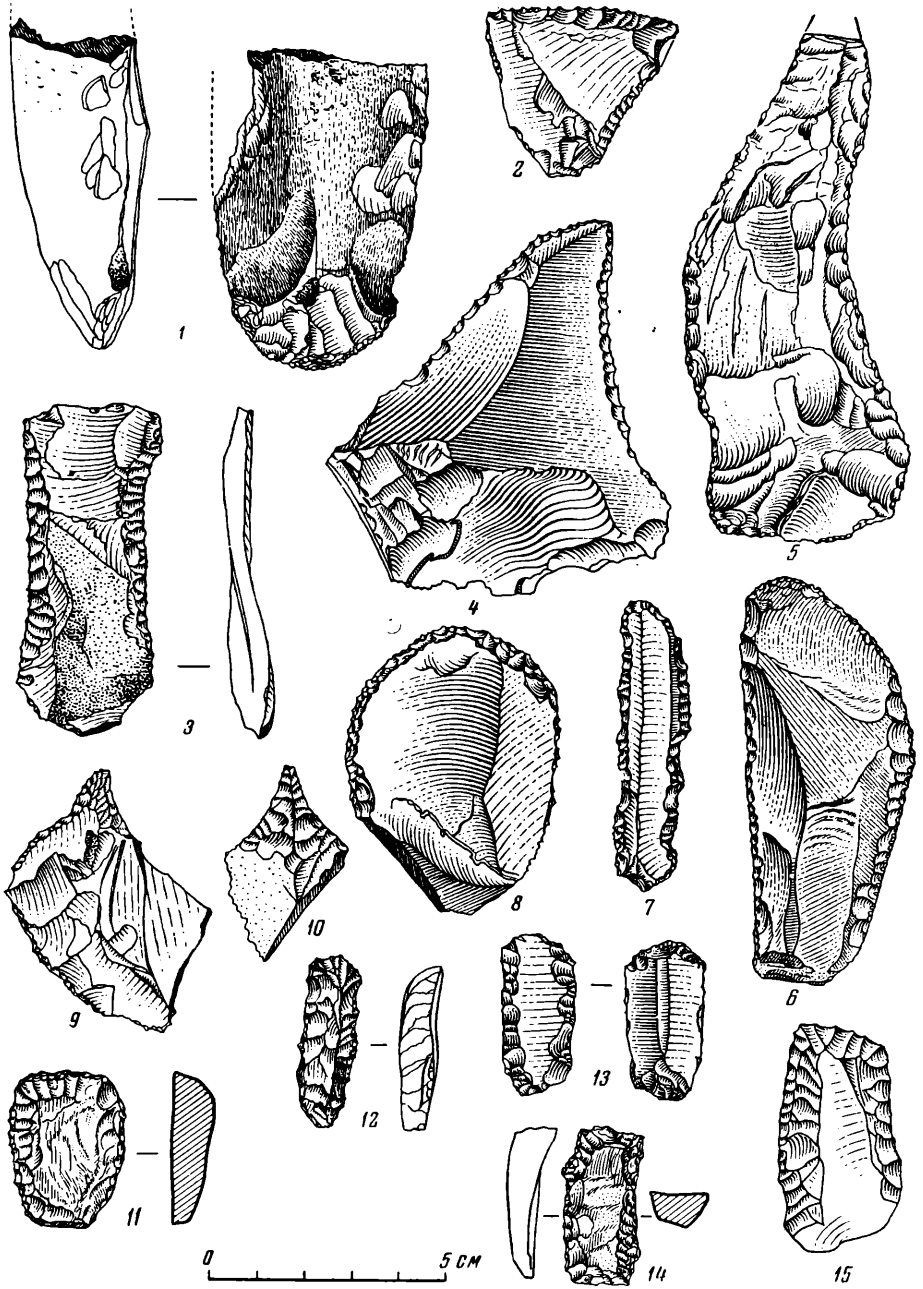

Рис. 13. Бисерово Озеро. Кремневые орудия (1—15).

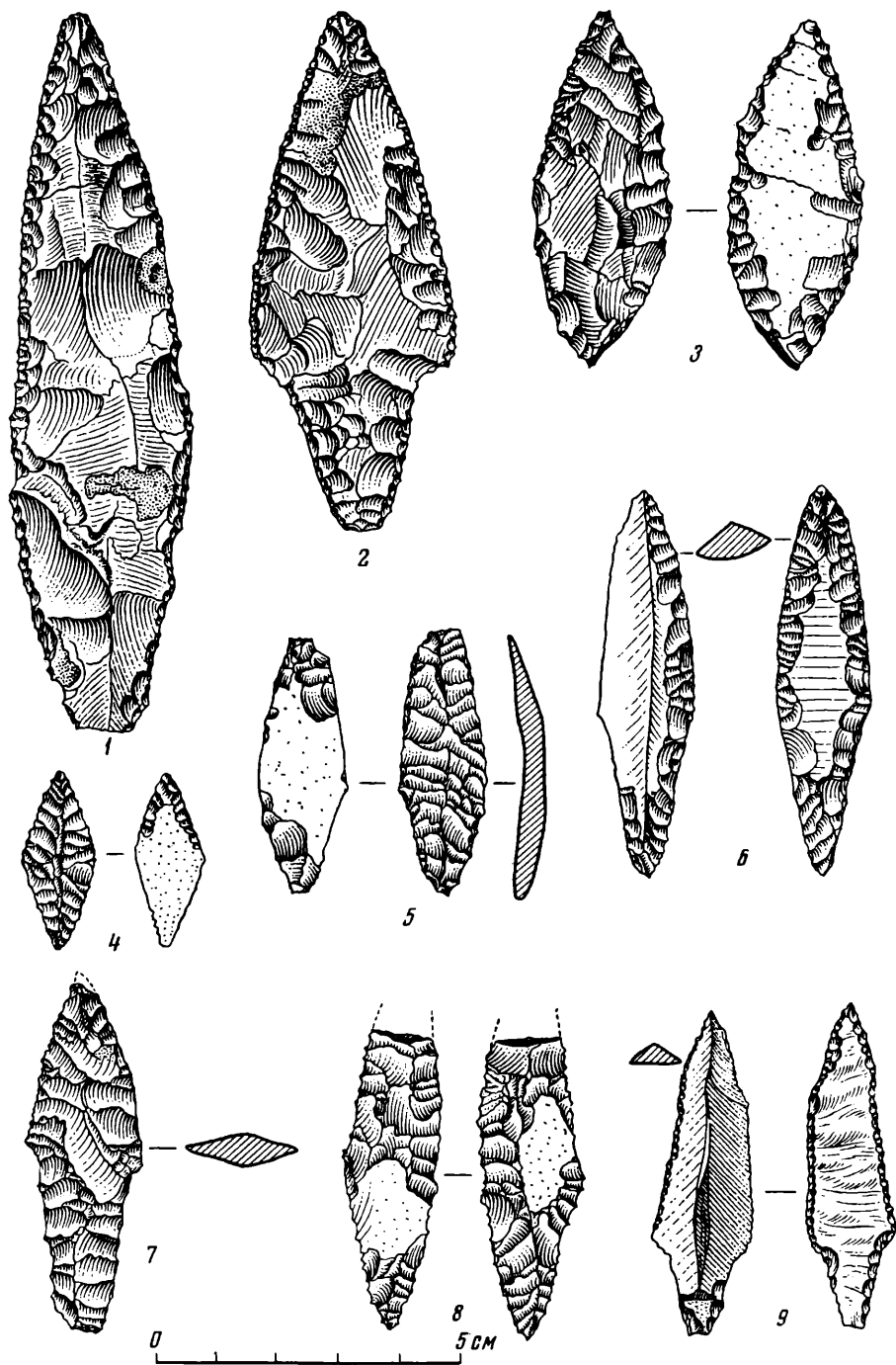

Рис. 14. Бисерово Озеро. Кремневые наконечники стрел и дротиков (1—9).

сегментовидные полировальные плиты, сопутствующие орудиям волосовского типа. Все эти орудия обычно сопровождаются в области р. Оки керамикой волосовского типа, что дало основание к выделению волосовской культуры¹⁹.

Мне уже приходилось указывать, что область распространения орудий волосовского типа не совпадает с ареалом распространения керамики волосовского типа и что наблюдаются находки волосовских орудий также в сопровождении керамики других культур²⁰. На стоянке Плеханов Бор, как известно, кремневый инвентарь волосовского облика встречен с керамикой балахнинской культуры²¹, а в области рязанской культуры — с керамикой дубровичского типа или — по А. Я. Брюсову — второго этапа рязанской культуры. То же наблюдается на стоянке Черная Гора, относимой И. К. Цветковой к рязанской культуре, где кремневые орудия ничем не отличаются от волосовских. Теперь мы отмечаем в Бисерове волосовский кремневый инвентарь в сопровождении керамики.

Какой же можно из всего этого сделать вывод? Прежде всего приходится констатировать, что орудия, определяемые как характерные для волосовской культуры, были распространены далеко за пределами территории волосовской культуры, т. е. применялись не только племенами — носителями этой культуры, но и другими. Следовательно, наличие этих орудий в инвентаре не является определяющим для той или другой культуры. Возможно, что кремневый инвентарь был недостаточно детально изучен исследователями, так как им не удалось отметить своеобразные детали формы орудий, свойственные лишь волосовским, но, может быть, такого своеобразия и нет. Действительно, изучая кремневые орудия рязанской культуры, волосовской и льяловской (на втором этапе ее развития), мы не можем заметить, чем же различаются эти орудия. Самое интересное то, что орудия волосовского типа появились, судя по материалам стоянки Бисерово Озеро, раньше сосудов волосовского типа возникли в предшествующий период, который характеризуется развитием ямочно-гребенчатой керамики. Таким образом, мы приходим к выводу, что орудия, выработка которых приписывается племенам — носителям волосовской культуры, применялись задолго до появления этих племен. Подобного типа кремневые орудия могут с таким же успехом привлекаться для характеристики льяловской культуры (на втором этапе ее развития).

Итак, констатируем, что орудия, получившие название орудий «волосовской культуры», существовали раньше, чем возникла эта культура и были распространены на большей территории. Придя к такому заключению, мы ставим вопрос, что же тогда подразумевать под термином «культура», и не следует ли каждому, применяющему этот термин, пояснить, какое содержание он вкладывает в этот термин.

Несомненно, что картографирование типологически обработанных комплексов каменных орудий и керамики разрешит вопрос о соотношении орудий и керамики, а в связи с этим выяснится, что следует принимать во внимание при определении культуры и что — при определении этнических группирований населения. До этого остается много неопределенного, создающего повод к высказыванию малодоказательных суждений. Однако приведенные мной примеры, дополняющие материалы, изложенные в книге о неолите Севера²², свидетельствуют со всей очевидностью,

¹⁹ И. К. Цветкова. Указ. соч.

²⁰ М. Е. Фосс. Рецензия на книгу А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». ВДИ, 1953, № 2, стр. 104.

²¹ Собрание ГИМ.

²² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

что выяснение этнического вопроса следует выделить особо и не связывать его с вопросом о материальной культуре населения, так как археологические данные показывают, что у населения, различающегося этнически, материальная культура часто бывает единообразной. В древней Карелии в эпоху неолита существовали племена, для которых характерна керамика типа Сперрингс и ямочно-гребенчатая керамика, а остальной инвентарь их однороден. В области бассейна р. Оки существовали различные племена, но у льяловских и волосовских племен отмечается общность в кремневом инвентаре.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

РЕЗУЛЬТАТЫ МИКРОПАЛЕОБОТАНИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ТОРФА БИСЕРОВА ОЗЕРА

В связи с археологическими исследованиями в окрестностях Бисерова озера были произведены бурение и изучение с помощью метода спорово-пыльцевого анализа широко распространенных в этом районе торфянистых послеледниковых отложений.

Скважина 1 заложена буром Гиллера в 150 м от берега озера в северо-восточном направлении и прошла толщу торфа мощностью 1,75 м и ниже лежащие слои сапропеля до глубины 3 м (считая от современной поверхности). Ниже, из-за плотности грунта, взять образцы буром Гиллера не удалось.

Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов торфа и сапропеля (табл. 1 и рис. 15—1) позволяют восстановить характер изменений растительности на данной территории в течение второй половины голоцена.

Для сапропелевых отложений и самых нижних горизонтов торфа (глубина — 1,5—2,75 м) характерен пыльцевой спектр лесного типа: пыльца древесных пород абсолютно господствует — 79—90%, пыльца травянистых и кустарничковых растений составляет до 15%, споры — до 12%. Состав пыльцы древесных пород весьма разнообразен: всюду присутствует пыльца сосны (до 65%), березы — много меньше (до 20%); существенную роль играет пыльца ольхи, которая в образцах № 8 и 9 содержится соответственно в количестве 339 и 295 пыльцевых зерен, в силу чего процентное содержание ее в указанных образцах высчитано относительно к сумме пыльцы остальных древесных пород. Существенную роль в составе пыльцевого спектра играла пыльца широколиственных пород — дуба и вяза (до 24%) и орешника (до 35%). Пыльца липы обнаружена в виде единичных зерен, как и пыльца ели. В составе травянистых и кустарничковых растений абсолютно господствует пыльца двудольных (неопределенное разнотравье), в составе спор — зеленые мхи и папоротники.

Полученный пыльцевой спектр позволяет считать, что во время накопления сапропелевых отложений и самых нижних горизонтов торфа территория, непосредственно примыкающая к Бисерову озеру, была полностью облесена, главным образом за счет сосны на повышенных сухих участках рельефа и широколиственных лесов — дубрав с участием ильма и подлеском из орешника. Широко распространены были ольшатники, занимавшие, по-видимому, судя по аналогии с современной растительностью, места избыточного увлажнения. Береза могла существовать в виде примеси к широколиственным и хвойным лесам и небольшими самостоятельными группировками в местах, не благоприятных по условиям дренажа для широколиственных пород и сосны. Характерной особенностью

Спорово-пыльцевые анализы образцов

Состав ископаемых пыльцы и спор		Номера образцов							
		1 0,25		2 0,5		3 0,75		4 1,0	
		абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
Общий состав	{ Пыльца древесных пород	82	58	209	62	161	56	154	43
	{ Пыльца травянистых и кустарничковых растений	18	12	43	12	67	21	27	7
	{ Споры	46	30	89	26	75	23	172	50
Состав пыльцы древесных пород	{ <i>Picea</i>	20	24	39	19	20	12	14	10
	{ <i>Pinus</i>	25	30	102	52	69	43	67	45
	{ <i>Betula</i>	11	13	23	11	26	16	19	12
	{ <i>Alnus</i>	8	10	16	7	28	17	34	22
	{ <i>Quercus</i>	2	3	—	—	—	—	1	1
	{ <i>Tilia</i>	5	7	17	8	11	7	13	8
	{ <i>Ulmus</i>	11	13	6	3	7	5	3	2
	{ <i>Quercus mix</i>	18	23	23	11	18	12	17	10
	{ <i>Corylus</i>	3	3	6	3	12	6	3	2
Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений	{ <i>Gramineae</i>	—	—	1	—	4	7	—	—
	{ <i>Cyperaceae</i>	10	—	26	—	19	28	14	—
	{ <i>Chenopodiaceae</i>	—	—	—	—	1	1	2	—
	{ <i>Artemisia</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
	{ Др. <i>Compositae</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
	{ <i>Erycaceae</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
	{ <i>Caryophyllaceae</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
Состав спор	{ Неопределенное разнотравье	8	—	26	—	43	64	27	—
	{ <i>Bryales</i>	10	21	16	18	9	12	20	11
	{ <i>Sphagnales</i>	—	—	—	—	—	—	2	1
	{ <i>Polypodiaceae</i>	36	79	73	82	66	88	150	88
	{ <i>Lycopodiaceae</i>	—	—	—	—	—	—	—	—
Сумма подсчитанных пыльцы и спор		149	—	341	—	315	—	353	—

и только в самом верхнем образце (в 25 см от поверхности) вновь достигает 23%. Резко падает также содержание орешника. Состав широколиственных пород существенно изменяется: почти полностью исчезает пыльца дуба, в значительных количествах обнаружена пыльца липы и в несколько меньших — ильма. Заслуживает внимания появление на глубине 1,25 м пыльцы ели, содержание которой непрерывно возрастает вверх по разрезу, достигая максимума (24%) в самом верхнем образце. Характер спорово-пыльцевых спектров указывает на изменения в составе растительности. Территория почти полностью облесена за счет еловых и сосновых лесов; широколиственные породы сохраняются, по-видимому, небольшими самостоятельными группировками, а, возможно, также в виде примеси к хвойным лесам.

Площадь, занятая ольшатниками, сокращается по сравнению с предшествующей фазой значительного развития широколиственных пород и ольхи. Время накопления торфа соответствует фазе «верхнего максимума ели» или субатлантическому периоду по схеме Блитта-Сернандера, характеризующемуся более холодным, но достаточно влажным климатом.

из скважины 1 у Бисерова озера

и глубина взятия, м

6 1,25		7 1,5		8 1,75		9 2,0		10 2,25		11 2,5		12 2,75	
абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
113	41	242	82	831	90	669	82	484	79	449	87,5	463	84
9	3	37	8	53	6	41	6	77	15	46	9	66	11
153	56	46	10	41	4	100	12	34	6	18	3,5	29	5
13	11	—	—	—	—	1	1,5	1	—	1	—	1	—
87	77	45	18	135	65	86	62	133	33	275	62	290	64
8	7	10	4	42	20	24	17	51	12	43	10	65	14
1	1	140	58	339	40	295	44	135	34	15	4	16	4
—	—	33	15	5	4	12	8	66	16	96	22	46	11
4	4	—	—	—	—	1	1,5	1	—	1	—	—	—
—	—	14	5	23	11	14	10	14	5	9	2	35	7
4	4	47	20	28	15	27	19,5	81	21	106	24	81	18
95	28	287	34	236	35	—	—	83	17	9	2	10	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	7	—
1	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1	—	4	—
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	3	—
1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	4	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
3	—	37	—	51	—	38	—	76	—	40	—	47	—
6	—	13	28	23	56	48	48	17	—	10	—	8	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
Обильно	—	33	72	18	44	52	52	17	—	7	—	14	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
275	—	420	—	925	—	810	—	512	—	513	—	558	—

Скважина 2 была заложена также буром Гиллера непосредственно близ раскопа и прошла толщу отложений мощностью всего 1 м (62 см минерализованного торфа и 38 см песка). Между минерализованным торфом и песком обнаружена четкая граница размыва, свидетельствующая о том, что между периодами отложения песка и торфянистой почвы был перерыв, подтверждаемый и данными пылевого анализа. Для образцов, взятых из песка (табл. 2 и рис. 15 — II), характерно обилие пылицы древесных пород (84—95%); пыльца травянистых и кустарничковых растений практически отсутствует, споры встречены в количестве до 16%. В составе пылицы древесных пород доминирует сосна (до 94%), береза — 4—12%, ольха — 1—22%; содержание широколиственных пород (дуба, липы и вяза) крайне незначительно (1—3%).

Этот пылевой спектр может быть отнесен к бореальному типу. В это время в окрестностях Бисерова озера господствовали леса из сосны; другие древесные породы не играли сколько-нибудь существенной роли. Время накопления песка можно, таким образом, отнести только к фазе

Спорово-пыльцевые анализы образцов из скважины 2 у Бисерова озера

Состав ископаемых пыльцы и спор		Номера образцов и глубина взятия, м									
		2 0,25		4 0,50		5 0,62		6 0,75		8 1,00	
		абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%	абсолютное количество	%
Общий состав	Пыльца древесных пород	103	73	133	70	267	90	959	95	104	84
	Пыльца травянистых и кустарничковых растений	11	7	11	6	12	4	10	1	—	—
	Споры	27	20	45	24	17	6	34	4	20	16
Состав пыльцы древесных пород	<i>Picea</i>	10	10	3	2	3	1	2	<1	1	1
	<i>Pinus</i>	53	51	46	35	97	36	900	94	64	62
	<i>Betula</i>	16	16	21	16	49	18	34	4	13	12
	<i>Alnus</i>	12	11	51	38	102	38	14	1	23	22
	<i>Salix</i>	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	<i>Quercus</i>	9	10	9	7	9	4	6	—	1	1
	<i>Tilia</i>	3	2	—	—	—	—	—	—	1	1
	<i>Ulmus</i>	—	—	3	2	6	3	1	—	1	1
	<i>Quercus mix</i>	12	12	12	9	15	7	7	1	3	3
	<i>Corylus</i>	2	—	3	—	10	—	—	—	—	—
Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений	<i>Gramineae</i>	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	<i>Cyperaceae</i>	3	—	2	—	2	—	3	—	—	—
	<i>Chenopodiaceae</i>	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	<i>Artemisia</i>	3	—	—	—	2	—	2	—	—	—
	Др. <i>Compositae</i>	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	<i>Polygonaceae</i>	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
	<i>Caryophyllaceae</i>	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Неопределенное разнотравье	2	—	6	—	8	—	4	—	—	—	
Состав спор	<i>Bryales</i>	5	—	7	—	2	—	—	—	5	—
	<i>Sphagnales</i>	—	—	1	—	—	—	2	—	1	—
	<i>Polypodiaceae</i>	20	—	37	—	15	—	30	—	14	—
	<i>Lycopodiaceae</i>	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Сумма подсчитанных пыльцы и спор . . .		143	—	192	—	306	—	1003	—	124	—

сосново-березовых лесов или бореальному периоду (по схеме Блитта-Сернандера), с сухим и довольно холодным климатом. Для вышележащего минерализованного торфа характерен иной пыльцевой спектр. По-прежнему господствующая роль принадлежит древесным породам — 70—90%; пыльца травянистых и кустарничковых растений наблюдается в количестве 4—7%, споры — до 24%. Значительно содержание пыльцы сосны — 35—51%, березы — 16—18%; высок процент ольхи — 11—38%; широколиственные породы встречены в количестве 7—12%. Характерно присутствие ели, содержание которой возрастает кверху до 10%. Можно отметить несомненное сходство пыльцевого спектра минерализованного торфа с пыльцевым спектром фазы «верхнего максимума ели» в скважине 1; особенно четко оно видно при сравнении спорово-пыльцевых диаграмм (рис. 15 — I, II).

По-видимому, накопление минерализованного торфа началось в конце фазы широколиственных пород и ольхи и продолжалось в течение фазы «верхнего максимума ели». Фаза широколиственных пород и ольхи не нашла в скважине 2 полного отражения вследствие перерыва в накоплении отложений. Реконструкция растительности в фазу «верхнего максимума ели», по данным исследования образцов из скважины 2, ничем не отличается от реконструкции, данной при описании скважины 1, и повторение ее не имеет смысла.

В скважине 2 остатки материальной культуры были встречены в нижних горизонтах торфянистой почвы, и время ее существования, таким образом, совпадает с первой половиной фазы «верхнего максимума ели» (т. е. должно приходиться на III—II тысячелетия до н. э.).

В. П. ЛЕВАШОВА

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ
ДРЕВНИХ ОРУДИЙ

Около 30 лет назад М. Е. Фосс и я занимались под руководством В. А. Желиговского изучением механических свойств древних ударных орудий, применяя современные методы определения коэффициента полезного действия ручных ударных орудий.

Результаты проведенных мной в 1925 г. исследований древнерусских, финских и болгарских железных топоров опубликованы в 1936 г. в статье В. А. Желиговского, где излагается и методика определения коэффициента полезного действия древних орудий с несохранившимися рукоятками¹.

Материалы исследований М. Е. Фосс в 1929—1931 гг. каменных и бронзовых орудий из коллекций ГИМ и ряда примитивных ударных орудий XIX в. из коллекций центральных этнографических музеев, так же как и мои данные 1930 г. по бронзовым топорам из коллекций Минусинского музея, до сих пор оставались неопубликованными.

М. Е. Фосс проводила свои исследования в широком масштабе, привлекая большой сравнительный материал. Ею изучены (с определением коэффициента полезного действия) не только древние каменные и бронзовые топоры из коллекций ГИМ, но еще целый ряд примитивных ударных орудий различного назначения из этнографических коллекций Антропологического музея МГУ, Музея народоведения и МАЭ². Определение коэффициента полезного действия этих орудий, имеющих аналогичные древним бойки из камня, кости, рога, раковины и железа, и изучение на них различных способов скрепления с рукояткой помогли М. Е. Фосс оформить в 1931 г. в экспозиции ГИМ выставку, демонстрировавшую путь развития ударных орудий от палеолитического каменного ручного рубила до современных форм топора, молотка, тесла, мотыги.

Эволюция древнейших форм была представлена М. Е. Фосс следующими этапами:

1. Каменное ручное рубило и деревянная палица, т. е. палка с утяжеленным рабочим концом, в качестве которой мог использоваться соответствующей формы сук или ствол молодого дерева с комлевой частью.

2. Искусственное утяжеление рабочего конца палки посредством насадки бойка из куска рога или кости, материал которых легче поддается выдалбливанию, чем камень.

¹ В. А. Желиговский. Эволюция топора и находки на Метрострое. «По трассе 1-й очереди Московского метрополитена». Л., 1936.

² Объем настоящей статьи не позволяет изложить в ней результаты исследований М. Е. Фосс этнографических орудий, но материал этот очень интересен и может послужить темой для отдельной работы.

3. Тот же костяной или роговой боек, снабженный кремневым лезвием, что явилось уже переходом к каменному топору на деревянной рукоятке; в такой орудии костяная часть превратилась из бойка в муфту или втулку, а функции рабочей части перешли к каменному вкладышу.

4. Каменный боек в виде клина, укрепленного на конце деревянной рукоятки путем заклинивания в ее толстый конец или привязывания к рукоятке, имеющей конец в виде букв Т или Г. На этом этапе было освоено полирование камня, что позволило получать гладкие бойки правильной формы и с ровным лезвием.

При переходе от неолита к эпохе бронзы, когда каменные орудия количественно еще преобладали над металлическими, были пройдены следующие этапы эволюции ударных орудий:

5. Каменный просверленный боек и горизонтально-втульчатое скрепление его с рукояткой. Это давало точность удара, которую не обеспечивало недостаточно устойчивое и непрочное скрепление привязыванием.

6, 7 и 8. Металлический боек (из меди или бронзы) ударного орудия, сначала клиновидный, подражающий своей формой каменным топорам и теслам, а затем (этап 7) с крыловидными отростками обушной части для вертикально-втульчатого скрепления (прообраз втульчатого топора-кельта) и (этап 8) с горизонтальным проушным отверстием (прообраз современного топора).

Восстановление несохранившихся рукояток по методу В. А. Желиговского возможно для орудий с проушным отверстием в обухе. Различные виды скрепления каменных клиновидных топоров с рукояткой были выяснены М. Е. Фосс путем привлечения сравнительного этнографического материала. Но эти способы весьма разнообразны, и нельзя конкретно установить, какой из них применялся в определенных районах в древности; поэтому М. Е. Фосс могла лишь условно использовать показатели коэффициента полезного действия примитивных этнографических орудий, бойки которых аналогичны древним.

Размер настоящей статьи не позволяет детально остановиться на методике определения коэффициента полезного действия и восстановления несохранившихся рукояток, тем более что эти вопросы уже освещены в работе В. А. Желиговского³. Однако следует указать, что коэффициент полезного действия — это мерило степени совершенства орудия в отношении его механических свойств; он определяется по формуле:

$$\eta = \frac{r_0^2}{r^2} = \frac{I_0}{I_0'}$$

Более высокие показатели (приближающиеся к идеалу, когда $\eta = 1$) дают орудия с массивным, тяжелым бойком и относительно легкой рукояткой. Из современных ударных орудий наиболее высокий коэффициент η — у молотов, сравнительно низкий — у мотыг; промежуточное положение по высоте η занимают топоры. В общих чертах можно сказать, что чем тяжелее боек относительно рукоятки и чем ближе к центру тяжести проходит направление удара, тем выше коэффициент полезного действия, тем эффективнее работа этим орудием.

Форма и длина рукояток реконструировались на основании направления удара (перпендикулярного лезвию бойка) и расположения центра удара, лежащего на продолжении перпендикуляра, опущенного из центра тяжести на направление удара. Практическое значение этой точки заключается в том, что когда центр удара приходится на рукоятку и человек, работая, держит за это место рукой, он не испытывает отдачи при ударе.

³ В. А. Желиговский. Указ. соч.

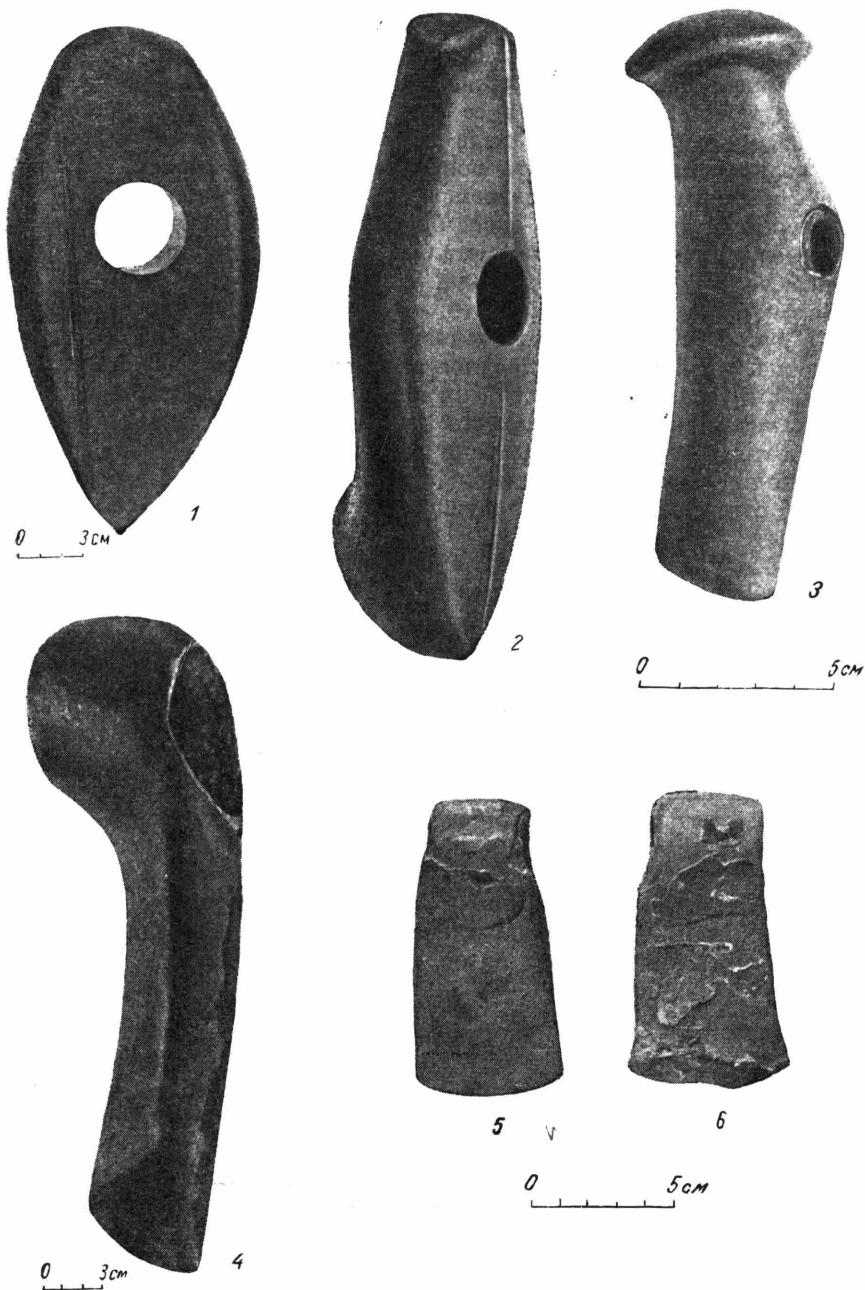

Рис. 16. Топоры из коллекций Государственного исторического музея.
 1 — каменный сверленный клиновидный, Минская область (топор № 5); 2 — каменный сверленный лопастной хордовый, Киевская область (топор № 8); 3 — каменный сверленный пестиковый, Вологодская область (топор № 9); 4 — бронзовый вислаобушный, Татарская АССР (топор № 12); 5, 6 — бронзовые проушные клиновидные, Краснодарский край (топоры № 11, 10).

В простом цилиндрическом стержне центр удара лежит на расстоянии $\frac{2}{3}$ от рабочего конца, а на рукоятке с утяжеленным бойком — с некоторым отклонением от $\frac{2}{3}$.

В архиве М. Е. Фосс удалось найти чертежи и цифровые данные по 13 исследованным ею топорам (9 каменным и 4 бронзовым) из коллекций ГИМ. Для всех этих топоров были восстановлены рукоятки и вычислен коэффициент полезного действия (табл. 1 и рис. 16 и 17).

Одновременно с исследованиями М. Е. Фосс я занималась изучением механических свойств бронзовых боевых топоров, относящихся к тагарской

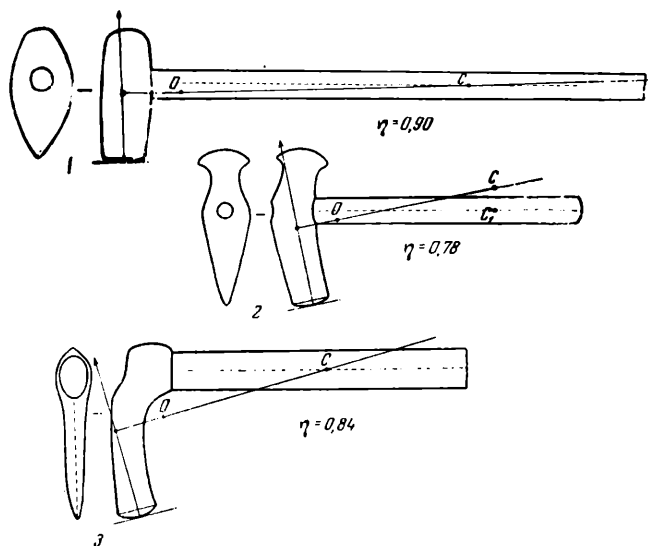

Рис. 17. Древние топоры с восстановленными рукоятками.

1 — топор № 4; 2 — топор № 9; 3 — топор № 12; О — центр тяжести;

С — центр удара; η — коэффициент полезного действия.

культуре середины I тысячелетия до н. э. по материалам Минусинского музея.

Тагарские боевые топоры (рис. 18) — все проушные, с орнаментальными, не имеющими практического значения отrostками в верхней части обуха. По форме бойка относятся к узколезвийному клиновидному типу топоров. Канал обуха узкий, овальный или яйцевидный в поперечном сечении; боек прямоугольный или слегка суживающийся к лезвию. Лишь у одного из исследованных топоров обух шире бойка и вытянут по рукоятке горизонтальной втулкой (рис. 18—7), а у другого, прекрасной художественной выделки, — симметрично расширяющийся к лезвию боек с трапецевидной прорезью и широкий, округло-яйцевидный в поперечном сечении канал обуха (рис. 18—10). У некоторых экземпляров обушные отrostки имеют форму стилизованных птичьих головок (рис. 18—3, 7, 12), а один топор украшен рельефным изображением козла в верхней части широкой стороны бойка (рис. 18—11). Кроме того, некоторые бойки тагарских боевых топоров украшены орнаментальными продольными желобками и бороздками (рис. 18—1, 2, 8, 9, 12). Лезвие у всех топоров скошенное, что дает основание реконструировать прямые рукоятки; но характерно, что обушной канал у всех топоров (за исключением изображенного на рис. 18—10) несколько суживается к тому концу, с которого вставлялась рукоятка, тогда как у всех каменных и бронзовых топоров, исследованных М. Е. Фосс, и у тагарских бронзовых клевцов этот конец,

Каменные и бронзовые топоры из коллекций ГИМ

№ по порядку	№ по чертежам М. Е. Фосс	№ по инвентарной книге ГИМ	Тип топора* и место находки его	Дата	Вес бойка, кг	Общий вес орудия, кг	Длина рукоятки, м	l — расстояние от направления удара до центра удара, м	S — расстояние от направления удара до центра тяжести, м	γ — коэффициент полезного действия
1	1	—	Каменный сверленный клиновидный топор. Случайная находка. Европейская часть СССР	II тысячелетие до н. э.	0.850	?	0.32	0.20	0.03	0.84
2	6/4	—	То же. Случайная находка. Киевская область	То же	0.583	?	0.6	0.45	0.067	0.84
3	17	42356	То же. Случайная находка в бывшем Хоперском уезде Донской области	" "	1.751	?	0.47	?	0.03	0.89
4	14	25136	То же. Случайная находка в бывшем Борисовском уезде Минской губернии (рис. 17—1)	" "	0.833	0.978	0.6	0.468	0.041	0.89
5	13	54846	То же. Случайная находка в Минской области (рис. 16—1)	" "	0.781	0.936	0.7	?	0.06	0.90
6	9	58283	Каменный сверленный длиннообушковый топор. Случайная находка близ с. Малахово Московской области (бывший Бронницкий уезд)	" "	0.423	?	0.6	0.45	0.076	0.83
7	8	—	Каменный сверленный лопастной топор. Место находки не известно	2-я половина II тысячелетия до н. э.	0.396	?	0.25	0.16	0.034	0.82
8	7	44795	Каменный сверленный лопастной топор. Случайная находка при прокладке Киево-Воронежской ж. д. (рис. 16—2)	То же	0.677	?	0.25	0.15	0.028	0.83
9	3	31540	Каменный сверленный пестиковый топор. Случайная находка в Вологодской области; бывший Вельский уезд (рис. 16—3; рис. 17—2)	" "	0.486	?	0.3	0.22	0.042	0.78
10	2	42405	Бронзовый проушный клиновидный топор из кургана близ станицы Новосвободной Краснодарского края. Раскопки Н. И. Веселовского 1898 г. (рис. 16—6)	Конец III тысячелетия — начало II тысячелетия до н. э.	0.448	0.516	0.4	?	0.031	0.91
11	1	То же	То же, оттуда же (рис. 16—5)	То же	0.412	0.484	0.35	?	0.029	0.89

* В этой графе указаны также номера рисунков, публикуемых в настоящей статье.

Таблица 1 (продолжение)

№ по порядку	№ по чертам М. Е. Фосс	№ по инвентарной книге ГИМ	Тип топора* и место находки его	Дата	Вес бойка, кг	Общий вес орудия, кг	Длина рукоятки м,	<i>l</i> — расстояние от направления удара до центра удара, м,	<i>S</i> — расстояние от направления удара до центра тяжести, м	<i>T</i> — коэффициент полезного действия
12	4	37903	Бронзовый вислобушенный топор из с. Новопоселенная Толба Тетюшского района ТАССР (рис. 16—4; рис. 17—3)	Середина II тысячелетия до н. э.	0.714	?	0.35	0.223	0.051	0.84
13	5	24129	То же. Случайная находка близ с. Колонтаево Харьковской области (бывший Богородский уезд)	То же	0.674	?	0.4	0.35	0.05	0.82

Таблица 2

Бронзовые топоры, найденные в различных пунктах Минусинской котловины

№ топора, данный при исследовании	№ по инвентарной книге коллекции бронзы Минусинского музея	Место находки топоров и номер рисунка	Вес бойка, кг	Общий вес орудия, кг	Длина рукоятки, м	<i>l</i> — расстояние от направления удара до центра удара, м	<i>S</i> — расстояние от направления удара до центра тяжести, м	<i>T</i> — коэффициент полезного действия
1	448	Близ с. Тигрицкое Минусинского района (рис. 18—2)	0.203	0.283	0.525	0.337	0.073	0.78
2	442	Там же (рис. 18—7)	0.442	0.605	0.615	0.44	0.084	0.81
3	452	Около горы Изых, Хакасская автономная область (рис. 18—5)	0.152	0.259	0.60	0.415	0.084	0.797
4	443	Близ с. Монок Таштыпского района Хакасской автономной области (рис. 18—6)	0.351	0.520	0.50	0.32	0.073	0.77
5	441	Близ улуса Топаков Хакасской автономной области (рис. 18—11)	0.475	0.597	0.42	0.31	0.043	0.862
6	446	Близ с. Большой Телек (рис. 18—8)	0.343	0.444	0.50	0.35	0.064	0.82
7	445	Место находки точно не известно (бывший Минусинский уезд; рис. 18—12)	0.286	0.424	0.48	0.31	0.075	0.758
8	447	Близ улуса Курилков Хакасской автономной области (рис. 18—4)	0.404	0.575	0.555	0.42	0.081	0.81
9	449	Близ с. Усинское того же района (рис. 18—3)	0.446	0.576	0.54	0.42	0.058	0.862
10	45	Найден там же (рис. 18—9)	0.449	0.569	0.43	0.335	0.04	0.88
11	451	Близ с. Таштып того же района, Хакасской автономной области (рис. 18—7)	0.337	0.469	0.42	0.226	0.066	0.758
12	440	Близ с. Иудино Хакасской автономной области (рис. 18—10)	0.752	0.950	0.60	0.50	0.067	0.86

наоборот, шире. Очевидно, рукоятки тагарских боевых топоров вставлялись с узкого конца обушного канала с расчетом заклинивания их в противоположном конце. Кроме заклинивания, прочность скрепления достигалась еще забиванием гвоздей в отверстия, оставленные при литье в боковых

Рис. 18. Тагарские боевые топоры из коллекций Минусинского музея.

1 — из с. Тигрицкое (топор № 2); 2 — из с. Тигрицкое (топор № 1); 3 — из с. Усинское (топор № 9); 4 — из улуса Куриаков (топор № 8); 5 — с горы Изых (топор № 3); 6 — из с. Монок (топор № 4); 7 — из с. Таштып (топор № 11); 8 — из с. Большой Телек (топор № 6); 9 — из с. Усинское (топор № 10); 10 — из с. Иудино (топор № 12); 11 — из улуса Топаков (топор № 5); 12 — из бывш. Минусинского уезда (топор № 7).

стенках обуха. В пластинчатых обушных отростках некоторых топоров (рис. 18 — 1, 6, 11) есть небольшие круглые отверстия; по аналогии с некоторыми славянскими топорами можно считать, что в эти отверстия продерживался ремешок для подвешивания топора к поясу.

Всего мной исследовано 12 бронзовых топоров, обнаруженных в разных пунктах Минусинской котловины (табл. 2).

Если сопоставить коэффициент полезного действия исследованных топоров в порядке его возрастания, отношения величин l (расстояния от направления удара до центра удара) и S (расстояния от направления

удара до центра тяжести) и вес бойка по отношению к общему весу орудия, то мы получим следующую картину (табл. 3).

Приведенные в табл. 3 цифры наглядно показывают зависимость коэффициента полезного действия от массивности бойка и от величины расстояния между центром тяжести и направлением удара. Самые высокие показатели η (от 0,86 до 0,88) у топоров № 10, 5, 9 и 12, у которых S составляет $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{7}$, а вес бойка — $\frac{5}{6}$ и $\frac{4}{5}$ общего веса орудия. Наиболее низок показатель η (от 0,758 до 0,78) у топоров № 11, 7, 4 и 1, у которых S всего в 4 раза меньше l , а вес бойка составляет $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{5}$ или $\frac{5}{7}$ общего веса. Правда, также незначителен ($\frac{2}{3}$) и относительный вес топора № 8, имеющего $\eta = 0,81$, но зато у него расстояние S составляет не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{5} l$; у топора № 12 при $\eta = 0,86$, так же как и у топоров № 2 и 6, имеющих $\eta = 0,81$ и 82, вес бойка составляет $\frac{3}{4}$ общего веса, но зато S в первом случае в 7 раз меньше l , а во втором — только в 5 раз.

Таблица 3

Сопоставление отношения показателей S и l , веса бойка и коэффициента полезного действия

№ топора	Отношение S к l	Вес бойка по отношению к общему весу орудия	η -коэффициент полезного действия
12) - 11	$\frac{1}{4}$	$\frac{2}{3}$	0,758
11) - 7	$\frac{1}{4}$	$\frac{2}{3}$	0,758
10) - 4	$\frac{1}{4}$	$\frac{3}{5}$	0,77
9) - 1	$\frac{1}{4}$	$\frac{5}{7}$	0,78
8) - 3	$\frac{1}{5}$	$\frac{3}{5}$	0,797
7) - 8	$\frac{1}{5}$	$\frac{2}{3}$	0,81
6) - 2	$\frac{1}{5}$	$\frac{3}{4}$	0,81
5) - 6	$\frac{1}{5}$	$\frac{3}{4}$	0,82
4) - 12	$\frac{1}{7}$	$\frac{3}{4}$	0,86
3) - 9	$\frac{1}{7}$	$\frac{4}{5}$	0,862
2) - 5	$\frac{1}{7}$	$\frac{5}{6}$	0,862
1) - 10	$\frac{1}{8}$	$\frac{5}{6}$	0,88

Эта закономерность подтверждается данными исследования М. Е. Фосс каменных и бронзовых топоров III—II тысячелетий до н. э. и моими исследованиями 1927 г. казахских боевых топоров XIX в.⁴ из этнографических коллекций Омского музея. По этому материалу мы можем пользоваться в основном только показателями η и S , так как по архивным материалам М. Е. Фосс мне удалось установить относительный вес бойка лишь для 4 топоров, а вес бойков казахских топоров совсем невозможно было определить, потому что без ущерба для экспоната их нельзя снять с рукоятки.

Как видно из табл. 1, топор № 4 (каменный, сверленный, клиновидный), у которого вес бойка составляет $\frac{7}{8}$ общего веса, а S примерно в 10 раз меньше l , имеет $\eta = 0,89$; орудия того же типа (топор № 1 и 2), у которых S составляет около $\frac{1}{7} l$, имеют $\eta = 0,84$.

Из семи исследованных мной казахских боевых топоров (имеющих вообще низкий показатель η вследствие утяжеленных рукояток) наивысший коэффициент полезного действия — $\eta = 0,7$ у топора № 1, у которого S в 4 раза меньше l , а у топора № 7 с самым низким коэффициентом полезного действия ($\eta = 0,51$) S составляет около $\frac{1}{2} l$; у тех же топоров, у которых S равняется примерно $\frac{1}{3} l$, показатели η в среднем составляют от 0,595 до 0,67.

Выше указывалось, что обушные отростки тагарских топоров не имели практического значения в том смысле, что они не были второй рабочей частью орудия, как, например, обушки каменных топоров или молоточки более поздних железных боевых топоров. Но в отношении механических

⁴ Так называемый «айбалты», нарядные боевые топоры, орнаментированные серебряной насечкой и чернью, с рукоятками, обложенными металлом. Из-за утяжеленной рукоятки эти орудия при хорошей форме бойка имеют очень низкий коэффициент полезного действия.

свойств орудий эти придатки, несомненно, имели значение. Они увеличивали вес бойка, приближая центр тяжести к направлению удара, как, например, массивные отростки топоров № 10 и 5. Из прошлого опыта изучения железных топоров можно привести в пример узколезвийный финский топор, у которого вес бойка составляет $\frac{2}{3}$ общего веса орудия и $\eta = 0,76$, и узколезвийный болгарский боевой топор с молоточком на обухе, у которого относительный вес бойка равен $\frac{4}{5}$ общего веса и $\eta = 0,839^5$.

Но не всякое утяжеление бойка было выгодно. Обух, вытянутый трубкой по рукоятке, наоборот, как бы перемещал центр тяжести дальше от линии направления удара, о чем можно судить по рисункам топоров № 10 и 11, из которых первый имеет самый высокий коэффициент полезного действия, а второй — самый низкий. Также неблагоприятно отражались на механических свойствах орудия и слишком глубокие орнаментальные выемки (топор № 7), но при наличии массивного обухного отростка это как бы нивелировалось (см. рис. 18 — 7, 9, 12).

В настоящее время, кроме уже опубликованных данных о механических свойствах древнерусского топора⁶, мы располагаем, по исследованиям М. Е. Фосс и моим, данными о коэффициентах полезного действия нескольких групп древних топоров: 1) каменных сверленых (рабочих и одновременно боевых) II тысячелетия до н. э., у которых $\eta = 0,78 \div 0,90$; 2) бронзовых проушных (рабочих и одновременно боевых) конца III тысячелетия — середины II тысячелетия до н. э., у которых $\eta = 0,82 \div 0,91$ и 3) бронзовых боевых середины I тысячелетия до н. э., у которых $\eta = 0,758 \div 0,88$.

Кроме того, на основе этнографического материала, обработанного М. Е. Фосс, условно можно судить и о механических свойствах неолитических клиновидных топоров. Определение η каменных клиновидных топоров, бойки которых соединены с рукояткой посредством вклинивания в толстый конец ее (рис. 19 — 1, 2), дало следующие показатели: топор из Новой Гвинеи — $\eta = 0,73^7$, из Южной Африки — $\eta = 0,86^8$. Топоры с подобными же бойками, укрепленными посредством охвата гибким прутом, переходящим в рукоятку (рис. 19 — 4), имеют $\eta = 0,52$ (из Южной Америки)⁹ и $\eta = 0,82$ (из Юго-Восточной Австралии)¹⁰.

подавляющее большинство орудий с рукоятками в виде букв Т и Г служило теслами и теслами-мотыгами (рис. 19 — 5). Показатели η у них колеблются от 0,66 (у эскимосского тесла)¹¹ до 0,92 (у тесла из Новой Гвинеи)¹², а топор из Меланезии с каменным клиновидным бойком, привязанным к рукоятке в форме буквы Т (рис. 19 — 3), имеет $\eta = 0,85^{13}$.

Если сравнить эти данные с более поздними и учесть, что железные топоры VII—XIV вв. имели $\eta = 0,727 \div 0,98$ и что для современного топора нормальным считается $\eta = 0,80 \div 0,85^{14}$, а у казахских боевых топоров XIX в. коэффициент полезного действия равнялся всего лишь $0,51 \div 0,7$, то может создаться впечатление, что никакого прогресса в развитии ударного орудия от каменного до современного топора не было. Но эволюцию топора на протяжении тысячелетий нельзя пред-

⁵ В. А. Желиговский. Указ. соч., стр. 146, 147, топоры № 11 и 12.

⁶ Там же.

⁷ Из коллекций МАЭ; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 13.

⁸ То же; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 1.

⁹ То же; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 2.

¹⁰ Из коллекций Музея гародоведения; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 7.

¹¹ Из коллекций МАЭ; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 14.

¹² Из коллекций Музея народооведения; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 11.

¹³ Из коллекций Антропологического музея МГУ; по архивным материалам М. Е. Фосс — № 13.

¹⁴ В. А. Желиговский. Указ. соч.

ставлять себе как непрерывное повышение коэффициента полезного действия. Не следует забывать, что, кроме повышения коэффициента полезного действия, т. е. степени эффективности работы, для ручного ударного орудия важны удобство работы им и его прочность, а это в значительной мере зависит от надежности скрепления бойка с рукояткой, а также от формы и размера последней.

Как уже отмечалось, созданная М. Е. Фосс в 1931 г. выставка «Развитие ручных ударных орудий» наглядно показывала ход изобретатель-

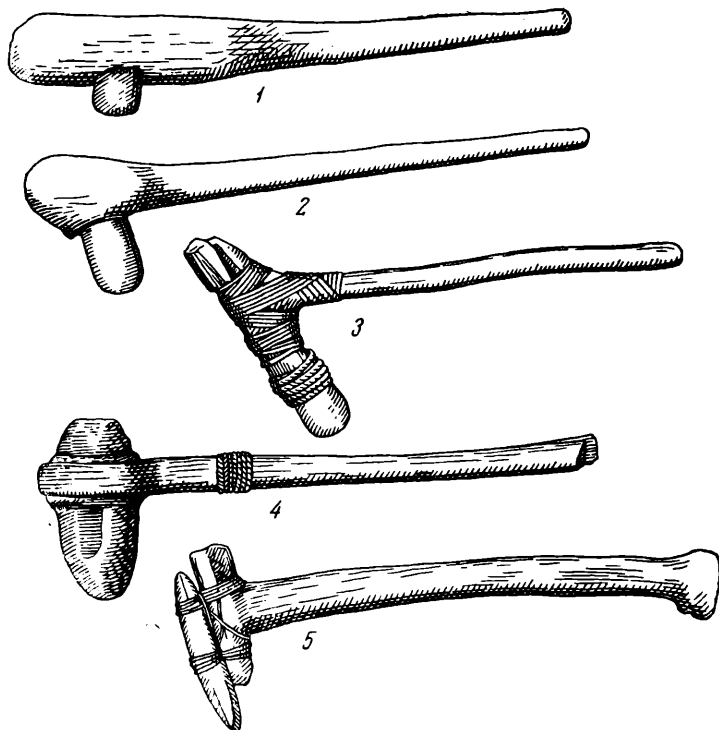

Рис. 19. Способы скрепления с рукояткой примитивных каменных орудий XIX в.

1 — топор из Новой Гвинеи; 2, 4 — топоры из Южной Америки; 3 — топор из Меланезии; 5 — тесло эскимосское.

ской мысли человека, направленной на усовершенствование орудий. Утяжеление бойка еще в каменном веке и изменение его формы в последующие периоды свидетельствуют об интуитивном стремлении увеличить эффективность работы. Косое лезвие топора при прямой рукоятке — показатель стремления ослабить отдачу при ударе, а различные изменения формы обушной части — свидетельство о попытках найти наилучший способ скрепления. Кремневые клиновидные топоры в эпоху неолита были прекрасными орудиями по качеству бойка, но скрепление — привязывание его к рукоятке — не давало достаточной прочности. Употребление металла — бронзы — позволило делать втульчатые и проушные топоры с прочным скреплением, обеспечивающим точность удара, но металла было еще мало. Стали изготовлять сверленные проушные топоры из более мягкого камня, чем кремнь. Достигли хороших форм бойка, но подвела хрупкость материала — боек часто ломался при ударе (это подтверждается наблюдениями М. Е. Фосс над характером излома фрагментов каменных топоров).

Полное господство металла, особенно в эпоху железа, дало в руки человека прочный и острый боек. Тогда усовершенствование орудия пошло по линии поисков лучшей формы его — переход от узколезвийного к широколезвийному и лопастному топору, форма которого приблизила направление удара к центру тяжести. Однако интуитивная погоня за повышением коэффициента полезного действия расширением рабочей части бойка, вытягиванием лопасти (на грани I и II тысячелетий н. э.) привела к тому, что при чрезмерном увеличении лопасти направление удара пошло через не защищенную бухом рукоятку, и она стала часто ломаться¹⁵. Лопастный топор уступил место форме, близкой к современной, причем отказ от лопасти (также интуитивно, опытным путем) компенсировался увеличением массивности бойка, что, как мы уже видели на разобранных выше примерах, способствовало повышению показателя η .

Почти на всем протяжении истории человечества топор был самым универсальным орудием труда и, в случае надобности, оружием. Но еще с древности от этого универсального орудия как бы ответвлялись и специальные формы боевых топоров. Оружие чаще, чем орудия труда, украшалось. Нередко украшательство влекло за собой понижение практических качеств, что было видно на примере тагарских боевых топоров (глубокие орнаментальные желобки уменьшали вес бойка) и особенно ярко — на казахских топорах с утяжеленной украшениями рукояткой.

Таким образом, пока удастся наметить лишь несколько вех в общей цепи эволюции ударных орудий. Когда будут заполнены пробелы, хотя бы по важнейшим звеньям ее и в первую очередь в отношении изучения механических свойств топоров-кельтов (употреблявшихся в течение очень долгого времени), а также тесел, мотыг и других категорий, — картина развития ручных ударных орудий станет более полной и интересной.

¹⁵ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956.

М. З. ПАНИЧКИНА

О ДВУХ ТИПАХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ НУКЛЕУСОВ
(так называемых нуклеусах-скребках и гигантолитах)

Общеизвестно, что при исследовании первобытной техники особенно важное значение имеет изучение различных типов нуклеусов. Уже в силу самого назначения этих кремней как исходной формы для изучения отщепов и пластин с них и начинается исследование техники обработки камня, приемов его раскалывания. Поэтому совершенно естественно, что нуклеусам, их типологическому определению, как и связанным с ними нуклевидным орудиям, посвящена обширная специальная литература.

Однако вопросы об отдельных типах нуклеусов и, что особенно существенно, о их назначении далеко не во всех случаях получили бесспорное и исчерпывающее решение. Напротив, работы в этой области находятся лишь в начальной стадии и часто не выходят за рамки формально-типологического определения. В данном случае мы хотим остановиться на двух типах нуклевидных кремней — так называемых нуклеусах-скребках и гигантолитах, обратив особое внимание на их действительное назначение.

Своеобразная форма нуклеуса, характеризующаяся чрезвычайно сильной приплюснутостью с боков (рис. 20), была первоначально выделена по материалам сибирских стоянок и тогда же получила название «нуклеуса-скребка». Однако считаем необходимым оговориться, что в дальнейшем изложении термин «нуклеус-скребок», придающий этим изделиям слишком специфическое значение, не соответствующее их действительной роли, заменяется иным; мы будем называть их иначе — клиновидными нуклеусами. Термин «клиновидный нуклеус» или «нуклеус клиновидного типа» более точно определяет не только форму изделий, весьма целесообразно приспособленную для использования (расщепления), но и их назначение. Предназначались такие нуклеусы для получения микропластинок, что мы попытаемся доказать ниже. И хотя в некоторых случаях они, как и ядрища других типов, могли использоваться в качестве орудия, все же эта функция не была основной, определяющей.

Для клиновидных нуклеусов характерны узкая фронтальная рабочая сторона и сильно вытянутое по сагиттальной линии тело. Часто эти нуклеусы заканчиваются на тыльной стороне и в основании заостренным с двух сторон ребром. В результате такой обработки они получали форму клина. В поперечном сечении они имеют очертания удлиненного равнобедренного треугольника, основанием которого служит фронтальная рабочая сторона. Сильное сужение достигалось в одних случаях подтеской боковых сторон, придававшей им вид ровной отвесной стенки, а в других — в результате использования продольно расколотой гальки, постав-

ленной на бок, вертикально (рис. 21—2). И в том, и в другом случае проявлялось стремление к получению нуклеуса, сильно вытянутого по сагиттальной линии.

Но, несмотря на тщательную обработку боковых сторон, отделение пластинок от них не производилось. Сколы всегда велись от одной узкой

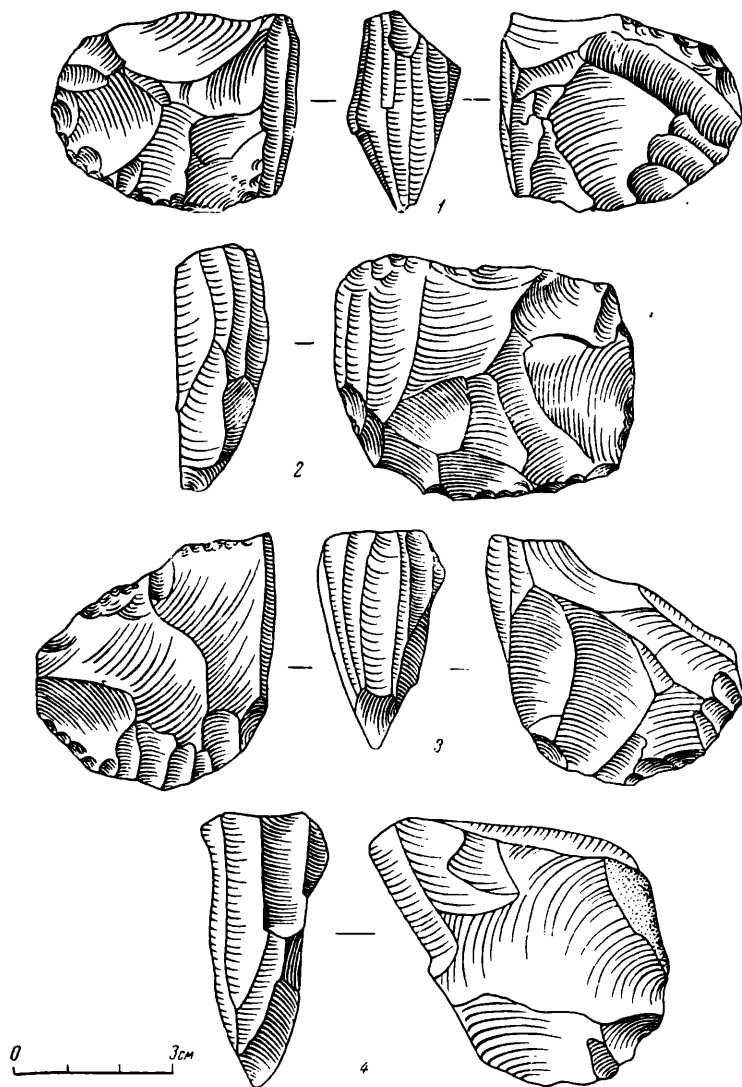

Рис. 20. Клиновидные нуклеусы из палеолитических стоянок Сибири.

1 — Зарубино; 2 — Сростки; 3, 4 — Черемушник.

стороны и лишь немного выходили за ее пределы; они срезали углы, образовывавшиеся на стыке боковых сторон с передней, рабочей плоскостью и этим придавали последней закругленную форму (рис. 20—1—4). Узкая форма наиболее выгодна и удобна для скалывания пластинок; вплоть до окончательного использования такой нуклеус не требовал изменения раз установленного для него положения.

Для большей части клиновидных нуклеусов характерна скошенная

(относительно вертикальной оси) удлинненно-овальная в плане ударная площадка. Уклон ее направлен к заднему, клиновидному концу (рис. 20—4; рис. 21—1, 2). Очень часто площадка покрыта сильно забитыми фасетками, а иногда несет на себе глубокие выбоины и вмятины,

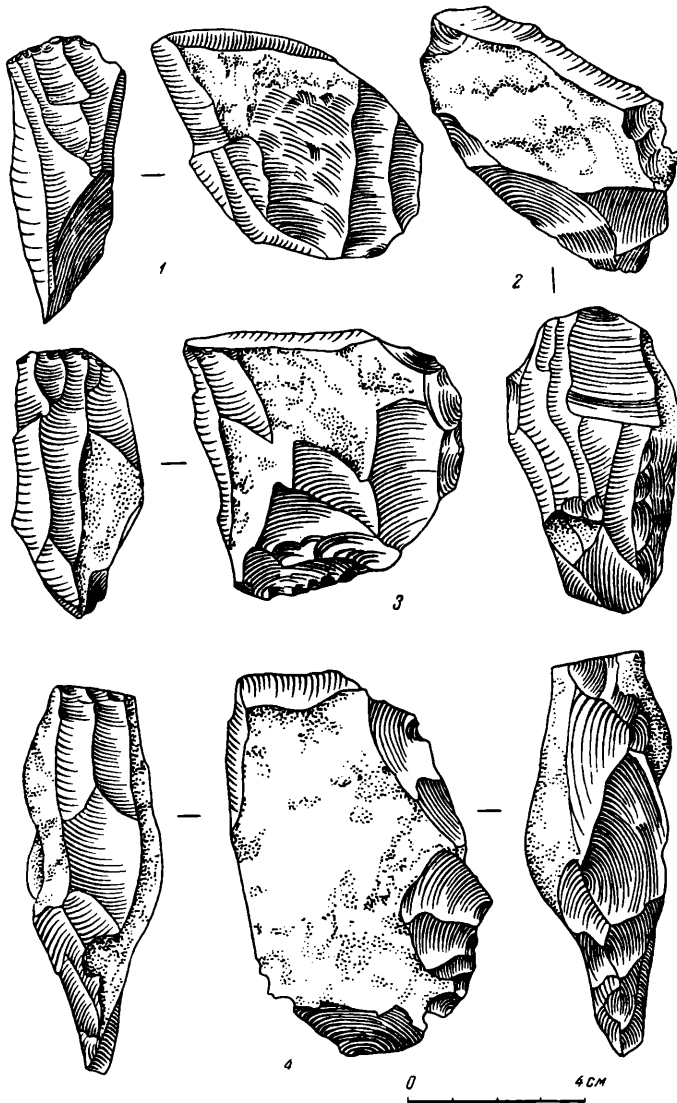

Рис. 21. Клиновидные нуклеусы.

1 — Гагарино; 2 — Сюрень I; 3 — Мальтинская стоянка; 4 — Костенки III.

заметно нарушающие поверхность (рис. 20—1—3). Отделение пластинок велось от наиболее утолщенного конца. Ни в одном случае не прослежены следы сколов пластинок от пониженного края площадки.

Особенно выразительными сериями нуклеусы этого типа представлены на сибирских стоянках конца верхнего палеолита и мезолита¹ (рис. 20—1—4; рис. 21—3). Однако в небольшом числе, а иногда и сериями, они

¹ Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова III. Тр. О-ва изучения Сибири и ее производительных сил, вып. 7. Новосибирск, 1930, стр. 25, 27; табл. 8, 10—13; табл. 12, 4; Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской

встречаются среди материалов многих других верхнепалеолитических и мезолитических памятников Европейской части СССР. В наиболее ранних формах эти нуклеусы представлены в Гагарино (рис. 21—1)², в Сюрени I (средний и верхний горизонты; рис. 21—2)³, в Костенках III (рис. 21—4)⁴, Елисеевичах⁵, в Тимоновке⁶. В довольно большом количестве и в хорошо выраженной форме они встречаются на некоторых мезолитических стоянках (Кук-рек, Шан-коба и др.). Крупная серия клиновидных нуклеусов, по своему облику не отличимых от ядрищ из сибирских стоянок, представлена среди находок позднепалеолитической стоянки Липа Ровенской области УССР⁷.

Выделенная А. Н. Рогачевым на материалах Костенок IV (верхний горизонт) и Тельманской стоянки (2-й слой) особая группа ядрищ, изготовленных на массивных отщепах («вторичные ядрища» — по А. Н. Рогачеву)⁸, представляет, на мой взгляд, один из простейших вариантов клиновидных нуклеусов. Действительно, разница между нуклеусами на отщепах и клиновидными заключается лишь в характере заготовки, шедшей на их изготовление. В одном случае ею служил отщеп с тонкими краями, в другом — расколота продольно галька, дополнительно заостренная по краям. Приемы же использования одинаковы: кремнь ставили на продольный край, тело его оказывалось сильно вытянутым по сагиттальной линии; скальвали пластинки только от одного, узкого конца. Следует отметить, что ядрища на массивных отщепах широко представлены не только в Костенках IV и на Тельманской стоянке, но и в других верхнепалеолитических местонахождениях. Обычно их принято рассматривать как одну из разновидностей полиэдрического резца. Однако, судя по облику, в частности по характеру рабочего края, эти кремни являлись, как правильно определил А. Н. Рогачев, особой формой нуклеуса, предназначенной для скальвания миниатюрных пластинок. Чрезвычайно близкое сходство ядрищ на отщепах с клиновидными нуклеусами дает основание рассматривать их в качестве единой по типу и по функциональной роли группы заготовок. Очевидно, ядрища, изготовленные на массивных отщепах, служили простейшим ее вариантом.

Таким образом, территориально широкое распространение клиновидных нуклеусов свидетельствует о них как общем звене в развитии верхнепалеолитической техники.

Как отмечалось выше, эти нуклеусы, в связи с наличием полукруглого заостренного края, часто включаются в группу скребков. При этом полагают, что данная функция была единственной и что отделение от них пластинок не было самоцелью, а служило лишь приемом оформления предмета⁹. Однако, судя по ряду признаков, это объяснение вряд ли может считаться исчерпывающим. Прежде всего следует обратить внимание на то, что клиновидная часть орудия, заостренная по краю с двух сторон мелкими сколами, имеет на очень многих экземплярах ломаную линию

долины. Сб. «Палеолит СССР». Л., 1935. рис. 11—1, 3, 4; А. П. Окладников. Следы палеолита в долине р. Лены. МИА, № 39, стр. 244; З. А. Абрамова. Палеолитические находки в районе Кячты. МИА, № 39, 1953, стр. 268 и сл., рис. 2—6.

² Коллекции № 5567 и 3555 МАЭ.

³ См. также Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода, вып. V, 1934, стр. 178, 179, табл. V, 1; табл. VI, 7.

⁴ Коллекция № 4632 МАЭ. Раскопки П. И. Борисковского в 1956 г.

⁵ Коллекция № 5298 МАЭ.

⁶ Коллекция № 5120 МАЭ.

⁷ М. Я. Рудинський. Дубно-Кременецька палеолітична експедиція. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, 1952, стр. 147, табл. IV.

⁸ А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, 1955, стр. 37 и сл., рис. 13, 3; табл. II.

⁹ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 244.

лезвия (рис. 21—4), малопригодную для выполнения режущих и скребущих функций. В то же время нуклевидный конец строго выработан, тщательно огранен и часто несет следы «поджигления», указывающие на неоднократное скалывание пластинок. Если принять, что эти изделия служили только в качестве скребков, рабочей частью которых был клиновидно заостренный край, то назначение нуклевидной части остается непонятным; она оказывается ненужной, мешающей. Использование же нуклевидного конца в качестве скребка исключается из-за неровности площадки (рис. 20—1—3) — рабочее лезвие ее не дает нужного контакта с обрабатываемым материалом.

Если же эти изделия определить как нуклеусы, то тогда назначение клиновидной части (преднамеренная заостренность основания и заднего края) становится более ясной — эта часть ядрища предназначалась для заклинивания в твердой подставке¹⁰. Об этом выразительно свидетельствуют основные признаки, характеризующие клиновидные нуклеусы, — вытянутость тела по сагиттальной линии, сильная уплощенность боковых сторон, клиновидно заостренные тыльный конец и основание (часто со следами повреждения мелкими выбоинами и вмятинами), скошенная ударная площадка, следы отделения пластинок только от одного участка боковой поверхности. Не исключено, что для большей устойчивости в твердой подставке нуклеус дополнительно закреплялся вязкой массой, подобно тому как это делали некоторые племена Австралии, закрепляя орудие в рукоятке¹¹. При закреплении нуклеуса утолщенная половина его оставалась свободной для отделения пластинок. Она занимала прочное и удобное для раскалывания положение. Таким образом, выработывавшаяся на протяжении всего палеолита тенденция к получению суженной формы нуклеуса нашла в клиновидной форме самое выразительное проявление. При изготовлении ядрища этого типа человек как будто задавался целью придать ему форму, наиболее удобную для закрепления, позволяющую надолго сохранить ядрище в процессе использования в неизменном положении. Нуклеус, неподвижно заклиненный заостренным ребром в твердой основе-подставке, принимал устойчивое положение, позволявшее мастеру свободно располагать обеими руками при отделении пластинок.

Однако не исключено, что в некоторых случаях клиновидные нуклеусы использовались также в качестве орудий для расщепления твердых материалов — кости или дерева. Вероятно этим вызвана сильная смятость ударной площадки и краев у некоторых экземпляров. Массивные, клиновидно заостренные, с площадкой, удобной для нанесения сильного удара, — эти изделия могли дать в работе достаточно эффективный результат. Но подобное их использование (подчеркиваем — не в качестве скребка), по-видимому, было второстепенным, дополнительным, не распространяющимся на все экземпляры, входящие в данную группу.

Изложенные соображения, основанные пока лишь на сумме косвенных признаков и потому сугубо предположительные, могут быть подкреплены данными, взятыми из этнографических и археологических источников. О способах крепления нуклеусов, применявшихся индейцами западных

¹⁰ К выводу о необходимости закрепления призматических нуклеусов пришли еще в 1947 г. А. Донмец и В. Брайс, изучавшие способы раскалывания кремня на материалах Южной Турции. С их точки зрения, оформленное на тыльной стороне ядрища ребро-реберье предназначалось для закрепления в пазу или в желобке «наковальни». Второе ребро, оформлявшееся часто на противоположном конце нуклеуса, служило в качестве ориентира, помогающего определить место нанесения первоначального скола. Поэтому пластинка, сколотая первой от нуклеуса, подготовленного таким способом, сохраняла на спинке ребристую грань. Ahmed Dönmez and W. C. Brice. A flint blade workshop near Gaziantep, South Turkey. «Man», 1951, vol. LI, стр. 76, 77.

¹¹ S. R. Mitchell. Stone—Age Craftsmen. Melbourne, 1949.

и средних штатов Северной Америки, сообщает, пользуясь сведениями Кэтлина, Дж. Селлерс. В одних случаях подготовленный нуклеус втыкали или вбивали в твердый грунт (в глину). Во избежание расшатывания и скольжения в грунте, его дополнительно придавливали ногой. Крупные экземпляры зажимали обеими ногами. Чаще нуклеус закрепляли между двумя кусками или брусками дерева, скрепленными под острым углом веревками или ремнями. Это приспособление напоминало развилку или челоство животного. Нуклеус вставляли в нее; мастер становился ногами на место перевязи и придавливал приспособление к земле всем весом тела¹². В других случаях в качестве скрепы-подставки использовали закрепленный в земле кусок дерева или пень с прорезанными в нем желобками для вставления камня¹³.

Сходные приемы крепления нуклеуса применялись ацтеками. По описанию Торквемады, у них часто и с большим искусством удлиненные пластины-ножи откалывали женщины. Прежде чем отколоть пластину, они втыкали нуклеус в землю и крепко «как будто парой клешней сжимали его с двух сторон босыми ногами»¹⁴. О закреплении нуклеуса свидетельствуют и некоторые археологические материалы. В культурном слое палеолитической стоянки Фонтенуа во Франции обнаружена вертикально стоявшая в грунте крупная, трапециевидной формы кремневая плитка. По заключению исследователя, эта плитка использовалась палеолитическим человеком вкопанной в землю¹⁵. На верхнем, наиболее выступающем конце ее — следы скола удлиненной пластины. Характерно, что основание и края плитки были подтесаны ретушью.

Естественно, что чрезвычайно крупные нуклеусы не могли удерживаться только рукой. В то же время отделение удлиненных ножевидных пластин, требовавшее нанесения удара большой точности, могло осуществляться лишь при устойчивом положении нуклеуса; такое положение могло быть придано ему лишь при закреплении в твердой основе. Очевидно, дополнительная подправка основания и краев играла при закреплении нуклеуса существенную роль. Таким образом, находят объяснение положение и характер обработки (подтеска) крупной кремневой плитки со стоянки Фонтенуа. Узкая, длинная грань на одном из подправленных концов — следы отделения ножевидной пластины — свидетельствует об использовании плитки в качестве нуклеуса¹⁶, о начале его расщепления.

Итак, в результате анализа клиновидных нуклеусов (так называемых нуклеусов-скребков), с привлечением этнографических и археологических параллелей, мы приходим к выводу не только о более широком ареале их распространения и ином, чем считалось некоторыми исследователями, их назначении, но и к постановке в нашей литературе еще более широкого вопроса — о складывавшихся уже в верхнем палеолите приемах закрепления нуклеуса в процессе расщепления.

В этом же аспекте, как бы это ни казалось странным, особо интересны гигантолиты, обнаруженные в Новгород-Северске¹⁷.

¹² G. E. Sellers. Observations on stone-chipping. Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institute for year 1885, part I, Washington, 1886, стр. 874, 875.

¹³ G. E. Sellers. Указ. соч., стр. 882, рис. 6.

¹⁴ W. H. Holmes. Handbook of aboriginal american antiquities, part I. Smithsonian Institute, Bureau of American Ethnology, t. 60, Washington, 1919, стр. 323, 324.

¹⁵ A. D o n i c i. Deux objets exceptionnels provenants d'une station aurignacienne. V Session de l'Institut International d'Anthropologie, Paris, 1953.

¹⁶ По предположению А. Доници и, согласно ему, П. И. Борисковского, эта плитка могла служить наковальней, на которой с помощью отбойника разбивали кости и другие предметы (П. И. Б о р и с к о в с к и й. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 295). Однако при описании предмета автор находки не упоминает о наличии на поверхности выбоин и смятости, которые, несомненно, должны были остаться при таком способе использования. Вряд ли исследователь не обратил бы на них внимания.

¹⁷ Вторая часть статьи М. Э. Паничкиной будет напечатана в следующем выпуске КСИИМК (Ред.).

Д. А. КРАЙНОВ

ДЮННАЯ СТОЯНКА ЗОЛОТОРУЧЬЕ I

За последние годы на верхней Волге открыто большое количество стоянок и мест поселений с находками кремневых изделий и разнообразной керамики (неолитической, фатьяновской, раннедьяковской и более поздней). Судя по коллекциям Ярославского, Калининского, Рыбинского и других верхневолжских музеев, количество этих стоянок достигает значительной цифры, и большинство их не исследовалось специалистами. Следует отметить, что некоторые из вновь открытых поселений и старые места находок содержат разнохарактерный кремневый инвентарь: одни — микролитический¹, другие — макролитический², третьи — смешанный³.

Датировка стоянок и определение их принадлежности к той или иной культуре затрудняются неясностью характера северного мезолита, недостаточной изученностью стоянок раннего и позднего неолита верхней Волги, невыясненностью характера фатьяновских и раннедьяковских поселений. Поэтому исследование новых стоянок приобретает сейчас большое значение для решения проблемы последовательности в смене культур на верхней Волге.

С этой стороны очень интересна стоянка Золоторучье I, на которой обнаружены находки, относящиеся к различным эпохам (мезолит, неолит; фатьяновская, дьяковская и славянская культуры).

Стоянка находится в 3 км от г. Углича и в 0,25 км от с. Золоторучье Угличского района Ярославской области. Расположена она на краю первой надпойменной террасы правого берега Волги. Верх террасы представляет собой песчаную дюну, вытянутую с юга на север вдоль берега реки. Высота дюны над современной меженью р. Волги — 5—6 м (отметка межени — 102)⁴. Дюна начинается к северу от с. Золоторучье, за прудом и так называемым Сухим ручьем. Современное ее протяжение — около 200 м, ширина — 20—40 м⁵; поверхность сильно попорчена ямами, дорогой и развеванием⁶. Еще недавно в северной части дюны были видны

¹ Стоянка Введенский Холм у погоста «Введение» Ярославского района. Раскопки Д. А. Крайнова. Архив ИИМК, фонд 1, № 1020.

² Стоянка Золоторучье III Угличского района Ярославской области. Обследована Д. А. Крайновым. Архив ИИМК, фонд 1, № 1020.

³ Стоянка Золоторучье I, стоянка у Богоявленского ручья и другие в Угличском районе Ярославской области. Архив ИИМК, фонд 1, № 1020.

⁴ До постройки Угличского и Рыбинского гидроузлов отметка межени была равна 92—93 (1935—1937 гг.).

⁵ По рассказам местных жителей, дюна была значительно шире до постройки Угличского и Рыбинского гидроузлов. Во время строительства угличской плотины на дюне брали песок и камни. Благодаря поднятию уровня воды разрушение дюны полыми водами стало интенсивнее. С каждым годом она разрушается более чем на 0,5 м.

⁶ На памяти жителей с. Золоторучье на дюне рос крупный сосновый лес.

курганные насыпи, сейчас они скрыты. На поверхности, в выдувах и в срезе берега встречаются находки разновременной керамики, кремневых изделий и костей человека. Стоянка неоднократно изучалась специалистами, и ее исследование имеет длительную историю.

В 1934 г. здесь вела раскопки экспедиция под руководством О. Н. Бадера. На основании найденных в песке под слоем погребенной почвы кремневых ножевидных пластинок и скребка особой формы О. Н. Бадер датировал стоянку концом свидерской стадии⁷. Позднее здесь вел работы П. Н. Третьяков, отнесший стоянку, по находкам керамики, к позднему неолиту⁸. В 1954 г. Золоторучье I исследовалось нами на средства Ярославского и Угличского краеведческих музеев⁹. Раскопки носили разведочный характер и велись до глубины 0,8 м, так как ниже шел песок без находок. В шурфах, заложенных в разных местах дюны, оказались разнообразные кремневые изделия и керамика различных эпох — славянской, дьяковской, фатьяновской и неолитической; кроме того, обнаружены славянские захоронения с вещами XI—XIII вв.¹⁰, а в южной части дюны — поздние захоронения без вещей¹¹.

В 1955 г. на дюне производились раскопки «курганного» могильника экспедицией ГИМ и Угличского краеведческого музея под руководством М. В. Фехнер¹².

В 1956 г. стоянка вновь исследовалась нами на средства ИИМК и Угличского краеведческого музея при участии студентов Калининского педагогического института. Кроме находок в верхних песчаных слоях дюны, в нижних аллювиально-делювиальных отложениях открыт древний культурный слой, залегающий значительно ниже неолитического. Находки в этом слое и условия залегания позволяют отнести его к мезолитическому времени. Таким образом, за годы исследований на Золоторученской стоянке I обнаружены наслоения, начиная с мезолитического времени и кончая славянским.

Четвертичная история долины Волги изучалась Г. Ф. Мирчинком, давшим, в частности, и описание волжских террас у с. Золоторучье. Стоянка расположена на первой надпойменной террасе (по Г. Ф. Мирчинку — на нижней надпойменной) правого берега Волги. Образование этой террасы Г. Ф. Мирчинк отнес к концу вюрмского времени¹³.

В месте расположения стоянки первая надпойменная терраса сложена из следующих наслоений: 1) вверху — небольшая толща дюнных рыхлых песков, 2) ниже — серовато-коричневатая супесь, 3) под ней — вязкая глина с прослойками песка, 4) ниже — все эти слои подстилает вюрмская морена.

Разрушение верхних слоев террасы славянским курганным могильником, строительством и пр. привело к перемешанности культурных наслоений,

⁷ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки родового общества. Участок Скнятино — Молога. «Археологические работы Академии на новостройках», т. I, ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 151.

⁸ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950, стр. 15; его же. К вопросу об эпипалеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, V, 1940, стр. 102, 103.

⁹ Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Золоторученской стоянки I. Архив ИИМК, фонд 1, № 1020.

¹⁰ Курганные насыпи существовали в северной части дюны до 1937—1939 гг. и потом были скрыты при строительстве Угличского гидроузла.

¹¹ По рассказам местных жителей, здесь в последней четверти XIX в. хоронили пленных турок, живших в с. Золоторучье.

¹² М. В. Фехнер. Отчет о раскопках селища и курганов у с. Золоторучье Угличского района Ярославской области. Архив ИИМК, фонд 1, № 1143.

¹³ Г. Ф. Мирчинк. Четвертичная история долины р. Волги выше Мологи. Труды КИЧП, т. VI, вып. 2, М., 1935, стр. 14.

за исключением нижнего (древнего) слоя. Только в некоторых местах удалось проследить последовательность в чередовании находок¹⁴:

1) вверху, под дерновым слоем и небольшой толщей мелкозернистого желтовато-серого песка — современные находки;

2) в лежащей ниже погребенной почве, состоящей из темного золистого песка¹⁵, — вещи и кострища славянской, дьяковской и фатьяновской культур; мощность слоя погребенной почвы различна — от 0,15 до 0,45 м;

3) ниже — тонкий слой серого песка без находок (от 5 до 15 см);

4) рыжевато-красноватый песок с находками неолитической ямочно-гребенчатой керамики и кремневых изделий (от 0,2 до 0,4 м);

5) серовато-коричневатая супесь (0,5—0,6 м) без находок;

6) слоистая вязкая глина (0,1—0,3 м) с находками мезолитического времени;

7) торфо-болотные глины и супеси — без находок;

8) валунная глина.

Такова стратиграфия первой надпойменной террасы у с. Золоторучье.

Наиболее интересен нижний культурный слой. Для того чтобы датировать его, необходимо кратко остановиться на характеристике верхних наслоений.

Большая часть дюнной стоянки была занята с северной стороны славянским курганным могильником, а с южной — поздним кладбищем. В 1954 и 1956 гг. нами при раскопках встречены 4 полуразрушенных погребения. Насыпей над ними не сохранилось. Погребения залегали на глубине 0,3—0,8 м от современной поверхности. Могильные ямы с трудом прослеживались в слое песка. Судя по остаткам глена от костей и черепов, все погребения были ориентированы головой на запад. Находки немногочисленны: бронзовые височные привески из проволоки, бронзовый перстень из проволоки, спиральная золотая привеска (рис. 22—1), железные ножи с черенком, кованые железные гвозди и костыльки, по-видимому, от скрепления гробов¹⁶. В 1955 г. при раскопках, проводившихся экспедицией ГИМ под руководством М. В. Фехнер, на территории дюны вскрыто несколько погребений, над которыми были заметны остатки курганных насыпей¹⁷. Видимо, здесь был долговременный славянский могильник XI—XIV вв.

Несмотря на перемешанность наслоений дюны, в ряде мест довольно четко наметились следующие горизонты с находками.

Первый горизонт лежал непосредственно под дерновым слоем и тонкой прослойкой песка, а иногда начинался прямо с поверхности благодаря разрушению верхних покровов дюны. Мощность этого горизонта, состоящего из темной золистой погребенной почвы, окраска и насыщенность культурными остатками не везде одинаковы. В местах, где были кострища и остатки очагов, окраска более интенсивная. Находки из первого горизонта относятся к различным историческим периодам — славянской, дьяковской и фатьяновской культурам.

В некоторых местах удалось проследить последовательное залегание вещей указанных периодов. Славянские предметы обнаружены в небольшом количестве. Среди них следует отметить обломки разнообразной глиняной посуды с типичным для славян орнаментом — линейным, волни-

¹⁴ Наши раскопки 1954—1956 гг. не подтверждают точки зрения П. Н. Третьякова о залегании на стоянке одного позднеолитического слоя и заключения О. Н. Бадера о существовании эпипалеолитического слоя под погребенной почвой дюны.

¹⁵ Этот темный золистый слой в некоторых местах стоянки начинался прямо с современной поверхности, а в отдельных местах был разрушен и отсутствовал.

¹⁶ Кованые гвозди встречались во многих местах, что свидетельствует о наличии разрушенных могил.

¹⁷ М. В. Фехнер. Указ. отчет.

стым и пр. и фрагменты сосудов, славянских по форме, но по орнаменту стоящих ближе к позднетьяковским; это сосуды с мелкоточечным, крупноточечным, зубчатым, елочным и другими орнаментами¹⁸. В курганах, раскопанных М. В. Фехнер, также встречались неславянские вещи. Других предметов, за исключением нескольких железных изделий, не найдено. По-видимому, славяне не жили на дюне, а приходили сюда на свой курганный могильник с Золоторученского селища II, расположенного в 150 м ниже по берегу Волги¹⁹.

Находок, относящихся к позднетьяковскому времени, также немного. Встречены отдельные обломки сосудов с сетчатым орнаментом, и, возможно, к этому же времени относятся некоторые кремневые изделия²⁰.

В нижней части слоя погребенной почвы обнаружены кремни и обломки посуды фатьяновского времени. В различных местах дюны собрано 15 фрагментов сосудов с типичным фатьяновским орнаментом (рис. 22—2). Около овальной очага, обнаруженного раскопками 1954 г., вместе с черепками фатьяновской посуды найдены пластинчатый кремневый нож (фатьяновского типа), сечения ножевидных пластинок, скребок, кремневые осколки и пр. Черепки фатьяновских сосудов встречались на дне первого горизонта, поэтому мы можем отнести к фатьяновскому времени все микропластинки и вкладыши из обрубленных пластинок, так как ниже, в неолитическом слое, они отсутствовали. О фатьяновском поселении (или временных становищах) на дюне и Золоторученском селище II свидетельствуют также другие находки: топоровидное орудие из каменной гальки (рис. 22—6), близкое подобному же орудью из Вауловского фатьяновского могильника²¹, и обломки каменных сверленных топоров-молотков²². Раскопки дюнной стоянки дают право сделать вывод о том, что фатьяновская культура бытовала на верхней Волге перед дьяковской и после неолитической. Утверждение о сосуществовании фатьяновской культуры с неолитической культурой ямочно-гребенчатой керамики вряд ли имеет серьезные обоснования.

Второй горизонт залегал в неразрушенных местах стоянки, в слое красновато-рыжевато-го песка ниже погребенной почвы. Неолитические находки встречались с глубины 0,25—0,4 м и продолжались до глубины 0,8 м. В слое обнаружено несколько кострищ овальной формы, длиной около 1 м, шириной 0,7 м и толщиной до 0,18 м. Вокруг кострищ встречены керамика и кремневые изделия.

Среди кремневого инвентаря, найденного в количестве около 1500 экземпляров, преобладают всевозможные осколки и отщепы, сколотые от призматических нуклеусов. Среди орудий — значительное количество всевозможных скребков на округлых осколках и единичные экземпляры — на концах пластинок (рис. 22—3, 4). Резцов немного, сделаны они на углах пластинчатых отщепов. Значительно реже встречаются ножевидные пластинки с краевой ретушью. Одна продолговатая пластинка с ретушью на конце (с брюшка и спинки) могла служить наконечником стрелы (рис. 22—7). В небольшом количестве найдены и полированные

¹⁸ Этот факт очень интересен для суждения о взаимоотношениях славян и местного населения. Следует отметить для Углицкого района ряд мест, где славянские поселения возникли на месте позднетьяковских: селища у Грехова ручья, Игорева ручья, у дер. Васильки, у с. Золоторучье и т. д.

¹⁹ Золоторученское селище II открыто нами в 1954 г. и раскапывалось М. В. Фехнер в 1954—1956 гг. (Архив ИИМК, фонд 1, № 1143).

²⁰ К сожалению, выделить их трудно, так как до сих пор кремневый инвентарь дьяковского времени типологически не изучен.

²¹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, табл. IV, рис. 6.

²² Два таких орудия найдены на Золоторученском селище II. Топор-молоток, по словам местных жителей, обнаружен в срезе берега дюнной стоянки.

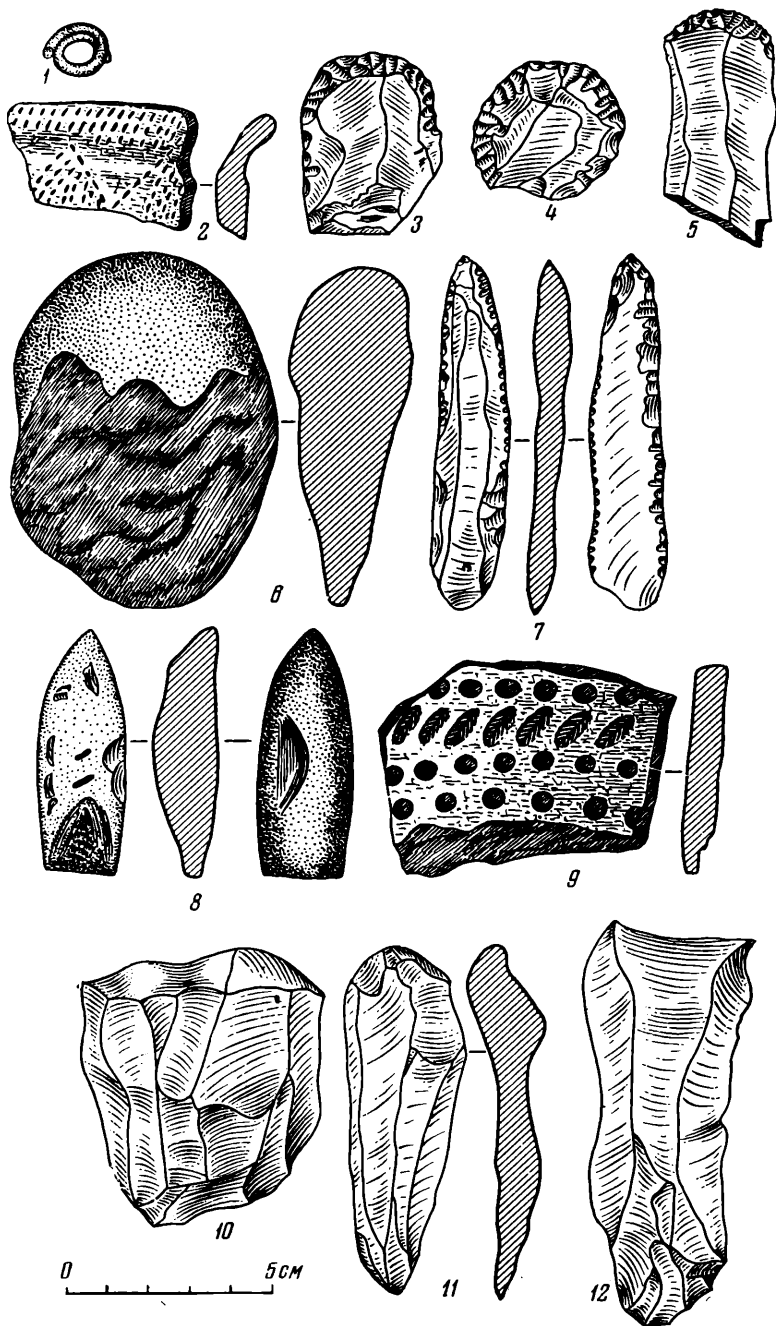

Рис. 22. Находки из разных горизонтов стоянки Золоторучье I.
 1 — золотая привеска; 2, 9 — керамика; 3—5, 7, 10—12 — кремневый инвентарь;
 6, 8 — орудия на камне.

орудия. Из них интересны небольшое полированное желобчатое долото (рис. 22—8) и обломки ножевидных орудий. Не редки находки заготовок топоров, ножевидных орудий и других форм. Довольно большой процент составляют нуклеусы — конические, поддискovidные, плоские и др. Большое количество нуклеусов, их обломков, ретушеров из отработанных нуклеусов, кремневых осколков, каменных отбойников и крупных кусков кремня позволяет сделать вывод о существовании на стоянке мастерской по выработке кремневых орудий.

Обломки сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, найденные в неолитическом слое (рис. 22—9), близки по орнаментике керамике льяловской культуры, датируемой серединой III тысячелетия до н. э.²³ Фрагменты украшены рядами круглых ямок с коническим дном и рядами гребенчатого штампа, образующего елочку. О близости с льяловской неолитической культурой свидетельствуют и находки пикообразных кремневых орудий. Рядом с Золоторученской стоянкой известны еще 2 стоянки с подобной же керамикой: в устье р. Корожечны и, в устье ручья Орлец на левом берегу Волги.

Особый интерес представляют находки, залегающие ниже неолитического слоя с ямочно-гребенчатой керамикой. Этот древний слой впервые обнаружен только в 1956 г. в раскопе II на глубине 1,3—1,7 м, тогда как неолитические находки глубже 0,8 м не встречались. Условия залегания и характер находок свидетельствуют о глубокой древности слоя. В раскопе II на указанной глубине в красновато-бурой вязкой глине ясно обозначились две темные золистые прослойки, идущие параллельно друг над другом. В этих прослойках и между ними на небольшой площади найдены кремневые осколки и орудия, измельченные жженные кости животных и угли.

При зачистке среза берега в разных местах дюнной стоянки также выявлены две параллельные золистые прослойки. В 85 м от раскопа II (зачистка 1) в этих прослойках обнаружены ребра крупного животного. Толщина темных золистых прослоек всюду одинакова: верхней — 3—4 см, нижней — 2—3 см. Расстояние между ними также почти одинаково — от 15 до 20 см. Благодаря зачистке среза берега выяснилось, что прослойки идут, постепенно повышаясь к высокой части дюны, и затем понижаются к северу; это указывает на выпуклый рельеф дневной поверхности древнего слоя.

Места зачистки и раскоп осматривал гидрогеолог Е. Г. Качугин²⁴. По его мнению, эти прослойки и находки в них относятся к глубокой древности, так как они залегают на первой надпойменной террасе под значительной толщей дюны и аллювиально-делювиальных отложений на поверхности тонкого слоя торфо-болотных (озерных) образований, лежащих на валунной глине вюрмского времени. Как указано выше, образование первой надпойменной террасы относится, по Г. Ф. Мирчинку, к концу вюрмского времени.

Характер находок также свидетельствует о глубокой древности слоя. Кремневые изделия отличаются от кремневого инвентаря вышележащего неолитического слоя. Основную массу кремней составляют осколки разных размеров, но преобладают крупные. Есть пластины и отщепы больших размеров, массивные нуклеусы (рис. 22—10—12), приближающиеся к дискovidным, с которых в разных направлениях сняты пластины и отщепы, небольшое количество узких ножевидных пластинок и пр. Среди находок

²³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 47.

²⁴ Начальник гидрогеологической экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского института гидрогеологии и инженерной геологии.

интересен скребок на пластинчатом отщепе (рис. 22 — 5) и боковые резцы на отщепах.

К сожалению, небольшая площадь раскопа и малое количество характерных форм орудий не позволяют еще составить ясное представление о кремневой индустрии, но все же по условиям залегания и находкам этот слой можно отнести к мезолитическому времени.

Кремневые изделия мезолитического слоя стоянки Золоторучье I по своей форме и технике обработки отличаются от кремневого инвентаря таких верхневолжских стоянок, как Скнятино²⁵, Соболево²⁶ и др., отнесенных их исследователями к эпилеолиту на основании главным образом сходства кремневых комплексов с комплексами свидерской культуры.

По условиям залегания золоторученские находки значительно древнее скнятинских и соболевских. По общему облику они близки находкам мезолитических стоянок Швеции и стоянок так называемого «северного мезолита». Подобные же находки на стоянках Золоторучье III, у Бого-явленского ручья, близ дер. Васильки²⁷ и в других местах ставят вопрос об ином характере «северного мезолита», отличающегося от «свидерского» и «южного мезолита».

Решение проблемы «северного мезолита» будет зависеть от дальнейших исследований не только стоянки Золоторучье I, но и в других, уже известных местах.

Таким образом, предварительное изучение дюнной стоянки Золоторучье I уже сейчас позволяет сделать ряд выводов о смене культур на верхней Волге:

1. По форме и орнаментике посуды и погребениям славянского времени можно судить о тесных связях славян с местным позднедьяковским (мерянским) населением и, по-видимому, о быстром их смешении.

2. Устанавливается факт более позднего бытования фатьяновской культуры, не одновременного с неолитической культурой, как это считают некоторые исследователи²⁸, а после нее, о чем можно судить по залеганию фатьяновских вещей выше неолитического слоя.

3. По находкам на дюнах, под погребенной почвой, микролитического инвентаря и наконечников стрел свидерского типа нельзя судить об их эпилеолитическом возрасте; они могут относиться к разному времени, вплоть до фатьяновского.

4. Открытие на Золоторученской дюне мезолитического слоя, лежащего ниже горизонта, относящегося к неолиту, позволяет поставить вопрос об особом характере «северного мезолита», с которым легче увязать генезис неолита лесной полосы Европейской части СССР.

Таковы итоги предварительного изучения Золоторученской дюнной стоянки. Необходимы дальнейшие исследования этого интересного памятника.

²⁵ П. Н. Третьяков. Эпилеолитические поселения...

²⁶ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 146.

²⁷ Д. А. Крайнов. Отчет о предварительных исследованиях археологических памятников в Угличском районе Ярославской области в 1954 г. Архив ИИМК, фонд 1, № 1020.

²⁸ А. Я. Брюсов. Указ. соч.

Н. Н. ГУРИНА

ПОЛОВЧИНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

В Кинешемском районе Ивановской области, на водоразделе между р. Яхрусть и р. Тебза, к юго-востоку от с. Игодово расположена группа сравнительно небольших Игодовских озер. При исследовании берегов одного из них, наиболее крупного — Половчинского, в 1928 г. В. И. Смирнов¹ обнаружил неолитическую стоянку; в 1929 г. здесь проведены рекогносцировочные раскопки. В 1954 г., в связи с работами Горьковской археологической экспедиции, стоянка дополнительно обследована с целью выяснения ее сохранности.

Район расположения памятника — холмистая, пересеченная оврагами и речками местность. Протекающая здесь р. Яхрусть, вытекающая из Половчинского озера, впадает южнее в р. Меру, приток Волги; р. Тебза берет начало в Дубянском озере и впадает в р. Кострому.

Стоянка обнаружена на юго-западном краю болота, окружающего Половчинское озеро, в 4 км к югу от с. Игодово и в 400 м к северо-западу от дер. Камешник, в местечке Поляны. Над уровнем болота, ширина которого здесь около 300 м, стоянка приподнята в наиболее высокой части на 3 м; спуск ее в сторону озера пологий.

Поляны — песчаный, не заболоченный участок, примыкающий западной стороной к долине р. Яхрусть. На севере и востоке к нему прилегают болота, как и окружающая местность, покрытые смешанным лесом и кустарником. Край возвышенности, где расположена стоянка, был древним коренным берегом; он окаймлен грядой крупных валунов, глубоко вросших в почву. Во время обитания здесь древнего человека озеро подходило непосредственно к границам стоянки, о чем свидетельствуют озерные почвы, залегающие местами до глубины 5—6 м².

В Половчинском озере, достигающем в длину 3 км, водится много рыбы³, а леса вокруг до самого последнего времени изобиловали различным зверем.

Площадь стоянки, размером приблизительно 200 кв. м, неоднократно распахивалась, что не могло не отразиться на верхнем горизонте культурного слоя. В. И. Смирнов заложил 4 траншеи метровой ширины⁴. Три из них (II, III и IV) были параллельны друг другу, третья (траншея I) пересекала их в перпендикулярном направлении. Длина траншей равня-

¹ Отчет В. И. Смирнова за 1928 г. Архив ИИМК, Ленингр. отд., фонд 46, д. № 20.

² В 1927 г. Игодовские болота около Половчинского озера были исследованы Центральной торфяной станцией.

³ В. И. Смирнов сообщает, что зимой в 1928 г. под льдом озера в огромном количестве (тысячи пудов) задохлась рыба, которая была прибита массой к берегам.

⁴ За исключением концов траншей I, шириной 0,5 м.

лась: I — 45 м, II — 44 м, III — 36 м, IV — 2 м. Помимо того, с целью выяснить протяженность культурного слоя, в обе стороны от траншей II и III заложено 11 метровых шурфов.

Горьковской экспедицией в 1954 г. на северо-восточном крае поселения, в месте спуска его к болоту, проведены еще 3 траншеи (две параллельные и одна перпендикулярная им) длиной 8,3 и 3 м и шириной 1 м, и разбиты 2 шурфа на расстоянии нескольких метров от концов траншей. Наблюдаемая в них стратиграфия и многочисленные культурные остатки позволили установить, что стоянка еще не разрушена, хотя и очень сильно попорчена современными ямами.

Сообщаемые в настоящей статье сведения о памятнике (топография занимаемой площади, характер культурного слоя и найденных в нем материалов) являются результатом обработки отчета В. И. Смирнова из Архива ЛОИИМК и коллекции, хранящейся в Костромском музее, а также наших наблюдений и материалов, собранных в 1954 г.

Остановимся на стратиграфии стоянки:

1) почвенный слой, местами до 0,3 м, сильно перепаханный, темно-серого цвета;

2) культурный слой — гумусированный темный песок, в верхнем горизонте в большинстве случаев более светлый, с сероватым оттенком, в нижнем — темный;

3) материковый слой — желтая глина; лишь в западном углу поселения сравнительно на небольшом участке ее заменял сероватый крупнозернистый песок.

В верхнем горизонте материка, на границе его с культурным слоем, прослеживались камни средней величины, причем наибольшее количество их сосредоточивалось в западном углу поселения, ближе к р. Яхрусть.

Верхняя граница культурного слоя была очень ровной, что обуславливалось равной глубиной вспашки; нижняя линия его чрезвычайно волниста, хотя глубоких западин в материке не обнаружено. Мощность культурного слоя колебалась от 0,2 до 0,6 м.

Траншеи, заложенные В. И. Смирновым в продольном и поперечном направлениях, позволили оконтурить довольно отчетливо площадь стоянки. Как выяснилось, наибольшей мощности культурный слой достигал на средней части территории, тогда как дальше (участки 1—15, 42—45 траншеи I; участки 20—26, 45—48 траншеи II и шурфы, заложенные в северо-восточном и юго-западном направлениях от концов траншеи II) он становился заметно тоньше и постепенно терял черный цвет, приобретая буроватую или серую окраску.

Шурфы, заложенные в юго-западном направлении от конца траншеи II, показали, что в ближайших из них (шурф *а*) прослойка серого культурного слоя, подстилаемая серовато-глинистым, достигала толщины 10 см. В шурфах, отстоящих дальше от центра стоянки (шурфы *б* и *в*), культурный слой пропадал, и под почвой непосредственно залегал вымытый серый песок.

Степени мощности культурного слоя соответствовала и степень насыщенности его находками, наибольшее количество которых встречено в средней части поселения; к краям его материал становился беднее, а затем исчез.

Исключение составляли лишь шурфы к юго-западу от траншеи II (шурфы *б* и *в*), где, несмотря на отсутствие культурного слоя, встречено довольно много мелких фрагментов керамики, которую следует, однако, считать смытой с края стоянки⁵.

⁵ В этой части край стоянки представляет собой склон к р. Яхрусть.

На отдельных участках культурный слой был нарушен современными небольшими ямами⁶.

Археологический материал, собранный в общей сложности на поселении и позволяющий составить определенное суждение о характере памятника, в подавляющем большинстве состоит из обломков глиняных сосудов и отщепов кремня. В верхнем горизонте культурного слоя в средней части поселения (квадрат 31 траншеи III и на границе участков 1—2 траншеи IV) найдены 2 мелких кусочка сильно патинированных бронзовых или медных предметов.

Каменные орудия, собранные на поселении, изготовлены в основном из кремня, реже — из кремнистого сланца, причем последний, как и на большинстве неолитических поселений, использован для крупных рубящих орудий.

Кремень, употреблявшийся на Половчинской стоянке, — высокого качества, желтого, красновато-коричневого или серого цвета. Основные категории изготовлявшихся из него орудий составляли наконечники стрел и скребки, а также некоторое количество ножевидных пластин с ретушью, использовавшихся в качестве ножей, и проколки. Наконечники стрел немногочисленны (рис. 23—2, 3) и не принадлежат к строго выработанным типам. Ближе всего они к листовидным. Значительно более правильной формы наконечники копий или дротиков (рис. 23—4, 5, 17, 18). Два из них узкие и обработаны с особой тщательностью (рис. 23—18).

Скребки (рис. 23—7—11) различны по очертаниям; преимущественно это уплощенные отщепы с ретушью по одной или — чаще — двум граням. Наиболее правильной формой обладает один скребок подтреугольных очертаний, с крутой ретушью по рабочему краю (рис. 23—11).

Из прочих мелких кремневых орудий следует указать на 2 проколки с плечиками (рис. 23—14, 15). Острие одной из них обработано мелкой ретушью, другой — 3 сколами, направленными под углом друг к другу.

К предметам, которыми производилась работа, следует, по-видимому, отнести два дисковидных кремневых нуклеуса с сильно сработанными краями, свидетельствующими об интенсивном использовании орудия (рис. 23—13), а также значительное количество отщепов кремня с частичной ретушью.

Из орудий, употреблявшихся для работы по дереву, встречены 2 тесла и небольшое долото. Одно из тесел (рис. 23—12), изготовленное из желтовато-коричневого кремня, — желобчатой формы; внешняя поверхность его частично зашлифована, причем с особой тщательностью отделан округлый рабочий край, очень острый. Верхняя половина орудия (ближе к тыльной части), за исключением одного сравнительно узкого зашлифованного участка, обработана мелкими сколами. Два других орудия (тесло и долото, рис. 23—6, 19) сделаны из сланца невысокого качества. Внешняя поверхность их слегка пришлифована.

Следует упомянуть также часть сланцевого зубчатого штампа, служившего для орнаментации керамики; он полукруглой формы, с нарезками по внешнему краю (рис. 23—16). Отметим и небольшое (2 см в диаметре), прекрасно отшлифованное сланцевое колечко (рис. 23—1), употреблявшееся, вероятно, в качестве украшения.

Керамика поселения неоднородна. Ее можно разделить на три численно неравные группы: 1) типичную ямочно-гребенчатую, 2) толстостенную с растительной примесью в тесте и 3) фрагменты с отпечатками ткани (единичные).

Основную массу находок, бесспорно, составляют фрагменты сосудов, относящихся к типичной ямочно-гребенчатой керамике лесной полосы

⁶ Местные жители выбирают здесь землю на свои огороды.

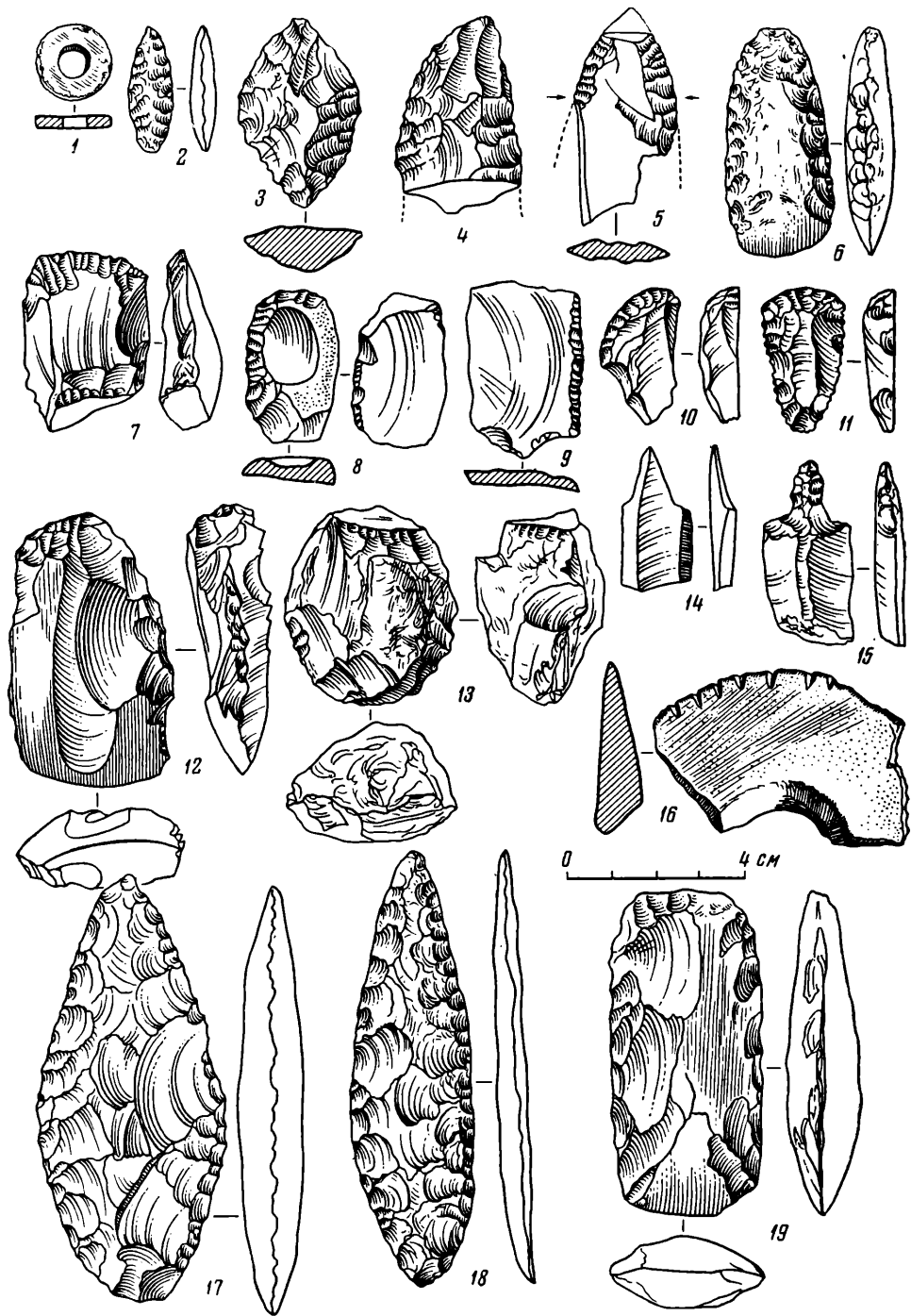

Рис. 23. Половчинская стоянка. Кремневые и сланцевые изделия.

1 — сланцевое шлифованное колечко; 2, 3 — кремневые наконечники стрел; 4, 5, 17, 18 — наконечники дротиков; 6 — сланцевое тесло; 7—11 — кремневые скребки; 12 — кремневое тесло; 13 — дисковидный вукалеус; 14, 15 — проколки; 16 — сланцевый штамп для орнаментировки керамики; 19 — сланцевое долото.

Европейской части СССР. Это обломки крупных, сравнительно толстостенных сосудов конической формы, с прямым краем, лишь слегка утолщенным и слабо скошенным внутрь. Примесью к глине служит кварцитовый песок, введенный в умеренном количестве. Обжиг сильный (не менее 500—600°).

Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, не оставляя свободного поля. Распределение его строго зональное. Составными элементами служат круглые, чаще правильной конической формы, ямки, отпечатки гребчатого штампа, оттиски шнура и полулунные вдавления. Узор, составленный из них, несложен. Он представляет собой строгое чередование горизонтальных полос, образованных оттисками различного штампа (ямками, шнуром или гребенкой). Однако на всех сосудах основой орнамента служат ямки, а все другие элементы дополняют узор, уничтожая неизбежное в противном случае однообразие. Сосудов, украшенных только ямками, хотя бы без незначительного добавления других элементов орнамента, видимо, не встречается, однако численно черепки с ямочным орнаментом явно преобладают (рис. 24—1). Сравнительно в редких случаях форма ямок приближается к четырехугольнику (рис. 24—2). Выделяется известное количество сосудов, орнаментированных редкими ямками, иногда собранными в полосы, перемежающиеся с пустым, не заполненным пространством (рис. 24—3, 4); в этом случае ямки нередко имеют форму вытянутого овала (рис. 24—5).

Весьма часто встречается сочетание горизонтальных полос из конических ямок, отделенных друг от друга узкими (одной или несколькими) горизонтальными полосами из оттисков перевитого шнура или отпечатков гребчатого штампа (рис. 24—7—9). Не менее распространен узор из горизонтальных полос ямок и оттисков косо поставленной гребенки, в свою очередь образующих горизонтальные полосы (рис. 24—6, 10).

К мало распространенным орнаментам, украшающим ямочно-гребчатую керамику неолитических стоянок лесной полосы Европейской части СССР, относится узор из круглых ямок, чередующихся с полосами (одной или несколькими) полулунных вдавлений (называемых часто ногтевым орнаментом; рис. 24—11, 12) и ямок, как бы вписанных в клетки из гребчатого штампа (рис. 24—13). Эти узоры, в силу известной оригинальности, — наиболее существенный признак при сопоставлении памятников.

Вторую, наименьшую по численности группу составляют сосуды, изготовленные из глиняной массы с органической примесью, выгоревшей при обжиге и оставившей пустоты. Толщина стенок этих сосудов — до 1,5 см; край сильно утолщен (более 2 см) и почти всегда резко загнут внутрь, днище, насколько удастся проследить по отдельным экземплярам, — плоское; обжиг менее сильный.

Орнамент, по сравнению с предшествующей группой сосудов, поверхностный; четкая зональность отсутствует. Неправильной формы ямки, крупная или очень тонкая гребенка, оттиски перевитого шнура и нарезки размещены без особого порядка. По общему характеру эти сосуды близки керамике волосовского типа.

Третью группу составляют сосуды с отпечатками ткани. Они представлены единичными фрагментами. Малое их количество и вызвало утверждение В. И. Смирнова о том, что текстильная керамика на Половчинской стоянке отсутствует⁷.

Рассматривая материал стоянки, и главным образом керамику, нельзя не прийти к выводу о близком сходстве его с материалом памятников соседних областей — Костромской низины и побережья Чухломского озера.

⁷ Указанный отчет В. И. Смирнова, стр. 6.

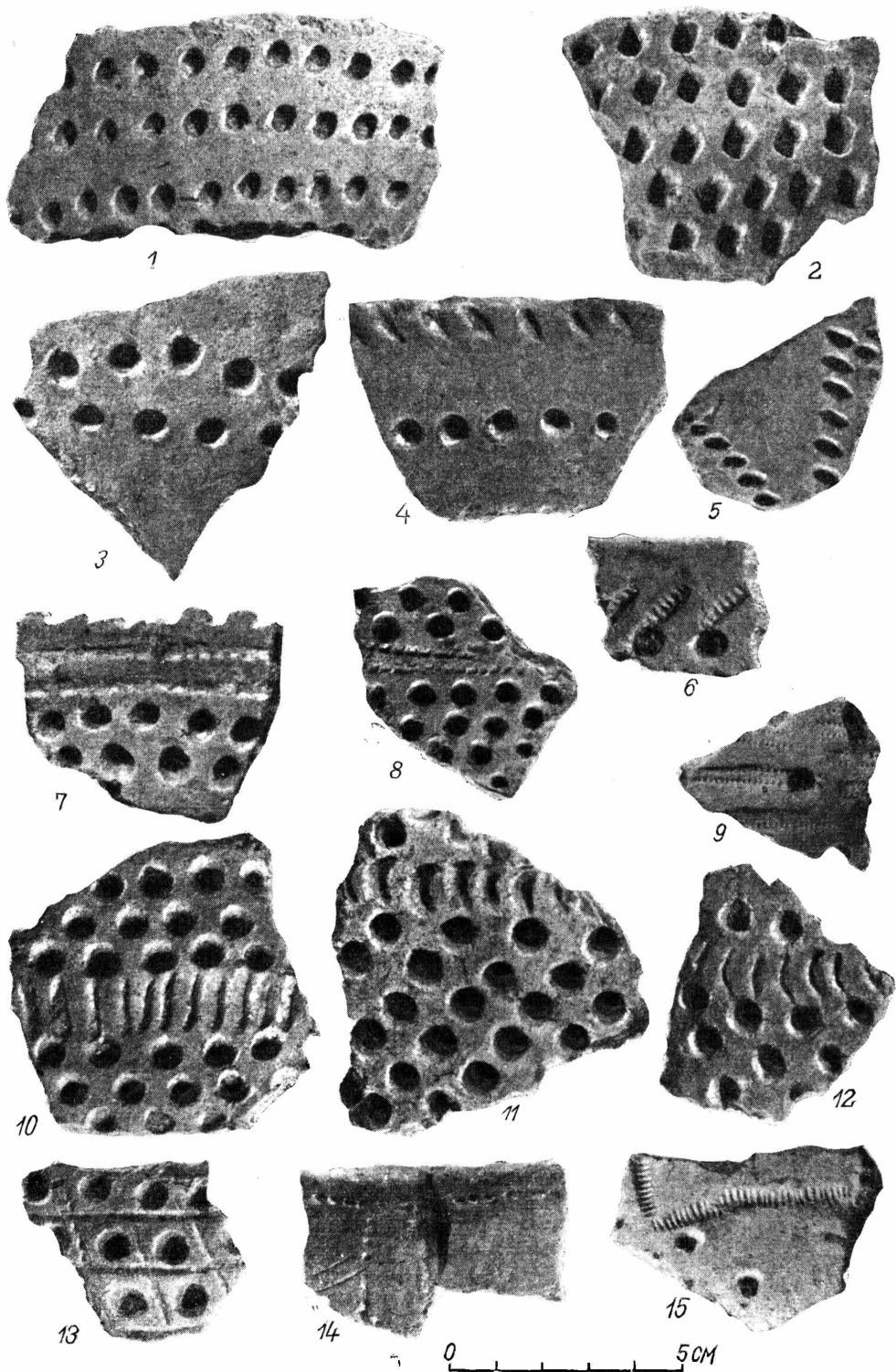

Рис. 24. Половчинская стоянка. Обломки сосудов.
 1-13 — ямочно-гребенчатого типа; 14, 15 — волосовского типа.

Прежде всего следует назвать поселение Борань и Федоровскую стоянку. Общими чертами являются не только наличие на всех поселениях нескольких комплексов керамики (ямочно-гребенчатой, волосовского типа и сетчатой), но и удивительное сходство ее. Особенно это относится к неолитическому комплексу, несомненно, основному на всех названных памятниках.

В комплексах неолитической керамики замечается полное совпадение в составе глиняного теста, форме и размере сосудов и в их орнаментации. Существенно при этом то обстоятельство, что совпадение прослеживается в наиболее оригинальных видах орнамента: сочетании ямок с полулунными вдавлениями и сеткой, нанесенной гребенчатым штампом, — узоров, столь характерных для неолитического слоя Борани и Федоровской стоянки и вместе с тем вовсе или почти не встречающихся на других неолитических поселениях лесной полосы Европейской части СССР. Значительную близость можно отметить и при сравнении более поздних комплексов этих стоянок.

Сходство указанных памятников, проявляющееся в наличии разновременных комплексов, отражающих смену определенных фаз развития материальной культуры общества, свидетельствует об единстве исторического процесса, происходившего на данной территории, об определенной общности экономики и родстве живших здесь племен в эпоху неолита и раннего металла.

Как мы уже упоминали, во время существования Половчинского поселка озеро подходило вплотную к нему, на что указывает отчетливо сохранившийся древний береговой вал, оконтуренный рядом камней. Судя по обширной площади распространения культурного слоя, здесь был постоянный, существовавший длительное время поселок рыбаков и охотников. «Поляны» привлекали к себе первобытных людей высоким, а следовательно, сухим берегом, близостью озера, изобиловавшего рыбой, и соседством леса, богатого разным зверем.

Поселившись здесь, по-видимому, в конце неолитической эпохи, люди остались жить и в последующее время — в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют керамика позднего волосовского типа и кусочки бронзы, найденные на стоянке. В более же поздний период — эпоху раннего железа — местечко Поляны, по всей вероятности, лишь изредка посещалось древними рыбаками, оставившими обломки сосудов с оттисками ткани.

Изучение материала стоянки, в связи с целым рядом других памятников должно помочь выяснению еще не решенных вопросов, в частности о взаимоотношении племен, оставивших после себя различные археологические комплексы, строго повторяющиеся на многих памятниках (поздне-неолитический, волосовский, фатьяновский и раннетекстильный). Это будет возможно лишь после исчерпывающего полевого исследования, которое необходимо произвести в ближайшее время во избежание полной гибели стоянки.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА «ПРИКОЛ» НА ОЗЕРЕ ПИРОС

Озеро Пирос, расположенное в 14 км к югу от г. Боровичей Новгородской области, входит в систему Валдайских озер. Оно соединяется р. Валдайкой с озером Валдаем и р. Березаем с озером Кафтино. Берега его, покрытые густым хвойным лесом, извилисты, особенно в юго-восточной части, где много узких длинных заливов и глубоко вдающихся мысов.

Озеро Пирос является водохранилищем, входящим в Мариинскую систему. Благодаря шлюзам на р. Березае вода в озере стоит всегда выше своего естественного уровня, и берега, подвергаясь размыву, сравнительно быстро меняют очертания. Озеро издавна привлекало внимание археологов и любителей древностей. Одним из первых на его берегах собрал коллекцию каменных орудий и керамики неолитического времени Н. К. Рерих, который, совместно с П. А. Путягиным, провел и небольшие раскопки неолитических стоянок. Впоследствии в течение 10 лет местные жители послали ему в Петербург богатейшие коллекции, собранные ими с неолитических стоянок озера Пирос и соседних озер.

В коллекции каменного инвентаря — сотни прекрасно обработанных кремневых орудий: наконечников стрел и копий различных типов, разнообразных скребков и скребел, ножей, топоров и долот в разной степени обработки, фигурный кремень, изделия из сланца. Особую коллекцию составляют тысячи фрагментов керамики¹.

Этот богатейший материал описан Н. К. Рерихом очень скупо и недостаточно грамотно в научном отношении, как констатировал П. П. Ефименко. К тому же материал издан без иллюстраций. Известный интерес представляет лишь сравнение автором найденных им топоров и долот с орудиями из Спиенны².

В 1911 г. озеро Пирос, в числе других Валдайских озер, посетил П. П. Ефименко. Собрав интересную коллекцию кремневых орудий, он отметил наличие своеобразных форм кремневого инвентаря: крупные грубо обработанные орудия весьма архаического облика, получившие впоследствии в литературе название «макролитов».

Ставя вопрос о том, является ли этот комплекс более древним в сравнении с другими типами каменных орудий валдайских стоянок, или он составляет «местную особенность валдайской неолитической культуры», П. П. Ефименко считал более правильным выделить его и датировать

¹ Все коллекции Н. К. Рериха хранятся в Государственном Эрмитаже.

² Н. К. Р е р и х. Каменный век на озере Пирос. ЗОРСА, VII, вып. СПб., 1905, стр. 160—170.

ранненеолитическим временем, соответствующим эпохе кампиньи в Западной Европе³.

Таким образом, своеобразные черты каменного инвентаря неолитических валдайских стоянок отмечены уже давно, но вопросы, связанные с находками макролитов в районе Валдайской возвышенности, до сих пор окончательного разрешения не получили.

При обследовании озера Пирос в 1948 г. выяснилось, что основная масса стоянок, занимавшая юго-восточное побережье, полностью уничтожена предшествующими сборами. Сохранилось лишь одно местонахождение на первой надпойменной террасе северо-восточного берега узкого длинного залива, носящего название «Прикол»⁴ и расположенного в юго-восточной части озера. Остатки поселения занимают около 500 кв. м; культурный слой распространяется на 120 м узкой длинной полосой вдоль берега и заходит в глубь террасы только на 3—4 м.

В культурном слое уцелели остатки двух больших очагов — овальные углубления, вытянутые с востока на запад, вдоль линии берега. Один из них имел в длину 1,55 м при ширине сохранившейся части 0,45 м; глубина достигала 0,8 м. Заполнение состояло из зольной массы, мелких и крупных угольков и нескольких обожженных камней в основании очага.

Второй очаг — длиной 1,2 м при ширине сохранившейся части 0,3 м. Заполнение его также состояло из зольной массы, содержавшей несколько пережженных камней и угольков, ниже которой шел слой красного пережженного песка в 10 см. Наличие больших очагов, размеры и конфигурация площади культурного слоя свидетельствуют о том, что сохранилась лишь незначительная часть некогда большого поселения⁵.

Разведочными раскопами вскрыто около 30 кв. м. Культурный слой мощностью 0,3—0,35 м залегал непосредственно под дерном. Он резко выделялся темно-серым цветом от нижележащего материкового песка. Основную массу находок составляли фрагменты керамики; кроме того, в слое найдены кремневые орудия.

Керамика представлена преимущественно обломками стенок сосудов и единичными венчиками; днища и придонные части отсутствуют; целиком восстановить форму и размеры сосудов не удается. Можно лишь отметить разнообразие форм верхнего края — прямого, слегка загнутого внутрь, отогнутого наружу, с резко выделенным венчиком. Керамика — вся тонкостенная, толщина стенок — 5—7 мм. Единственным видом примеси в тесте является дресва, добавленная к глине в значительном количестве. Обжиг хороший; черепки плотные, крепкие, хорошей сохранности. С внутренней стороны черепков можно наблюдать тонкие параллельные штрихи, нанесенные в различных направлениях, — следы заглаживания травой, соломой или тонкими прутиками.

Вся керамика орнаментирована. Преобладают узоры, нанесенные штампом различной формы. Одно из первых мест занимает гребенчатый орнамент; встречаются елочный орнамент, нарезки и прочерчивание.

Узоры, нанесенные штампом, составляют композиции из горизонтальных и наклонных линий в сочетании с пространством незаполненного поля. Часто применялся двойной штамп с перемычкой, овальной или подчетырехугольной формы (рис. 25 — 1—3). На некоторых фрагментах в углублениях видна ступенчатость, отражающая ступенчатые срезы на конце

³ П. П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий Тверской и Новгородской губерний и их место в системе европейской палеоантропологии. Русский антропологический журнал, т. 10, кн. 37—38, 1916, стр. 66—82.

⁴ Судя по карте, опубликованной Н. К. Рерихом, берега залива Прикол не подвергались его обследованию.

⁵ В 1956 г. поселение Прикол было уже полностью размыто; культурного слоя здесь не оказалось.

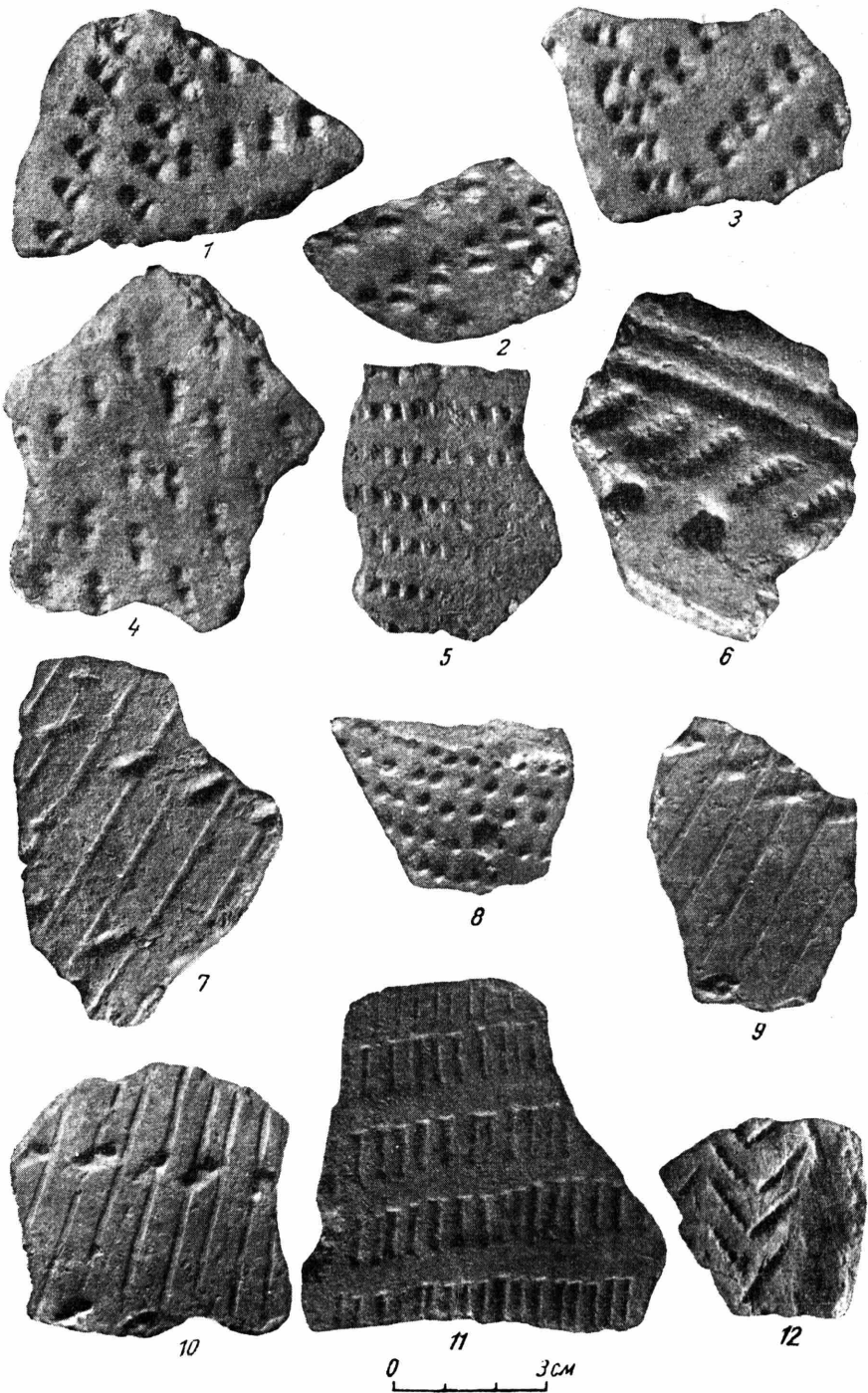

Рис. 25. Керамика со стоянки Прикол.
1—12 — различные варианты орнамента.

инструмента, которым наносился орнамент. Аналогичным штампом делались отпечатки, не составляющие сложных узоров (рис. 25—4).

В большую группу объединяются обломки сосудов с гребенчатым орнаментом. Для нанесения его применяли различный штамп. Преобладает короткий, в 7—8 крупных зубцов подчетыреугольной формы. Несколько сланцевых штампов с аналогичными крупными зубцами есть в коллекции Н. К. Рериха. Отмечены также отпечатки мелкого штампа с удлиненными зубцами и совсем миниатюрного; они составляют либо елочный узор, либо ряды прямых и наклонных линий. Иногда гребенчатый орнамент сочетается с узором, нанесенным иной формы штампом (рис. 25—6).

Небольшая группа фрагментов украшена ямочным орнаментом. Неглубокие ямки овальной формы соединены в горизонтальные ряды (рис. 25—8) или же беспорядочно разбросаны. Крупная глубокая ямка, округлая в плане и конусообразная в сечении, преобладающая в орнаменте керамики раннеэнеолитического времени, отсутствует. Наименьшую группу составляют фрагменты с прочерченным и нарезным орнаментом: Прочерченный орнамент представляет собой неглубоко вдавленные вертикальные линии, расположенные на расстоянии 0,8—1 см одна от другой, в сочетании с редкими, нанесенными в горизонтальном направлении отпечатками двойного овального штампа с перемычкой (рис. 25—7, 9, 10). Короткими вертикальными насечками, близко поставленными друг к другу, образованы горизонтальные ряды (рис. 25—11).

Подобная орнаментация встречается на керамике, собранной П. П. Ефименко, где также преобладает разнообразный штамп (рис. 26—1—5). Прочерченный орнамент тождествен⁶.

Ближайшей аналогией пиросской керамике может служить керамика с неолитических стоянок окрестностей озера Пудоро — одного из наиболее густо заселенных в неолитическое время валдайских приозерных мест. Сходство прослеживается в составе теста и способах изготовления — и там, и тут добавлялась значительная примесь дресвы; преобладают тонкостенные сосуды хорошего обжига. Но наибольшее сходство составляют почти тождественные композиции узоров, нанесенных своеобразным штампом и не встречающихся за пределами валдайских неолитических стоянок⁷. Аналогичный орнамент известен и по керамике Бологовской стоянки⁸. Те же элементы орнамента прослеживаются на фрагментах сосудов, собранных на берегах Валдайских озер — Тубос, Верхнее и Нижнее Кафтино, Лабынец⁹.

Можно, таким образом, сказать, что для стоянок Валдайского Приозерья намечаются общие, локальные черты в приемах орнаментации посуды, выделяющие эту группу поселений из окружающих ее групп.

Среди собранных кремневых орудий — топоры и долота, наконечники стрел и копий, скребки, ножи.

Топоры и долота изготовлены из удлиненных желваков, овальных в сечении, обработанных крупными сколами и обивкой. Тыльная часть несколько сужена. Приостренные лезвия слегка закруглены; на одном экземпляре намечена долотовидная выемка (рис. 27—4, 6). Подобные типы орудий есть в собраниях П. П. Ефименко, и особенно многочисленны они в коллекциях Н. К. Рериха. Там, среди сотен макролитических орудий, — множество топоров и долот, различающихся по величине, форме и

⁶ Коллекция Государственного Эрмитажа, № 320.

⁷ Л. Я. Крижевская. Неолитические стоянки окрестностей с. Алексеевского Вышневолоцкого района. СА, XII, 1950, стр. 239—241, рис. 10.

⁸ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, V, 1903, табл. XXXV, XXXVIII—XLI.

⁹ Сборы П. П. Ефименко и Н. И. Гумилевского хранятся в Государственном Эрмитаже.

степени обработки: крупные (длина — 12—14 см) и небольшие (длина — 7—8 см), узкие и широкие, с прямыми и расширяющимися боковыми сторонами, с прямым, выемчатым и выпуклым лезвием, с симметричным и

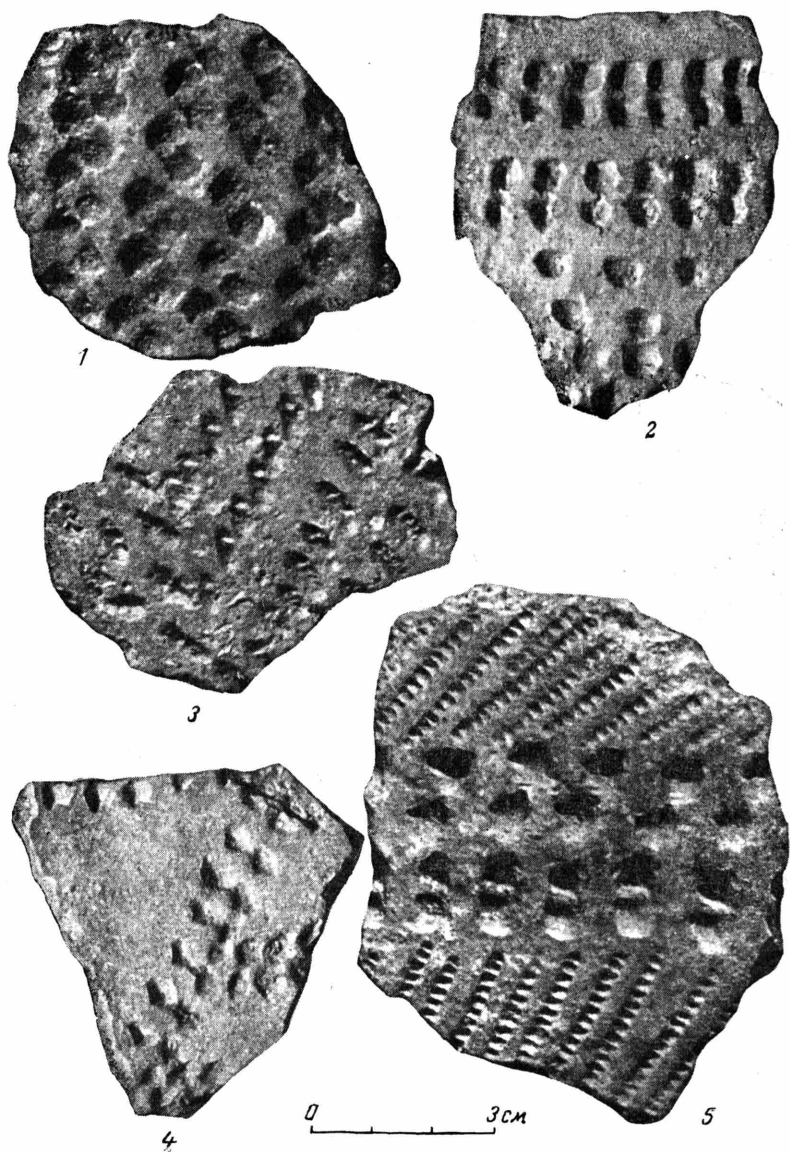

Рис. 26. Керамика со стоянки у озера Пирос.

1—5 — сборы П. П. Ефименко.

асимметричным продольным профилем. Некоторые экземпляры сходны до идентичности с найденными при раскопках стоянки Прикол.

Все они могут быть разделены на группы по различной степени обработки. Наиболее грубо обитые напоминают заготовки или примитивные топоры типа кампиньенского *ris*. Другие обработаны настолько тщательно, насколько позволяли наиболее совершенные приемы техники скальвания и отжима. Шлифованные кремневые топоры отсутствуют.

Наконечники стрел — довольно крупных размеров, листовидной формы (рис. 27 — 3). Они тщательно обработаны тонкой двусторонней отжимной ретушью. Наконечники подобной формы имеются в коллекциях старых сборов с озера Пирос и на других стоянках Валдайского Приозерья.

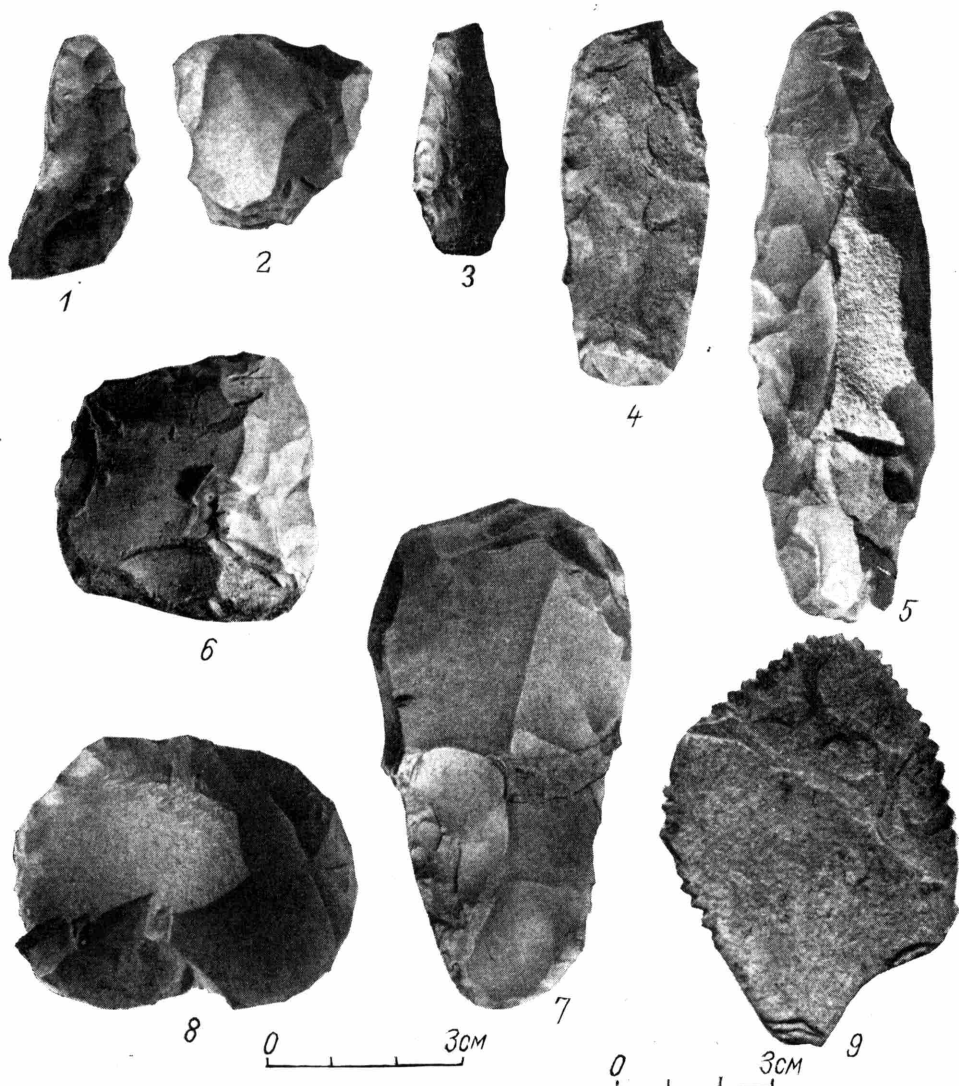

Рис. 27. Кремневые орудия со стоянки Прикол и сланцевый штамп.

1—8 — кремневые орудия; 9 — штамп для орнаментирования керамики (из коллекции Н. К. Рериха).

Однако всюду они составляют наименьшую группу. В коллекциях П. П. Ефименко и Н. К. Рериха резко преобладают черешковые формы наконечников стрел, более распространенные на валдайских стоянках. Среди них в значительном количестве есть наконечники сейминского типа.

Наконечники копий представлены экземплярами, не законченными обработкой. Они подвергнуты грубой обивке, придающей орудию лишь общие очертания и слегка заостряющей рабочую часть (рис. 27 — 5).

В коллекции Н. К. Рериха среди сотен великолепно обработанных наконечников копий имеются заготовки их, аналогичные найденным нами.

Скребки встречены лишь одного типа — концевые на отщепе, с широким плоским лезвием (рис. 27 — 2). Массивное скребло с округлым лезвием (рис. 27 — 8) находит аналогии в предшествующих сборах с различных стоянок Валдайского Приозерья. Следует упомянуть также ножи из ножевидных пластинок и двусторонне обработанный нож (рис. 27 — 1).

Таким образом, на стоянке Прикол, вместе с обычным неолитическим кремневым инвентарем и керамикой, найдены орудия макролитических форм, представляющие собой грубо обработанные топоры и долота.

Время существования стоянки следует определить серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. Основанием для этой даты служит керамика, несущая все черты позднеолитической (тонкостенность, профилировка края, зональность и сложность орнаментального узора) и сближающаяся с керамикой других позднеолитических стоянок Валдайского Приозерья.

За последнее время накопился большой материал, свидетельствующий о несомненной принадлежности грубо обработанных топоров, тесел и долот, имеющих облик раннеолитических орудий, к стоянкам позднеолитического времени, расположенных на территории современных Новгородской и Калининской областей. В этой связи нужно указать в первую очередь на раскопки О. Н. Бадера на Петровских озерах¹⁰, на обследование бассейна р. Мсты, проведенное Н. Н. Гуриной¹¹, на обследование неолитических стоянок Вышневолоцкого района автором¹². В этом же плане интересны разведочные раскопки на озере Пирос. Наличие макролитических форм орудий в культурном слое показывает, что нет оснований для типологического выделения подобных орудий в особый, более ранний комплекс. Орудия этого типа составляют своеобразие валдайской группы стоянок и стоянок смежного района Верхнего Поволжья.

В тот период, когда в близких районах широко входят в употребление шлифованные топоры из сланца (Карелия, Ярославская и Костромская области, бассейн р. Оки), население Валдайского Приозерья и прилегающего участка Верхнего Поволжья продолжает изготавливать орудия для обработки дерева из кремня, трудно поддающегося шлифовке, техникой скалывания и отжима. Причину этого явления можно видеть в изобилии кремня и легкости его получения. Известно, что Валдайская возвышенность изобилует валунным кремнем¹³, а известняки Верхнего Поволжья, в районе Ржева и Старицы, — выходами высококачественного плитчатого кремня¹⁴. Орудия подвергались поверхностной обработке — лишь настолько, насколько это требовалось для их использования.

Грубо обитый топор был гораздо менее эффективен, поэтому, естественно, скорее приходил в негодность и отбрасывался. Этим, очевидно, объясняется обилие находок. В таком числе грубо обработанные топоры за пределами валдайских стоянок встречаются только в специальных мастерских для их изготовления, типа Спиенны в Бельгии, Сисбури в Англии, Старицы в Верхнем Поволжье и других.

Шлифованные топоры никогда не встречаются в таком количестве. Они могли дольше употребляться и изготавливались, видимо, в меньшем числе, ибо труд на их шлифовку во много раз превосходит труд, затраченный на обивку.

¹⁰ О. Н. Бадер. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, № 13, 1950, стр. 26—54.

¹¹ Н. Н. Гурина. Результаты археологического обследования среднего течения р. Мсты. СА, XIII, 1950, стр. 292—295, табл. 1.

¹² Л. Я. Крижевская. Указ. соч.

¹³ Н. Н. Соколов. Рельеф Валдайской возвышенности. Труды Географического отд. КЕПС, вып. 2, Л., 1930.

¹⁴ А. Треплин. Тверская губерния как база материалов жилищного строительства. «Тверской край», № 3, 1928, стр. 59.

Нельзя отрицать, однако, возможность существования на данной территории более ранней культуры с макролитическим инвентарем. Правда, до сих пор не известно ни одного памятника, который позволил бы дать ее характеристику. Однако, изданное П. П. Ефименко¹⁵ «ручное рубило», безусловно, не имеет никакого отношения к позднеолитическим топорам; оно единственное в своем роде и остается сигналом для поисков памятников более раннего времени.

Само употребление термина «макролиты» внесло в русскую археологическую литературу много неясного. Одни исследователи применяют его для обозначения определенного исторического периода¹⁶, другие подчеркивают им примитивный характер приемов обработки, третьи под макролитами подразумевают только западноевропейские формы орудий *pic* и *tranchet*¹⁷; наконец, с этим же термином связывается представление о крупных оригинальных орудиях из коллекций, собранных Кандыбой и Романченко с берегов Верхнего Поволжья.

Западноевропейских резачков *tranchet* со своеобразной формой лезвия, с которыми связано первоначальное употребление термина «макролиты», на территории северо-запада нашей страны нет. Это в свое время отмечено еще П. П. Ефименко¹⁸. Даже если в дальнейшем на Валдае будут обнаружены памятники эпохи кьёккемёддингов и кампиньи, вряд ли формы орудий будут в точности повторять западноевропейские. Поэтому и сам термин «макролиты» следует применять с большей осторожностью.

¹⁵ П. П. Ефименко. Указ. соч.

¹⁶ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, I. Л., 1939, стр. 281—284.

¹⁷ П. Н. Третьяков. Из истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 97.

¹⁸ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 72.

А. А. ФОРМОЗОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОДЪЕМНОГО МАТЕРИАЛА С ДЮННЫХ
СТОЯНОК В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В археологических фондах наших центральных и краеведческих музеев, как правило, большое место занимает подъемный материал, собранный на развееваемых дюнах. Обычно этот материал стоит по количеству на втором месте после раскопчного, а в ряде случаев — даже на первом. При систематических археологических разведках, экскурсиях краеведов, геологических обследованиях в котловинах выдувания среди песчаных массивов можно собрать огромные археологические коллекции, главным образом по эпохе неолита и бронзы.

Материал этот в той или иной связи используется в археологических исследованиях, но обычно в очень ограниченной степени. Вызвано это тем, что на дюнах часто встречаются смешанные находки разного времени, которые не всегда удается разделить на хронологические группы. Иногда можно счесть одновременными предметы, в действительности относящиеся к разным эпохам, что приведет, естественно, к ошибочным выводам. Из-за этого археологи, однако, не могут отказаться от использования собранного на дюнных стоянках коллекций, которые составляют значительную часть наших материалов по неолиту и бронзе.

Сборы на дюнах служат для многих районов единственными источниками, характеризующими определенный этап истории. Так, только подъемным материалом мы можем характеризовать неолит Енисея и, если мы о нем почти не знаем, то это объясняется пренебрежением исследователей к подъемному материалу. Для всей лесной полосы РСФСР памятники эпохи мезолита известны только по сборам на дюнах; для Казахстана только подъемный материал с дюнных стоянок характеризует эпоху неолита и энеолита; для Нижнего Поволжья только такими материалами представлены поселения эпохи энеолита и ранней бронзы и т. д.

Понятно поэтому появление в последние годы серии публикаций подъемного материала с дюнных стоянок Центральной России (М. В. Воеводский, К. М. Поликарпович, М. Э. Паничкина), Нижнего Поволжья (Т. М. Минаева, И. В. Синецын), Средней Азии (С. П. Толстов), Казахстана (А. А. Формозов, А. Х. Маргулан) и т. д. Авторы некоторых из этих публикаций не ограничились изданием находок, но сделали на основании их и ряд достаточно далеко идущих выводов. Примером могут служить работы М. В. Воеводского по мезолиту центра Европейской части

СССР¹, С. П. Толстова — по неолиту Узбоя², А. А. Формозова — по энеолиту Казахстана³.

В литературе не замедлила появиться критика этих работ. П. П. Ефименко, разбирая положения М. В. Воеводского⁴, а В. Н. Чернецов — выводы А. А. Формозова⁵, писали, что, поскольку подъемный материал дает обычно смешанные комплексы, нельзя использовать сборы на дюнах для исторических выводов.

В связи с этими критическими замечаниями и с тем, что работы, основанные на подъемных материалах, продолжают появляться, необходимо остановиться на методике использования сборов на дюнных стоянках в археологических исследованиях. По нашему мнению, трудности в использовании этого материала должны привести не к отказу от его изучения, а к большей методической точности.

Необходимо отметить, что наши замечания касаются в известной мере и методики использования материалов из раскопок на дюнах. В рыхлом песчаном грунте нередко разновременные предметы перемешиваются так, что даже при раскопках приходится решать сплошь и рядом те же вопросы о возможности использования находок, что и по отношению к подъемному материалу⁶.

Наши замечания основаны на опыте обследования дюнных стоянок Казахстана, Нижнего Поволжья и Украины и обработки разнообразных коллекций из сборов на дюнах. Прежде всего необходимо отметить, что подъемный материал с дюнных стоянок, если он достаточно многочислен, если в нашем распоряжении десятки стоянок и сотни предметов, позволяет составить общее представление об облике материальной культуры древнего населения данного района. Основные на подъемном материале выводы о последовательности развития типов орудий и керамики при проверке раскопками могут сильно измениться, но общее представление о том, какие формы изделий характерны для района, а какие нет, — обычно остается неизменным. Хорошей иллюстрацией этого положения служат материалы по неолиту Северного Донца. В течение 20-х годов на дюнах Среднего Донца Н. В. Сибилев собрал огромные коллекции каменных орудий и керамики. Обработывал их П. П. Ефименко и пришел к выводу, что часть находок Н. В. Сибилева относится к мезолиту, для которого типичен микролитический инвентарь, а часть — к неолиту, характеризующемуся макролитическими формами⁷.

В 1950—1952 гг. на ряде стоянок Средней Донеччины провели раскопки Д. Я. Телегин и И. Ф. Левицкий. Раскопки изменили наши представления о последовательности развития кремневого инвентаря в этом районе. Оказалось, что микролитические и макролитические орудия бытуют одновременно в неолитическую эпоху. Периодизация стоянок Донеччины, выработанная П. П. Ефименко, оказалась ошибочной, но данная им общая характеристика культуры каменного века Донца осталась неизменной.

Анализ сборов Н. В. Сибилева позволял говорить, что для каменного века Донца характерны трапециевидные геометрические орудия, мало ха-

¹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

² С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. СА, XIX, 1954, стр. 244, 245.

³ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 638.

⁵ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 56.

⁶ Ср. А. Я. Брясов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, 1953, стр. 23.

⁷ П. П. Ефименко. Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма. «Старовинності Ізюмщини», вып. III, Изюм, 1928.

рактерны наконечники стрел из пластинок, очень типичны топоровидные орудия, напоминающие пики и транше, и совсем необычны распространенные на северо-западе Русской равнины треугольные геометрические орудия⁸. В материалах из раскопок Д. Я. Телегина мы находим то же соотношение: много трапеций и орудий типа pic и trapchet, нет треугольников и наконечников стрел из пластинок. На основании сборов Н. В. Сибилева можно было говорить, что для неолита Донеччины характерна керамика с гребенчатой орнаментацией, изредка встречается ямочная керамика и совсем нет расписной. Те же соотношения мы находим в материалах из раскопок⁹.

Итак, при большом количестве материалов из сборов на дюнах можно дать общую характеристику культуры района. Поэтому, если мы в многочисленных сборах на стоянках Западного Казахстана не находим керамики с ямчатым и ложнотекстильным орнаментом, то очень мала вероятность найти такую керамику при раскопках. Подобным же образом отсутствие в огромных сборах на Семипалатинских дюнах керамики с орнаментом из заштрихованных зон и асимметричных наконечников стрел из пластинок свидетельствует о том, что для этого района они не типичны. Нельзя поэтому согласиться с В. Н. Чернецовым в том, что отмеченные нами различия западно- и восточноказахстанских стоянок, — различия эпохальные, а не территориальные¹⁰. Невероятно, что в очень большом материале изпод Семипалатинска были представлены только поздние стоянки, а в не менее значительных сборах из Западного Казахстана — только ранние.

Подъемный материал с дюн можно, следовательно, использовать прежде всего как определенную канву для создания археологии исследуемого района. Поэтому предварительные разведки со сборами на дюнах всегда бывают полезны перед началом широких экспедиционных работ с раскопками памятников. Во-вторых, сборы на дюнах дают важный материал о распространении тех или иных типов орудий и керамики. При установлении области распространения геометрических орудий, области распространения ямочно-гребенчатой керамики и исследовании других подобных вопросов мы не обойдемся без материалов дюнных стоянок. Коллекций из раскопок будет для этой цели недостаточно.

Гораздо труднее использовать материалы сборов на дюнных стоянках для решения хронологических вопросов, установления периодизации памятников и т. д. Нередко делаются ошибки, когда собранный в одном месте материал принимается за комплекс. Так, А. Х. Маргулан на основании находки на одном песчаном выдуве микролитических орудий и бронзового наконечника стрелы скифского типа писал о бытовании микролитов в Казахстане до эпохи раннего железа¹¹. Такие грубые ошибки встречаются, конечно, редко. Но очень обычны затруднения исследователей, когда приходится решать вопрос, относятся ли собранные на одной дюне кремневые орудия и керамика эпохи бронзы к одному времени, или нет.

Мы вправе упрекнуть Н. В. Сибилева и Т. М. Минаеву за то, что, издавая кремневые орудия, собранные на дюнах Донца и Поволжья, они не уделили внимания найденной вместе с орудиями керамике. При дальнейших исследованиях оказалось, что керамика, считавшаяся заведомо более поздней, чем кремневый инвентарь, в ряде случаев принадлежала тому же времени, что и орудия. Но мы можем упрекнуть и Н. А. Проко-

⁸ См. альбом орудий из сборов Н. В. Сибилева. «Старовинності Ізюмщини», вып. IV, Изюм, 1930.

⁹ См., например, Д. Я. Телегин. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. «Археологія», V, Київ, 1954.

¹⁰ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 56.

¹¹ А. Х. Маргулан. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане. Изв. Академии наук КазССР, сер. археол., № 3, Алма-Ата, 1951, стр. 22.

шева за то, что он принял за единый комплекс находки на стоянке Левшино на Урале, где были найдены перемешанные мезолитические орудия и керамика эпохи бронзы. Таким образом, решение вопроса об одновозрастности или разновозрастности находок, обнаруженных на одной дюне, требует большой осторожности.

Первое, что должно быть учтено при решении данного вопроса, — это условия расположения места сборов. Если это пункт, очень удобный для поселения, расположенный на мысу берега реки или озера, близ известного колодца в пустыне и т. п., то очень вероятно, что этот пункт заселялся или посещался человеком многократно. Одновозрастность находок в таком случае сомнительна. Более вероятно одновозрастность находок на стоянках в глубине пустыни, вдали от рек и озер. Обследуя дюнные стоянки Казахстана и Европейской части СССР, автор не мог не отметить их резкого различия. Дюнные стоянки Поволжья и Приднепровья расположены в благоприятных природных условиях, и сборы на них содержат заведомо разновременные вещи: кремневые орудия, наконечники стрел скифского типа, средневековую керамику и т. д. Напротив, большинство стоянок Северного Приаралья расположено вдали от озер и рек, в глубине пустыни, и сборы на них дают только кремневые орудия и керамику эпохи неолита и энеолита.

Эти стоянки принадлежат бродячим охотникам, которые уходили в пустыню в поисках диких лошадей и сайгаков и разбивали временные лагеря в глубине песков. Условия района таковы, что везде неглубокими колодцами (1—2 м) можно дойти до грунтовых вод, что обеспечивало охотников водой¹². Место, выбранное каждой группой охотников для своего лагеря, было, следовательно, ничем не лучше десятков окружающих мест. Поэтому очень мала вероятность того, что этот пункт снова использовался для поселения через длительный отрезок времени. Показательно, что материал, собранный здесь на каждой стоянке (примером могут служить Саксаульская, Агиспе), выглядит гораздо более единым, чем находки в пунктах, расположенных в более благоприятных условиях. На казахстанских стоянках, связанных с берегами рек, материал не менее смешанный, чем на стоянках Поволжья или Приднепровья. Так, на дюнной стоянке Ак-кум на р. Сагиз найдены вместе доандроновские, андроновские, сарматские и золотоордынские вещи.

Очевидно, для исследователей энеолита Казахстана наиболее интересны расположенные в пустыне, вдали от рек, временные стойбища. Находки здесь кажутся и при типологическом анализе одновозрастными и могут считаться такими по условиям находки. Временные стоянки в пустыне, вдали от рек и озер, известны не только в Западном, но и в Центральном Казахстане, где их обследовали Н. В. Валукинский и А. В. Мухля. Изучая такого рода поселения, мы можем составить известное представление о том, какие типы вещей были распространены одновременно.

Насколько же можно использовать материал со стоянок, расположенных в других условиях? Здесь нам приходится руководствоваться составом находок. Если в одном пункте собраны предметы, относящиеся заведомо к трем-четырем эпохам (например, неолит, бронза, скифское время, средневековье), то такую коллекцию лучше не учитывать при работах по периодизации памятников. Видимо, исследованный пункт был удобен, заселялся многократно, и находки, относящиеся к эпохе неолита и бронзы, также могут состоять из перемешанных вещей из разных комплексов. Если же находки на дюнной стоянке состоят, судя по типологическому анализу, из двух смешанных комплексов, довольно удаленных друг от друга по времени, то коллекция представляет значительно больший интерес для исследова-

¹² А. А. Формозов. Указ. соч.

дований. Так, находка на мезолитической стоянке Елин Бор на Оке нескольких фрагментов керамики эпохи раннего железа не мешает, конечно, использованию этого материала в работах по мезолиту.

Гораздо сложнее работать с коллекцией, где вероятно смешение предметов, принадлежащих к разным стадиям неолита или бронзы. Здесь может помочь, с одной стороны, сопоставление с находками из раскопок, с другой, — правильно поставленный сбор материала. При сборах по участкам удается иногда получить ответ на вопрос об одновозрастности находок, ибо границы поселений разного времени не совпадали. Об этом применительно к раскопкам писал недавно А. Я. Брюсов¹³. Хорошо разработана методика сбора материала на дюнах у польских археологов. Установив, что стратиграфические наблюдения там почти невозможны, проф. С. Круковский выдвинул в противовес принципу стратиграфии принцип «планиграфии». Сбор материала по скоплениям — «гнездам» кремня позволяет четко выделить на стоянках скопления остатков свидерской, тарденуазской, неолитической эпохи. Типологическое различие находок дополняется разницей в материале — в свидерское и тарденуазское время использовались разные месторождения кремня.

Подобным образом изучив распространение разнотипного материала на площади Левшинской стоянки, О. Н. Бадер смог установить разновозрастность найденных здесь орудий и керамики¹⁴.

В целом, при использовании сборов на дюнах для исследований хронологических обычно ценнее коллекции небольшие, так как стоянки, где подъемный материал большой, как правило, содержат находки разного времени. Для нашей же цели необходимо выявление небольших, но, вероятнее всего, одновременных археологических комплексов. Такие коллекции можно получить на временных стоянках, при исследовании распространения находок на площади больших поселений и т. д.

Как видим, ряд приемов исследования сборов с дюнных стоянок позволяет довольно широко использовать эти материалы при археологических исследованиях как дополнение к находкам из раскопок.

¹³ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 21, 22.

¹⁴ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I на Чусовой. МИА № 22, 1951.

А. В. УСПЕНСКАЯ и Ю. А. КРАСНОВ

НОВАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ПОДМОСКОВЬЕ

Летом 1954 г. при археологической разведке в Звенигородском районе авторами статьи и местным краеведом Н. А. Красновым на территории г. Звенигорода Московской области обнаружены следы неолитической стоянки. На склоне берега р. Москвы, размываемого во время сильных дождей и весенних разливов, были обнаружены выходы культурного слоя и собран подъемный материал.

Стоянка расположена на левом берегу р. Москвы на южной окраине города. Культурный слой прослеживается по берегу на протяжении 30—35 м; он темно-серого, местами черного цвета, залегает в слое очень плотной желтой глины. Мощности его неодинакова: иногда достигает 25—35 см, а в некоторых местах — всего лишь 7—10 см. В 1954 г. были прослежены остатки 3 кострищ (одно из них — толщиной 20 см), которые состояли из угля, золы и обуглившейся скорлупы лесных орехов. В 1955 г. часть берега с расположенными на нем кострищами сползла в реку, за исключением участка с одним кострищем меньшей мощности. Сборы материала на территории стоянки производились несколько раз в течение 1954 и 1955 гг.

В числе находок — 45 фрагментов керамики, 38 кремневых орудий и их обломки, одно каменное грузило, несколько костей (животных) со следами обработки, 2 нуклеуса и более 200 кремневых отщепов.

Керамика изготовлена из тонко отмученной глины с примесью песка, реже — дресвы. Толщина стенок сосудов — от 5 до 8 мм; венчики прямые. Сосуды украшены ямками различной формы (круглыми, ромбическими, квадратными), отпечатками мелкозубчатого штампа и так называемым ногтевым орнаментом (рис. 28 — 1—6). Среди кремневых орудий — накопечники дротиков (рис. 28 — 7) и их обломки, скребковидные орудия (рис. 28 — 8), резчики (рис. 28 — 9), скребки (рис. 28 — 10), коленчатый нож или фигурный кремень (рис. 28 — 11), ножевидные пластины и множество осколков-отходов, полученных при производстве кремневых орудий. Найденные скребковидные орудия (5 экземпляров) могли быть орудиями двойного назначения — и скребками, и резцами.

Судя по материалу, стоянка, открытая на территории Звенигорода, датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. и относится к памятникам льяловской культуры. Возможно, при дальнейшем исследовании она окажется двуслойной, так как некоторые элементы орнамента на керамике и типы кремневых орудий несут следы проникновения сюда волоховской культуры. Открытие Звенигородской неолитической стоянки дает возможность уже сейчас расширить границы распространения льяловской культуры на юго-западе, включая и район течения р. Москвы.

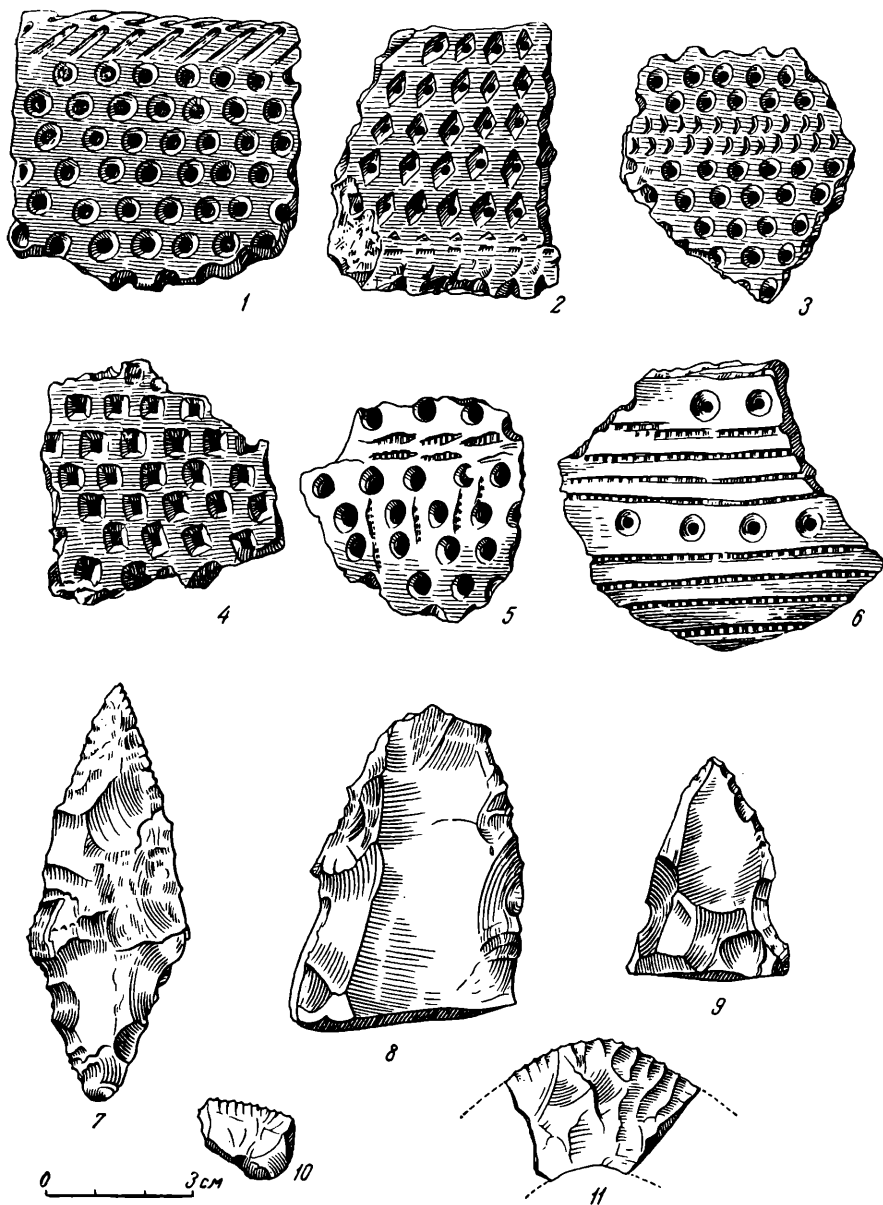

Рис. 28. Керамика и кремневые орудия с неолитической Звенигородской стоянки.

1—6 — керамика; 7 — наконечник дротика; 8 — скребковидное орудие; 9 — резчик; 10 — скребок; 11 — коленчатый нож или фигурный кремль.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНОВ РЕК ДЕСНЫ И ОКИ
В КОНЦЕ III—НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.¹

Одной из основных проблем в области изучения неолита является вопрос о связях неолитических культур севера Европейской части СССР и средней лесной полосы с культурами эпохи бронзы на юге. В пограничных районах распространения этих культур находится бассейн р. Десны. Эпоха неолита на этой территории в литературе освещена слабо и специальному изучению не подвергалась. К настоящему времени известен ряд статей в основном публикационного характера². Сведения о многочисленных памятниках неолита и эпохи бронзы рассеяны по архивам и местным музеям.

Первые данные о неолите р. Десны связаны с именами Д. Я. Самоквасова³, затем С. А. Чуева, С. С. Деева, М. А. Романова, Ю. С. Виноградского и др. Большие работы в этой области проведены Трубчевским музеем.

В 1928—1929 гг. Т. С. Пассек и Б. А. Латыниным были осуществлены разведки в районе г. Брянска. С 1936 г. начались систематические работы

¹ Доклад в секторе неолита и бронзы ИИМК.

² М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 22—26; его же. Результати работ Деснянської експедиції 1936—1938 рр. «Палеоліт і неоліт України», т. I. Київ, 1947, стр. 56, 57; Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. Труды Секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 374—390; А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА, VII, вып. 1, 1905, стр. 73, 74; С. С. Деев. Археологические памятники Брянской губернии. Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927, стр. 32; В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянка. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 52—66; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 130—140; В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 95—99; его же. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 60—66; С. А. Чуев. Результат раскопок, произведенных в Брянском уезде Орловской губернии летом 1901 г. ТОУАК за 1901—1902 гг.; М. Я. Рудинский. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтологічних вивчень у межах УРСР. «Антропология», IV, Київ, 1930; его же. Погоріловка. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, Київ, 1956, стр. 163—171; его же. Мар'янівська стація. «Антропология», III, Київ, 1930; Н. П. Амбургер. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI, Київ, 1956, стр. 197—200; Ю. С. Виноградский. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея (к 35-летию со дня основания). КСИА, вып. 5, 1955, стр. 86—93.

³ Уникальный альбом фотографий коллекций Д. Я. Самоквасова хранится на кафедре археологии МГУ. Коллекция хранится в ГИМ.

Деснинской комплексной экспедиции под руководством М. В. Воеводского. Обследование памятников неолита и бронзы среднего течения р. Десны в составе этой экспедиции производилось Ю. В. Подгаецким, Т. Н. Тралло, Ф. В. Лучицким, И. В. Фабрициус. Результаты работ не изданы, отчеты хранятся в архивах.

Прерванные Великой Отечественной войной исследования возобновлены в 1945—1949 гг. Обследованы некоторые памятники и организованы раскопки стоянки Мыс Очкинский. В 1949 г. под руководством Б. А. Рыбакова в составе Вщижской экспедиции В. В. Кропоткиным велась раскопки курганов, относимых к среднеднепровской культуре, в урочище Бельнец (Брянская область, с. Вщиж) и автором данной статьи — на неолитической стоянке Витховка (Брянская область, с. Неготино), а также разведки в районе г. Брянска и выше по р. Десне.

В 1954 г. в этом же районе (Вщиж — Неготино) проводились работы под руководством М. Е. Фосс; продолжены раскопки Бельнецких курганов⁴ и стоянки Витховка и, что представляет особенный интерес, обнаружена и раскопана стоянка среднеднепровской культуры в урочище Бельнец⁵.

Теперь уже накоплен обширный материал, позволяющий характеризовать материальную культуру этого района.

В своих последних работах М. В. Воеводский поставил вопрос о выделении неолитических памятников бассейна рр. Десны и Сожа в особую культурную группу, отличающуюся от памятников окских культур⁶.

Изучение местонахождений, относящихся к эпохам неолита и бронзы, отмеченных в настоящее время на р. Десне в большом количестве⁷, позволяет выделить специфические для этого района признаки. По среднему течению р. Десны и ее притоков в пределах Брянской, Черниговской и частично Курской областей нами исследованы памятники, которые можно разделить на 2 категории: 1) неолитические стоянки и 2) стоянки, могильники и случайные находки, принадлежащие среднеднепровской культуре.

Все известные нам неолитические памятники на р. Десне представлены дюнными стоянками; ни в одном случае мы не располагаем ни данными о жилищах, ни костными остатками. Собранные коллекции состоят исключительно из кремневого инвентаря и керамики.

Состав кремневого инвентаря однороден; относительно небольшое количество наконечников стрел и дротиков свидетельствует о меньшей роли охоты по сравнению с неолитическими памятниками Волго-Окского района. Среди обычных, широко распространенных форм неолитических орудий выделяются своеобразные орудия, аналогии которым можно найти только в районе бассейна р. Сожа. Кривые ножи крупных размеров, плоские с двусторонней обработкой плоской отжимной ретушью найдены на стоянках Городцы Пойменные, Сагутьево, Селец. Несколько отличной формы кривой нож обнаружен на стоянке Мыс Очкинский⁸. Подобные находки отмечены по обоим берегам р. Сожа⁹. Встречены разнообразные клинья и клиновидные орудия, обитые с обеих сторон и подтесанные по рабочему краю. Некоторые из них миниатюрны (длиной до 3 см), но все, вероятно, связаны с обработкой дерева. На Десне они обнаружены на многих стоянках неолитических и эпохи бронзы: Мыс Очкинский, Боровичи I, Мо-

⁴ См. статью В. В. Кропоткина в этом же выпуске КСИИМК.

⁵ Обработать эти материалы М. Е. Фосс не успела.

⁶ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне, стр. 24—26.

⁷ Нами составлена археологическая карта, насчитывающая около 200 пунктов.

⁸ И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 136, рис. 47, 2.

⁹ К. М. Паликарпович. Дагістарычныя стаянкі сярадняга Сажа. Працы арх. камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 454, 455, табл. 22, 3; стр. 414, 415, табл. 11, 3; стр. 446, табл. 21, 7.

стище IV, Целиковы Бугры и др. Подобные орудия также широко распространены на берегах р. Сожа¹⁰.

Некоторые типы неолитических орудий, распространенных на р. Десне, обнаружены в этом же районе на позднемезолитической стоянке Песочный Ров, что позволило исследователям рассматривать Песочный Ров как комплекс, переходный к неолиту. М. В. Воеводский и А. А. Формозов отмечают, что Песочный Ров и другие мезолитические стоянки р. Десны отличаются от памятников мезолитических культур Восточной Европы преобладанием в обработке орудий техники отщеп над техникой пластины¹¹. Этот прием обработки орудий и некоторые их формы, зародившиеся в мезолите, в силу традиции и преемственности в выделке орудий, при наличии одной и той же сырьевой базы, дожили до неолита. Это дает некоторое основание считать, что культура неолита р. Десны сложилась на основе местной мезолитической культуры.

Ранне-неолитическое население должно было иметь навыки изготовления также и керамики. В орнаменте керамики из наиболее древних известных нам неолитических стоянок р. Десны, датируемых концом III тысячелетия до н. э., обнаруживаются черты заимствования от окских неолитических культур. Однако можно, кажется, предположить, что существуют и более ранние неолитические памятники, содержащие местную керамику; об этом свидетельствует хронологический разрыв между мезолитом и известными нам неолитическими памятниками, до которых дожили формы орудий, зародившиеся в мезолите.

Наиболее характерны для деснинской неолитической керамики отсутствие «белемнитной» орнаментации и применение ромбического штампа. Ромбические элементы узора разнообразны. В основном выделяются 2 категории их: 1) четкая, правильная, с резкими углами ромбическая ямка с глубоким пирамидальным дном; стенки ее гладкие или рубчатые; 2) ромбоидальные и овальные ямки, иногда с одним более узким и глубоким концом, рубчатые внутри. Ямки обеих категорий бывают разных размеров и пропорций и чаще всего покрывают сосуды сплошь в шахматном порядке, однако такое расположение узора не обязательно; на отклонениях мы остановимся ниже, при сопоставлении деснинских материалов с окскими. Именно эти отклонения носят локальный характер. Отметим, что сплошной узор никогда не начинается непосредственно у края сосудов, а всегда немного (1—2 см) отступя, причем по обрезу или краю наносились насечки, либо косые отпечатки веревочного штампа, либо оттиски гребенки. Первый ряд ямок в большинстве случаев бывает неполным, перемежается пропусками или выпуклинами от ямок, выдавленных изнутри. Формы этих сосудов остродонные, с открытым устьем.

Комбинация ромбических элементов орнамента с другими, зональное расположение узора и т. д. — крайне редки. Чаще встречаются характерное для деснинского неолита расположение ромбов не вертикально, а горизонтально и наклонно, и нарушение строгой зональности узоров.

Орнамент наносился небрежно. Наряду с четкими ромбическими ямками встречаются ямки неопределенной формы. Керамика описанного типа наиболее распространена на Десне и отмечена почти на всех памятниках неолита и многих стоянках эпохи бронзы. Находка ее в стратиграфически ясном нижнем слое стоянки Пионерской позволяет выделить ее как наибо-

¹⁰ К. М. Палікарповіч. Указ. соч., стр. 388, 395, табл. 2, 11; стр. 404 и 406, табл. 8, 1; стр. 456, табл. 21, 15; стр. 457, табл. 22, 1, и др.

¹¹ М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 года. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 41, рис. 23—1; 23—9; М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 46—48, рис. 9—6.

лее раннюю и датировать, по аналогии с материалами Воронежской и других подобных стоянок, концом III тысячелетия до н. э. (по М. Е. Фосс)¹².

На позднем этапе неолита и в эпоху бронзы деснинская керамика имеет иной облик. Вместе со значительным количеством ромбических орнаментов и небрежными оттисками ямок неправильных форм появляются крупный гребенчатый штамп, нарезка, отступающий штамп, наклепные орнаментальные валики и защипы.

Узор располагается в верхней части довольно хорошо профилированных сосудов и образует геометрические фигуры — зигзаги, елку, меандр, кресты и т. д.

Посуда этого типа также имеет сходство с керамикой Посожья¹³ и южных степных памятников эпохи бронзы.

Наиболее близка неолитическая керамика районов бассейна р. Десны с керамикой белевской культуры, выделенной А. Я. Брюсовым в верхнем течении р. Оки¹⁴. А. Я. Брюсов считает характерным признаком для выделения этой культуры применение в кремневой индустрии длинных и крупных ножевидных пластин, долгое сохранение древних типов кремневых орудий; выделяет как руководящие формы грубые овальные топоровидные кайла и массивные листовидные кинжалы. В орнаментации керамики характерно использование длинноовального и ромбического штампа, рубчатого «на ранних стадиях».

Применение крупных ножевидных пластин известно и в других районах и культурах (деснинская, катакомбная, Триполье) и обусловлено характером сырья. Крупные кремневые желваки деснинского типа дают широкую возможность для выработки призматических нуклеусов и соответственно пластин, а также отщепов. Изготовление орудий (особенно ножей и листовидных орудий) на крупных пластинах широко известно в местах, богатых выходами мелового кремня. Район белевской культуры является крайним восточным районом распространения выходов мелового кремня¹⁵, и здесь он применялся уже наряду с широко распространенным валунным. Валунный кремень обуславливает в основном технику отщепления либо пластин, но небольших размеров. В белевских коллекциях есть значительное количество таких пластин наряду с крупными. Поэтому выделение крупных пластин как культурно-племенного признака не представляется достаточно убедительным. Говоря о «долгом сохранении древних типов орудий», А. Я. Брюсов в значительной мере опирается на стоянку Гремячее, считая ее древне-неолитической и датируя началом III тысячелетия до н. э.

М. В. Воеводский относил Гремячее к мезолиту¹⁶, что представляется нам более вероятным. Типологический анализ кремневого инвентаря, как нам кажется, не дает достаточных оснований для выделения руководящих форм белевской культуры.

Отмеченные А. Я. Брюсовым кайла — это грубо обитые топоры; листовидный кинжал, представленный в одном экземпляре (из стоянки Гремя-

¹² М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 161—162.

¹³ К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі сяродняга і ніжняга Сажа. Працы катэдр арх. Инст. белор. культ., т. I, Минск, 1928; его же. Стоянки среднего Посожья. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 45—148.

¹⁴ А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 15—21; его же. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 51—55.

¹⁵ Геологическая карта СССР, 1 : 7 500 000. М., 1951.

¹⁶ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА, № 2, 1941, стр. 142—148.

чее), находит ближайшую аналогию в одной из стоянок рязанской культуры, где встречен тоже в одном экземпляре¹⁷.

Изучение керамики белевских стоянок позволяет отметить, наряду с ямочной «белемнитной» и ямочно-гребенчатой орнаментацией, характерной для всей лесной полосы, орнаментацию ромбическим штампом; оттиски его четкие, резко очерченные, ямки все поставлены вертикально и повторяют строгое шахматное расположение древнеямочного («белемнитного») узора. Орнамент чаще всего покрывает сосуды сплошь, лишь у краев перемежаясь с одним-двумя поясками косо поставленной гребенки или оттисками шнура. Такая орнаментация краев сосудов очень характерна и для деснинской керамики. Как отмечает А. Я. Брюсов, на более древних стоянках ромбические элементы нанесены рубчатым штампом, на более поздних — гладким. Ромбический штамп различен: узкий, широкий, мелкий, крупный, с пирамидальным дном, с плоским неглубоким дном. Интересно, что, появляясь наряду с «белемнитным», ромбический орнамент в белевской культуре начинает играть первостепенную роль. Четкость и строгость оттисков и узоров как бы подчеркивает традиционность орнамента. Традиция изображения ромбов настолько сильна, что на сосудах, поверхность которых сплошь заполнена отпечатками ромбического штампа, расположенного в строгом шахматном порядке, мы находим ограниченные гребенчатым штампом участки ромбической формы (стоянка Воронеж¹⁸; рис. 29 — 1). Еще существует белемнитный штамп, но мы видим на фрагментах одного и того же сосуда (рис. 29 — 14, 16), как он перекрывается ромбическим, которым и заполняется весь узор. Отметим элементы крупного ромбического штампа с плоским рубчатым дном (стоянки Воронеж, Бехово, Баскачи; рис. 29 — 5) и ромбического, перекрещенного косым крестом (стоянка Воронеж; рис. 29 — 2), причем последний штамп находит некоторые аналогии на стоянке Мыс Очкинский на р. Десне (рис. 29 — 3).

Находки сосудов, орнаментированных узором, в котором сочетаются «белемнитная» и ромбическая ямки, показывают смену орнаментальных традиций и вместе с тем позволяют синхронизировать во времени оба эти приема (рис. 29 — 14, 16; рис. 30 — 1, 4, 7).

Наиболее древняя в Европейской части СССР стоянка, содержащая керамику с ромбическим орнаментом, — Льяловская, датируемая Б. С. Жуковым серединой III тысячелетия до н. э.¹⁹; среди материалов этой стоянки, по подсчету автора, «белемнитная» керамика составляет 83%, ромбическая — 7%.

М. Е. Фосс доказала, что Волго-Окская область населялась племенами, родственными льяловским²⁰. Генетические связи этих племен хорошо отражаются в орнаментике керамики; попробуем рассмотреть их в направлении распространения ромбической керамики на раннем этапе развития неолитических племен этого района.

В нижнем течении р. Оки, в области, занятой племенами балахнинской культуры²¹, мы нигде не находим в орнаменте на посуде ромбических элементов, хотя льяловские традиции в узорах есть. В среднем течении р. Оки, в области, занятой племенами рязанской культуры²², известны

¹⁷ Сборы В. Леонова и У. Монастырева, Дер. Ушмар. Хранятся в ГИМ.

¹⁸ ГИМ. Сборы В. А. Городцова, 1897 г.

¹⁹ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова Московского уезда. Труды Антроп. ин-та, вып. 1. Приложение к Русск. антроп. журналу, т. XIV, вып. 1—2, М., 1925.

²⁰ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 156—159.

²¹ М. В. Воеводский и О. Н. Бадер. Стоянки Балахнинской низины. ИГАИМК, вып. 106, 1934.

²² А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 58—64.

единичные фрагменты с ромбическим орнаментом. Так, на стоянке Коре-
нец²³ найдены 2 черепка, сплошь орнаментированных ромбическими рубча-
тыми ямками с пирамидальным дном, расположенными в шахматном

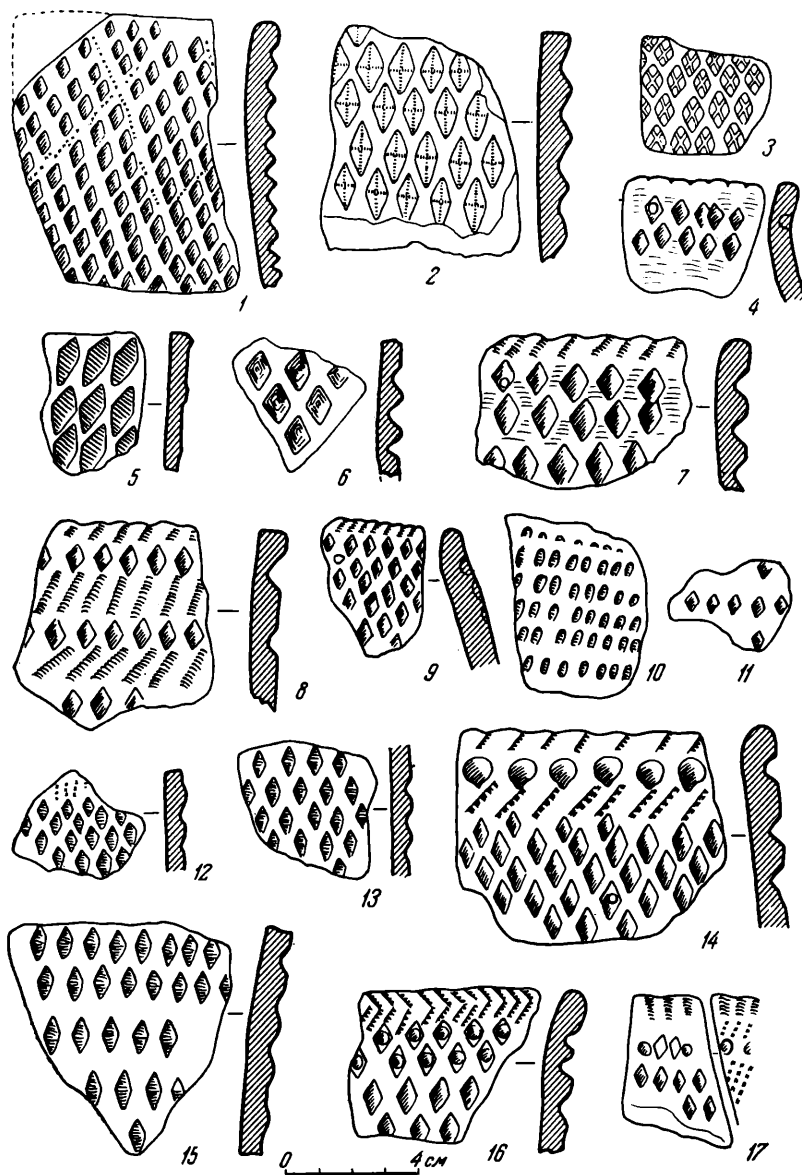

Рис. 29. Образцы керамики.

1, 2, 5-8, 12-14, 16 — Воровец; 3 — Мяс Очкинский; 4, 9 — Белыец (из насыпей);
10, 17 — Витовка; 11, 15 — Пионерская.

порядке, и один — с ямками, очень близкими к ромбу, но менее четкими и
неглубокими. На стоянке Черепки у с. Дубровичи²⁴ обнаружены 2 черепка
с ромбическим рубчатым орнаментом и пять — с ромбоидальным; на

²³ ГИМ. Раскопки И. К. Цветковой в 1951 г.

²⁴ Коллекция ГИМ. Сборы В. А. Городцова.

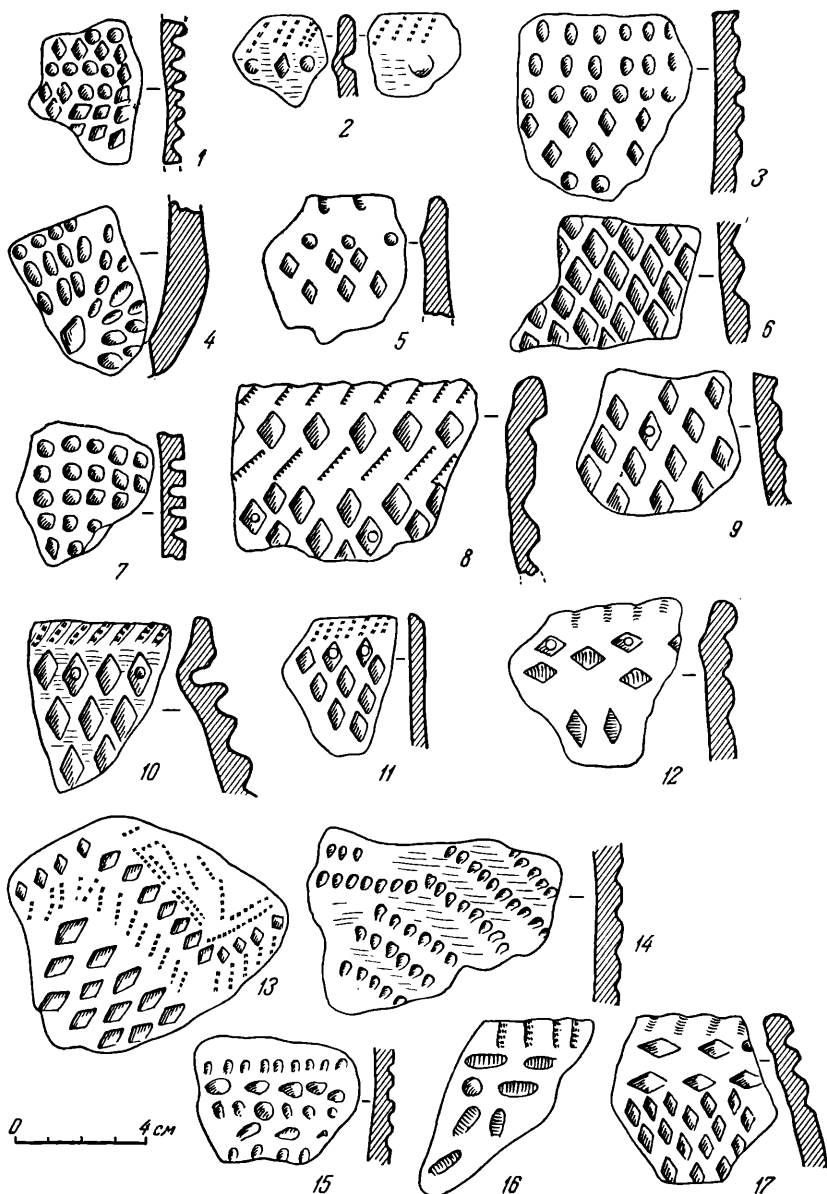

Рис. 30. Образцы керамики.

1, 4, 6—9 — Воронеж; 2, 14, 15 — Самошиков Бор; 3, 5, 10 — Городцы Пойменные;
11, 16 — Витховка; 12 — Пионерская; 13 — Холм; 17 — Бельянец (из насыпей).

стоянке Ловецкие Борки²⁵ — два с ромбическим рубчатым орнаментом; на дюне Ловецкий Городок²⁶ — четыре с ромбическим. Среди этих узоров есть расположенные в шахматном порядке, в строчку и в косо поставленный ряд (рис. 31—4). Ромбический орнамент встречен на керамике стоянки на Борковском острове²⁷.

²⁵ Коллекция ГИМ. Сборы В. А. Городцова, 1895 г.

²⁶ Коллекция ГИМ. Сборы В. А. Городцова, 1898 г.

²⁷ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 59. Первая Луговская стоянка. Сборы В. И. Зубкова.

Очень интересно, что здесь, наряду с рубчатым штампом, есть ромбические отпечатки, выполненные «перевитой веревочкой». Этот прием, характерный исключительно для рязанской культуры, применен, однако, не для получения традиционной для этой культуры неглубокой овальной ямки, а для ромбического орнамента, который в керамике рязанской культуры составляет исключительно малый процент и отмечен на сосудах из нескольких наиболее западных стоянок, расположенных ближе к области распространения белевской культуры. Он «образует как бы механическую примесь к керамике рязанского типа и не получает в рязанской культуре дальнейшего развития». А. Я. Брюсов видит в появлении здесь подобной керамики последствия экзогамных браков²⁸.

Наибольшего развития в среде окских племен ромбический орнамент получает у носителей белевской культуры, составляя (по М. Е. Фосс) около 50%. А. Я. Брюсов, основываясь на распространении ромбического орнамента в карельской и каргопольской культурах (которому сопутствует сходство в приемах обработки каменных орудий на юге и сланца — на севере), намечает направление расселения части белевских племен на север.

Однако ромбический орнамент керамики северных культур лишен характерной для белевской культуры рубчатости, теряет четкость элементов и строгий стиль узора. М. Е. Фосс оспаривает продвижение белевских племен на север, основываясь на разнице деталей ромбической орнаментации, незначительном количестве ромбической керамики в карельской культуре и на поздней датировке Воронежской стоянки²⁹, относящейся к более позднему времени, чем Льяловская.

Расходясь в вопросе о продвижении на север белевских племен, оба исследователя намечают направление распространения ромбической орнаментации к юго-западу от территории белевской культуры. А. Я. Брюсов весьма скупо указывает, что «типичный ромбический орнамент встречается на некоторых стоянках по р. Десне, и это надо принять во внимание в смысле возможности некоторых поправок и дополнений (к выводам о его распространении. — *И. Р.*)»³⁰.

М. Е. Фосс уделяет значительно больше внимания распространению в районах бассейна р. Десны ромбического орнамента на посуде, предполагая при этом расселение племен — носителей белевской культуры на запад³¹. Отметим, что на деснинских стоянках конца III тысячелетия до н. э. ромбический орнамент керамики является основным и составляет вместе с овальным 80—90%. На стоянках более поздних, синхронизируемых с эпохой бронзы на юге, он долго бытует, составляя 40—50%.

Анализ деснинской и белевской керамики позволяет провести ряд параллелей:

1. Сходство ромбических элементов, ромбоидальных и овальных ямок с пирамидальным дном, наличие тех и других, а также рубчатых и гладких ямок наблюдается на посуде почти на всех памятниках белевских и деснинских.

2. Сплошная орнаментация сосудов ромбическими элементами в шахматном порядке, с украшением края и венчика, отпечатками гребенчатого штампа или перевитой веревочки (Мыс Очкинский, Витховка, Пионерская, Бельинец, Самощиков Бор и другие — на р. Десне; Воронеж, Федяшево, Жабынь — окские; рис. 29—4, 7—9, 14, 16, 17; рис. 30—2, 8, 10—12, 17).

²⁸ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 57, 58.

²⁹ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 161, 162.

³⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен..., стр. 89.

³¹ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 160, 187.

3. Сочетание в узоре одного сосуда ромбических и округлых элементов, причем на белевской керамике округлые оттиски — «белемнитные», на деснинской — штамп иной (стоянки Пионерская, Витховка, Воронеж, Городцы Пойменные, Самошиков Бор и др.; рис. 29 — 4, 14, 16, 17; рис. 30 — 1—5, 7).

4. Появление в сплошном узоре отдельных элементов, внутри которых вписана маленькая круглая ямка (стоянки Воронеж, Витховка, Городцы Пойменные, Пионерская; рис. 30 — 8—12).

5. Мало распространенные, но близкие между собой элементы ромбического орнамента со вписанным внутри ромба крестом. На деснинской посуде (Мыс Очкинский) концы креста касаются середины сторон ромба, а на белевской (Воронец) — его углов. При этом на первом штампе крест выступает рельефно, а на втором как бы нанесен гребенкой. Однако в обоих случаях это ромб с крестом внутри, нанесен штампом и располагается в традиционном сплошном узоре и в шахматном порядке.

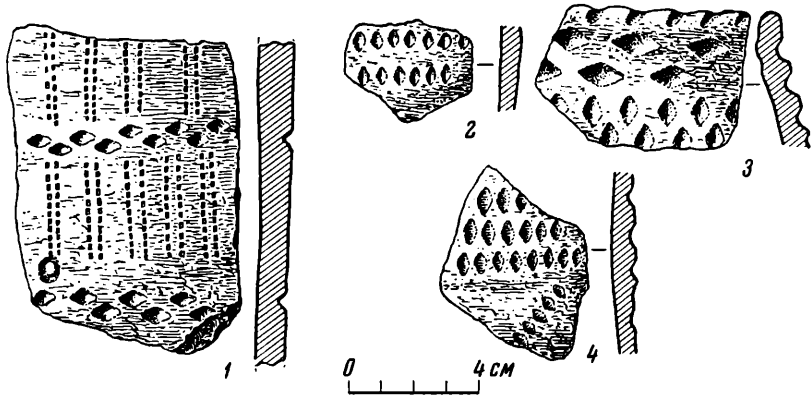

Рис. 31. Образцы керамики.

1 — Бехово; 2 — Дунец; 3 — Бельнец (из насыпей); 4 — Ловецкий Городок.

Отмечая близость в орнаментике, нельзя не отметить и сходство в технике изготовления, в формах сосудов с широким горлом, в обработке их поверхности. Общность традиций в выработке керамики указывает на несомненные связи этих двух районов.

Учитывая раннюю датировку белевских памятников и близость верховьев многочисленных притоков рр. Десны и Оки, мы приходим к выводу об этнической связи неолитического населения районов рр. Десны и Оки, возникшей в результате расселения части белевских племен на юго-запад в конце III тысячелетия — начале II тысячелетия до н. э.

Однако наряду с исключительной близостью деснинской и белевской керамики нужно указать и на различия.

На верхнеокских стоянках большую роль в орнаментации посуды играет «белемнитный» штамп; на Десне его нет, преобладает ромбический. В деснинской керамике утрачиваются четкость в очертании элементов орнамента, равномерность их расположения и даже нарушается стиль шахматного порядка в узоре. Наблюдается расположение в строчку, рядами, наклонно и просто хаотично. Ямки наносятся менее аккуратно; они размещены не только вертикально, но и горизонтально и наклонно. Изменяется строгий стиль узора, он становится свободнее и беспорядочнее (стоянки Холм, Бельнец, Дунец, Витховка, Пионерская, Боровичи I, Самошиков Бор; рис. 29 — 11; рис. 30 — 12—17; рис. 31 — 2, 3). В памятниках белевской культуры мы знаем лишь единичные случаи такого узора (Бехово;

рис. 31 — 1). Именно эти признаки в орнаментации керамики характеризуют своеобразие деснинского неолита и получают наибольшее развитие в эпоху, переходную к бронзе.

Пришедшие на р. Десну белевские племена постепенно расселялись, сливаясь с коренным местным населением, восприняли местную технику обработки кремня и стали одним из компонентов складывавшихся здесь новых племен, частично сохранявших старые традиции, но постепенно создававших новый облик материальной культуры. Эта новая культура отличается от культур классического лесного неолита не только по керамике и особым формам кремневых орудий, но и составом инвентаря, свидетельствующим о том, что охота занимала здесь меньшее место, чем в «лесном неолите».

Связи со скотоводческими племенами эпохи бронзы на юге привели к изменению хозяйственного уклада подеснинских племен. Объясняя, таким образом, происхождение культуры деснинского неолита как сложившейся на местной мезолитической основе с привнесением белевских традиций в выработке и орнаментации керамики и утверждая, что заселение районов бассейна Десны и сопредельных территорий происходило в результате движения верхнеокских древних племен, нельзя не остановиться на противоположной теории П. П. Ефименко³².

«Наиболее древнюю группу памятников лесного неолита дают дюнные стоянки Сожа, Десны и междуречья среднего Днестра и Дона, где характерная керамика с орнаментацией ямочно-гребенчатого типа сочетается со вполне выдержанным инвентарем „кампинийского“ облика». Стоянки рр. Десны и Сожа П. П. Ефименко датирует первой половиной III тысячелетия до н. э.

По данным, которыми мы располагаем, нет стоянок древнее второй половины III тысячелетия до н. э. Расхождение в датировках объясняется главным образом разным подходом к материалу. П. П. Ефименко выделяет в «ямочно-гребенчатом неолите» две основные группы, резко различные между собой, — «лесной неолит» и «южный», понимая под последними дюнные стоянки районов рр. Десны, Сожа и соседних территорий Украины. С этим разделением безусловно нужно согласиться. Однако П. П. Ефименко основное различие видит только в кремневом инвентаре, утверждая, что в керамике наблюдается полное сходство. Если основываться на самых общих признаках, то, действительно, и в «лесном неолите», и на стоянках по Десне и Сожу мы наблюдаем ямчатую и гребенчатую орнаментацию керамики, но более детальный анализ позволяет отметить различия и в элементах орнамента, и в способе нанесения его, и в сочетании узоров.

Из приведенного нами выше анализа керамики видно, что большое сходство орнаментики наблюдается лишь в районе, близком к памятникам «южного неолита», — в районе распространения белевской культуры. На территории, занятой остальными древними племенами лесной полосы, близкая орнаментация посуды встречается редко (льяловская и рязанская культуры) либо вообще не наблюдается (балахинская культура). Основываясь на отсутствии в керамике геометрической орнаментации, П. П. Ефименко относит стоянки по Десне и Сожу (сравнивая их с соответствующими на севере) «к ранней фазе в эволюции ямочно-гребенчатой керамики» типа Нигежмы. Проводя аналогии в макролитидных формах кремневых орудий юга и Льяловской стоянки, учитывая наличие неолитического кремневого инвентаря в Льялове, автор, вслед за Б. А. Куфтиным, связывает макролитические элементы Льялова с югом, рассматривая

³² П. П. Ефименко. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья. «Археология», II, Киев, 1948, стр. 35—38 (на укр. яз.).

стоянку как более позднюю, чем южные, соответственно чему и углубляется дата стоянок «южного неолита».

На основании этого П. П. Ефименко рисует картину движения населения южных окраин лесной части, «уже освоившего производство керамики, но еще стоящего на макролитической стадии в обработке камня», на север. Со всем этим согласиться трудно.

Отмечая своеобразие кремневого инвентаря стоянок по рр. Десне и Сожу, зарождение некоторых типов орудий в мезолитических памятниках этой же территории и своеобразную орнаментацию керамики, находящую аналогию в некоторых более ранних памятниках Волго-Окского междуречья, а также учитывая наибольшее распространение этой орнаментации на юго-запад, мы позволим себе остаться на высказанной выше точке зрения о сложении «деснинского неолита» на местной мезолитической основе, но под воздействием расселившихся здесь в конце III тысячелетия до н. э. белевских племен. Эти племена ассимилировали местное население, восприняли местные традиции в обработке кремня, но сохранили свои традиции орнаментации керамики, которые со временем получили здесь новое развитие; в результате создано локальное своеобразие керамики этих районов, свидетельствующее о сложении особой деснинской неолитической культуры.

В. В. КРОПОТКИН

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕЛЫНЕЦКИХ КУРГАНОВ

В 1954 г. под руководством М. Е. Фосс лесостепной экспедицией ИИМК¹ были произведены разведки и раскопки памятников неолита, бронзы и раннего железа, относящихся к III—I тысячелетиям до н. э. Работы эти в верховьях р. Десны (Брянская область) были продолжением многолетних исследований Деснинской экспедиции².

Перед лесостепной экспедицией стояла задача обследовать территорию, в археологическом отношении изученную слабее, чем степные или лесостепные области Украины и Поволжья.

В 1954 г. раскопки были сосредоточены в 3 местах:

- 1) близ дер. Неготино на левом берегу Десны (стоянки Витховка I и II, стоянка Пионерская, курган у озера Бесец)³;
- 2) на правом берегу Десны на окраине дер. Овстуг, где были продолжены раскопки городища юхновской культуры, известного у местного населения под названием «Курган»⁴;
- 3) в урочище Белынец на левом берегу Десны напротив дер. Подлужье Жуковского района, где продолжены исследования стоянки и курганов, относящихся к III—II тысячелетиям до н. э.

Разведочный отряд вел обследование верхнего течения Десны от Жуковки до г. Рославля. На притоках Десны было обнаружено несколько небольших городищ, относящихся к раннему и среднему железному веку.

¹ Лесостепная экспедиция ИИМК в 1954 г. работала под руководством М. Е. Фосс в составе: Л. В. Артишевской, В. В. Кропоткина, В. Л. Фосс и студентов МГУ. Преждевременная смерть М. Е. Фосс в 1955 г. прервала начатые ею работы; материалы и документация были переданы в архив Государственного исторического музея.

² М. В. Воеводский. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 34—36; его же. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 года. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 36—44; его же. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 45; его же. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77; его же. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 22—26; А. Е. Алихова. К датировке двух городищ у села Юхнова. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 31—41; Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 34—41; его же. Вщиж — удельный город XII века. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 56; В. В. Кропоткин. Белынецкие курганы и стоянка. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 52—66; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 132, рис. 44.

³ Раскопки стоянок Витховка I и II начаты в 1949 г. И. Г. Розенфельдт и Р. Л. Розенфельдт.

⁴ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1929, стр. 383, 384. В 1949 и 1954 гг. раскопки городища производились Л. В. Артишевской.

На Бельнецкой стоянке южнее и западнее кургана № 3 и разведочной траншеи 1949 г. заложены 2 раскопа общей площадью 420 кв. м⁵. Эти раскопы дали большое количество обломков разновременной керамики, кремневые орудия и многочисленные отщепы кремня. Тщательные стратиграфические наблюдения, изучение кремневого инвентаря и керамики позволили сделать интересные выводы по истории заселения этого края в эпоху неолита и бронзы. Исследованием Бельнецкой стоянки установлено существование на средней и верхней Десне поселений с керамикой среднеднепровского типа.

Один из отрядов экспедиции продолжал раскопки Бельнецких курганов, насыпанных на площади названной выше стоянки⁶.

Четыре из этих курганов (№ 1, 2, 3 и 4), находившиеся в западной части курганной группы, в 1948—1949 гг. были исследованы Деснинской экспедицией⁷. В 1954 г. раскопано еще 5 курганов (№ 9, 13, 15, 16 и 19), причем в трех обнаружены погребения, а два оказались пустыми.

Курган № 9 (высота — 3 м, диаметр — 24 м) расположен на краю боровой террасы в центральной части группы, где находятся самые большие курганы. Насыпь, состоящая из светло-желтого песка, была пронизана железистыми прослойками. В средней части насыпи на глубине 1,4—1,9 м обнаружена массивная линза — прослойка плотной зеленовато-серой глины: толщина ее достигала 0,5 м в центральной части и уменьшалась по краям. Очевидно, сооружение высокой песчаной насыпи потребовало от строителей создания специальных креплений в виде глиняной прослойки. На боровой террасе глину найти было невозможно, поэтому строители кургана, видимо, привезли ее откуда-то из другого места. Насыпь содержала включения золы, мелкого угля и охры. На глубине 1,4—2,4 м песок в насыпи был розоватого оттенка, а на глубине 2,6 м, под глинистой прослойкой — красноватого цвета. Древний горизонт (т. е. древняя поверхность стоянки, на которой был насыпан курган) прослежен на глубине 2,1—2,2 м от вершины. В южной половине кургана (сектор Г) на глубине 2,4 м открыто погребение 1, причем никаких следов костей не было. Погребальный инвентарь состоял из небольшого глиняного сосуда колоколовидной формы, со шнуровым орнаментом, каменного сверленого топора, лежавшего восточнее горшка на 1,25 м, и кремневого ножа, найденного под сосудом. Топор изготовлен из светло-зеленого камня⁸. Обух небольшой, уплощенный, плохо обработанный (рис. 32 — 1).

Колоколовидный горшок с округлым дном и немного расширяющимся кверху горлом украшен в верхней части горизонтальными полосками из отпечатков шнура. Поверхность хорошо заглажена и покрыта светло-желтым ангобом; в изломе — черепок черный, что свидетельствует о плохом обжиге. Высота сосуда — 14 см, диаметр по краю — 14,5 см, высота горла — 6,4 см. Край немного отогнут и скошен внутрь сосуда (рис. 32 — 3).

Кремневый нож изготовлен из отщепа и отретуширован по краям. Длина его — 7,1 см, ширина — 3,5 см (рис. 33 — 1).

Также в южной половине кургана, но ближе к центру обнаружено погребение 2. На глубине 2,6 м от вершины (сектор Г) к северу от первого комплекса вещей найдены остатки трупосожжения, очевидно, не полного, так как при расчистке найдены остатки черепа и длинных трубчатых костей со следами охры. Можно предполагать, что скелет был ориентирован

⁵ Стоянку исследовала М. Е. Фосс, а курганы — автор настоящей статьи.

⁶ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 52 и сл. В 1954 г. в результате вновь произведенного осмотра местности обнаружен еще один курган (№ 20). Небольшое всхолмление, обозначенное на плане как курган № 19, не содержало погребения.

⁷ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 52—56.

⁸ Размеры найденных каменных топоров см. в приложении к статье.

головой на юго-восток. В области таза лежал массивный сверленный топор из зеленого камня, немного попорченный в огне (рис. 32—2); на брюшке — отверстие, обрамленное небольшим валиком, зашлифованным по краю; обух прямоугольный (3 × 2,6 см).

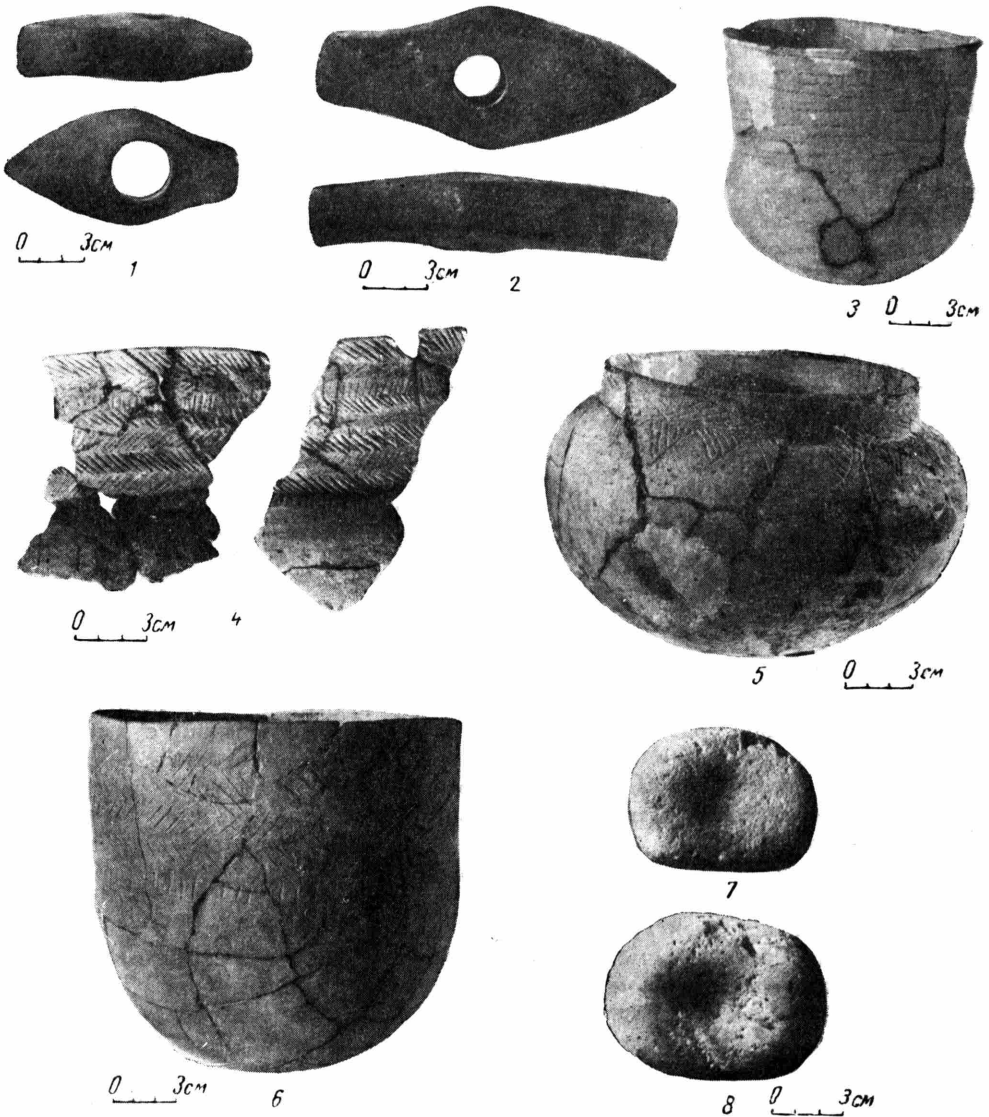

Рис. 32. Бельнецкие курганы. Инвентарь из погребений.

1 — каменный топор (курган № 9, погребение 1); 2 — каменный топор (курган № 9, погребение 2); 3 — глиняный сосуд (курган № 9, погребение 1); 4 — часть глиняного сосуда (курган № 15); 5, 6 — глиняные сосуды (курган № 16); 7, 8 — терочки (курган № 16).

В северной половине кургана (сектор А) на глубине 1,8 м от вершины обнаружены раздавленный круглодонный сосуд (погребение 3) неправильной формы, с невысоким прямым горлом (рис. 33—5). Сосуд желтый, стенки (толщиной 0,4 см) заглажены; на них видны вертикальные штрихи, нанесенные при формовке. Край немного скошен внутрь. Высота сосуда — 13,3 см, диаметр по горлу — 11,8 см, диаметр тулова — 14 см, высота

горла — 2,3 см. В этом же секторе найдены остатки пережженных костей, зольное пятно и следы охры.

В насыпи и под ней в культурном слое (толщиной до 0,3 м) встречены в большом количестве обломки керамики, кремневые орудия и многочисленные отщепы. Скопление кремня (210 отщепов) обнаружено в слое стоянки под насыпью в южной части сектора В.

Курган № 13 (высота — 0,75 м, диаметр — 10 м) распахан глубокими бороздами для посадки деревьев. На нем росли два небольших дуба. Курган раскопан до материка, но погребения не обнаружено. В насыпи найдены кремневый отщеп и обломок гладкостенного сосуда.

Курган № 15 (высота — 1 м, диаметр — 17 м) был расположен в восточной части группы. Насыпь состояла из желтовато-красноватого песка. В центре кургана на глубине 1 м обнаружено большое темное пятно могильной ямы. Расчистка показала, что погребение совершено в глубокой овальной яме, суживающейся книзу и ориентированной длинной стороной с северо-востока на юго-запад. Размеры ямы — $2,3 \times 1,8$ м при глубине 1,5 м (от вершины кургана — 2,5 м). В нижней части яма уменьшалась до размера $1,9 \times 0,6$ м.

На дне (в северном углу) обнаружен типичный среднеднепровского типа горшок с перехватом в средней части. Дно округлое с вдавлиной в центре, как на фатьяновских сосудах. Поверхность украшена поясами косых насечек, а внизу — рядом прямых насечек. Стенки тонкие, хрупкие, обжиг очень слабый, глина в изломе черная (рис. 32 — 4).

Каменный полированный, овальный в сечении клин из светло-зеленого камня, найденный рядом с сосудом, с одного бока немного зашлифован; лезвие испорчено (рис. 33 — 4).

На дне ямы найден также обломок неолитического сосуда с ямочным орнаментом.

Курган № 16 (высота — 0,67 м, диаметр — 18 м) расположен северо-восточнее кургана № 15. В насыпи обнаружено значительное количество кремневых отщепов, различных орудий и обломков керамики с ямочно-гребенчатым и шнуровым орнаментом, происходящих со стоянки. Под насыпью была неглубокая (0,5 м) яма прямоугольной формы со скругленными углами, вытанутая с запада на восток; вокруг нее по диаметру 6—6,1 м вырыта канавка шириной 0,3—0,5 м, глубиной 0,3—0,35 м, заполненная светло-серым грунтом, который хорошо выделялся на фоне желтого материкового песка.

Погребальный инвентарь (2 сосуда, кремневые орудия) находился в северо-западном углу могильной ямы. Первый сосуд круглодонный, с низким раздутым туловом и короткой прямой шейкой (рис. 32 — 5). Высота его — 14,2 см; диаметр тулова — 20,7 см, диаметр горла — 16 см, высота шейки — 2 см. На шейке — орнамент из совмещающихся сторонами заштрихованных треугольников, нанесенных отпечатками шнура. На плечиках — ряд заштрихованных равносторонних треугольников вершиной вниз. Поверхность заглажена; толщина стенок — 0,4 см; глина желтовато-коричневая. Край скошен внутрь и украшен короткими шнуровыми отпечатками. В Брасовском могильнике на р. Неруссе⁹ был найден схожий сосуд, который отличается от описанного выше только орнаментацией на шейке (косые насечки, в елочку).

Второй сосуд (рис. 32 — 6) — круглодонный, тонкостенный, с прямым высоким горлом. Тулово немного суживается в верхней части и затем переходит в прямую шейку. На шейке — орнамент из косых штрихов, нане-

⁹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИМК, вып. XVI, 1947, рис. 14 — 2.

сенных в 4 ряда; внизу — обрамление из ряда вертикальных коротких штрихов. Высота сосуда — 19,7 см, горла — 7,2 см; диаметр горла — $18,7 \times 20,3$ см, тулова — 20 см. Край сосуда скошен внутрь; поверхность красновато-коричневая, заглаженная.

Кремневый клиновидный топорик найден рядом с сосудами, у северной стенки ямы. Клин, линзовидный в сечении, изготовлен из серо-черного кремня с остатками корки на одной поверхности. Лезвие зашлифовано и по краям зазубрено (рис. 33 — 3).

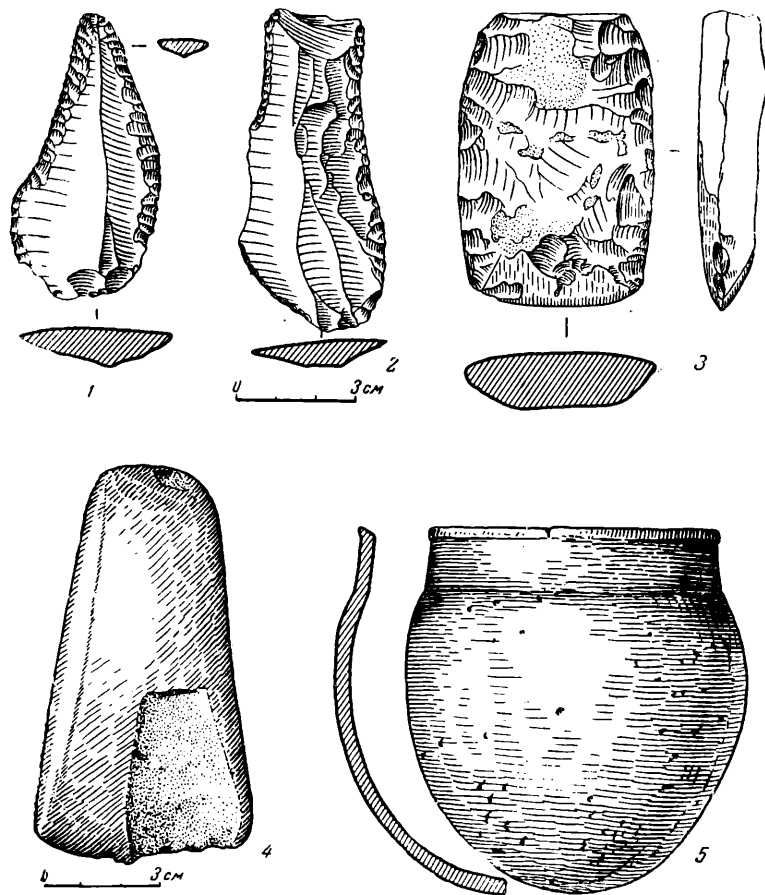

Рис. 33. Бельнецкие курганы. Инвентарь из погребений.

1 — кремневый нож (курган № 9, погребение 1); 2 — кремневый нож (курган № 16); 3 — кремневый топор (курган № 16); 4 — каменный топор (курган № 15); 5 — глиняный сосуд (курган № 9, погребение 3).

Юго-восточнее сосудов найдены 2 каменных терочника из уплощенных овальных камней; один (рис. 32 — 7) — из светло-серого камня, размеры его — $8 \times 5,7 \times 3,1$ см; в центре с двух сторон — углубления; второй — из зеленоватого камня с прожилками, углубление в центре только с одной стороны; плоской стороной терочник был положен вниз; размеры его — $9,2 \times 6,5 \times 3$ см (рис. 32 — 8).

Кремневый нож найден в центральной части ямы; длина его — 7,8 см, ширина — 3,5 см, толщина пластины — 0,4 см; ретушь нанесена с обеих сторон (рис. 33 — 2). На дне могилы обнаружен также резчик из темного кремня.

Курган № 19 (высота — 0,53 м; диаметр — 11 м) расположен в центральной части группы, северо-западнее большого кургана № 9. В насыпи, сильно попорченной, найдены обломки керамики, кремневые орудия и отщепы. Погребения не обнаружено, как и в курганах № 1 и 13.

В насыпи Бельинецких курганов в 1954 г., так же как и при предшествующих раскопках, собрано большое число фрагментов керамики и кремневых изделий, происходящих из стоянки, перекрытой курганами. Мате-

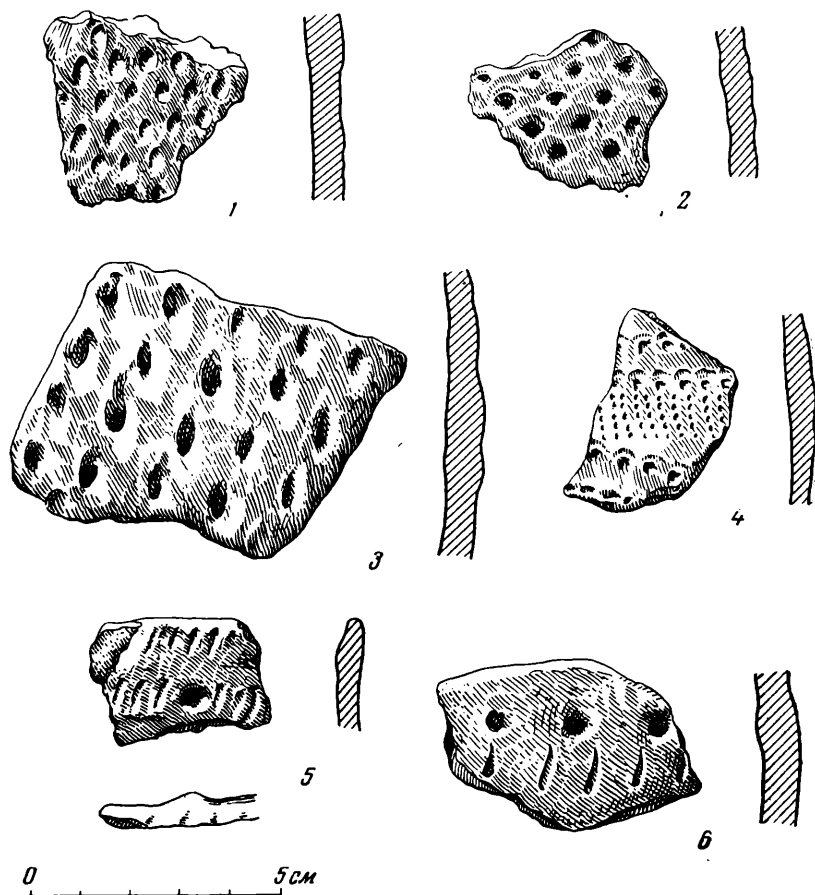

Рис. 34. Бельинецкие курганы. Керамика из насыпи.

1—3 — первая группа; 4—6 — третья группа.

риал стоянки, как показали раскопки М. Е. Фосс в 1954 г., одновременный, что согласуется с типологическим анализом находок в насыпях.

Керамику из насыпи можно разделить на 3 группы. Первая — наиболее многочисленная — представлена ямочно-гребенчатой керамикой. Преобладают фрагменты с узором из сплошных полей ромбических ямок, что типично для западной области распространения ямочной керамики, в том числе и для бассейна Десны¹⁰. Реже встречаются фрагменты с круглоямочным узором, с орнаментом из поясов ямок, перемежающихся с поясами косых гребенчатых отпечатков, и с гусеничным орнаментом. Преобладание керамики с одним ямочным орнаментом свидетельствует об относительно

¹⁰ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне, рис. 7—7.

раннем ее возрасте, определяющемся, вероятнее всего, второй половиной III тысячелетия до н. э. Это заключение подтверждается тем, что стоянка перекрыта курганами, датированными началом II тысячелетия до н. э. (рис. 34 — 1—3).

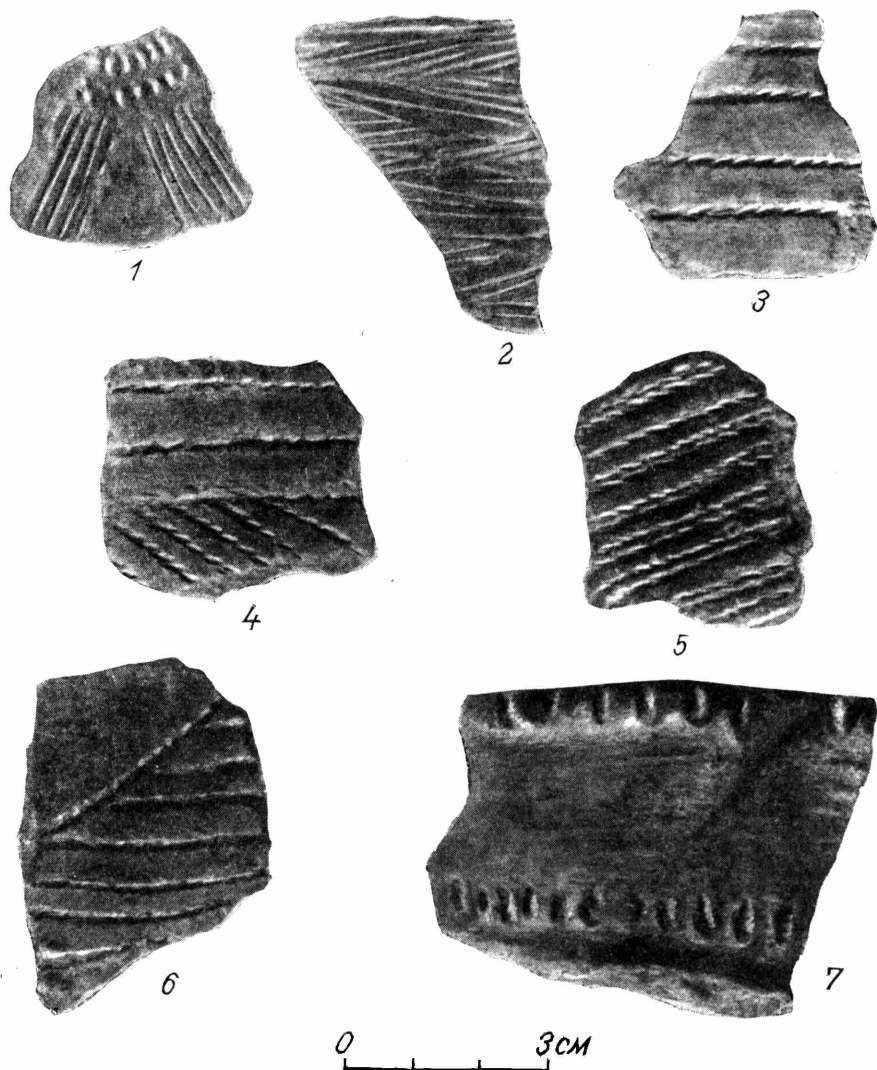

Рис. 35. Бельнецкие курганы. Керамика из насыпи.
1—7 вторая группа.

Вторая группа керамики, несколько меньшая по объему, очень близка керамике из самих курганов. К ней относятся фрагменты со шнуровым орнаментом в виде заштрихованных треугольников, с нарезным елочным узором и т. д. Эта керамика связана со стоянкой среднеднепровской культуры, видимо, непосредственно предшествовавшей насыпке курганов, принадлежащих той же культуре (рис. 35 — 1—7).

Всего несколькими фрагментами представлена в коллекции керамика третьей группы, с сильно истертой поверхностью и с орнаментом в виде пояса глубоких округлых вдавлений («жемчужин»). Как неоднократно про-

слежено на Десне, эта керамика близка сосудам поздняяковского типа; она моложе и ямочно-гребенчатой, и среднеднепровской и относится к периоду не древнее конца II тысячелетия до н. э.¹¹ (рис. 34 — 4—6).

Кремневые изделия из насыпей курганов в основном должны быть связаны с ямочно-гребенчатой керамикой. Они дают типичный для деснинского пережиточного неолита набор изделий (рис. 36). Таковы округлые скребки на отщепах, удлинённые концевые скребки высокой формы и, особенно, двусторонне обработанные треугольные клинышки (4 экземпляра)¹². Интересна находка 2 изделий мезолитического типа — обломка черешкового наконечника стрелы из ножевидной пластины и орудия в виде высокого асимметричного треугольника. Орудия последнего типа, являющиеся, вероятно, наконечниками с поперечным лезвием, типичны для памятников бассейна Десны конца мезолита — начала неолита¹³. Отметим также, что количество ножевидных пластин в коллекции относительно велико. Среди других находок в насыпях — 3 отжимника на пластинах, 1 отбойник, многочисленные кремневые отбросы изготовления орудий из местного мелового сеноманского кремня.

К этому же комплексу должны быть отнесены обнаруженные при предшествующих раскопках листовидные двусторонне обработанные наконечники дротиков¹⁴, которые представлены лишь обломками. Целые наконечники стрел из находок 1954 г. (4 экземпляра), вероятно, следует связывать со слоем среднеднепровской культуры. Это совершенно необычные для пережиточного неолита тонкие плоские черенковые наконечники с двусторонней обработкой и характерными удлинёнными фасетками на краях. Такие же наконечники найдены и в курганах.

Коллекция кремневых изделий из насыпи Бельнецких курганов подтверждает относительно раннюю датировку комплекса с ямочно-гребенчатой керамикой на стоянке, так как облик изделий из камня архаичен и во многом близок облику ранних находок докерамического периода со стоянок типа Песочного Рва¹⁵.

В 1954 г. к востоку от Бельнецких курганов, по дороге в дер. Неготино, в лесу обнаружена новая курганная группа из 8 небольших насыпей, расположенных на краю боровой террасы левого берега Десны, что позволяет предположительно их отнести к бронзовому веку.

Интересные сведения о курганах бронзового века на территории лесной дачи известного русского поэта Ф. И. Тютчева на левом берегу р. Десны (у дер. Дядьковичи Жуковского района) мы находим в краткой заметке о раскопках брянского краеведа С. А. Чуева летом 1901 г. С. А. Чуев раскопал траншеей один из 9 курганов высотой 1,7 м. В центре под насыпью найден лепной сосуд с орнаментом в верхней части. Стенки горшка тонкие, край немного отогнут наружу, обжиг очень слабый. Размеры горшка: высота — 6,5 см, диаметр по дну — 9 см. Сосуд распался на мелкие части при извлечении из грунта. В погребении обнаружены также небольшой каменный, со сверлиной молоток из серо-белого порфира, кремневый нож и топор, долото и 8 кремневых обломков-скребков. Описание С. А. Чуева не оставляет никаких сомнений в том, что им раскопан курган бронзового века¹⁶.

¹¹ В. П. Левенюк. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, рис. 30.

¹² Ср. И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., рис. 46 — 19, 20.

¹³ М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на р. Десне. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, рис. 9 — 1—3.

¹⁴ В. В. Кропоткин. Указ. соч., рис. 23 — 15, 16, 18.

¹⁵ М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Указ. соч.

¹⁶ «Результаты раскопок, произведенных в Брянском уезде Орловской губернии летом 1901 года членом Орловской ученой архивной комиссии С. А. Чуевым». ТОУАК за 1901 и 1902 гг. Орск, 1903, стр. 5—7; ДАК, 1903, № 90.

На стоянке у дер. Дядьковичи, по сведениям С. А. Чуева, найдены предметы, относящиеся к эпохе бронзы: бронзовый нож, 2 кремневых топора и 2 молотка (один — из порфира, другой — из нефрита)¹⁷. К сожалению, все попытки найти эти курганы на местности не увенчались успехом. В мае 1955 г. в поселке Белые Берега, Брянского района обнаружен новый интересный могильник бронзового века. Во время работы земснаряда на берегу озера были размыты древние погребения, в которых найдены 2 клиновидных кремневых топора и 2 сосуда среднеднепровского типа. По описанию В. А. Падиной, один из сосудов был колоколовидный, с округлым дном и удлиненной шейкой, на которой нанесен шнуровой орнамент из горизонтальных линий¹⁸.

На территории Белорусской ССР известно мало находок бронзового века. Тем больший интерес представляет могильник, открытый на р. Сож близ д. Стрелица Светиловичского района Гомельской области, где при раскопках на стоянке обнаружено несколько погребений с трупосожжением. Инвентарь состоял из колоколовидных, среднеднепровского типа, сосудов с округлым дном, ладьевидных каменных топоров, клиновидных кремневых топоров, бронзового ножа, костяного браслета и янтарной бусины больших размеров¹⁹. В 1954 г. при разработке песчаного карьера на левом берегу р. Нача близ д. Велячицы Борисовского района Минской области было разрушено погребение, датирующееся бронзовым веком. Скелет уничтожен при выборке песка. А. Г. Митрофанову удалось обнаружить два кремневых клиновидных топора и большой каменный ладьевидный топор с плоским, несколько округленным обухом (длина топора 20,3 см, ширина — 6 см, толщина — 3,2 см)²⁰.

Обратившись к анализу погребальных обрядов и инвентаря Бельнецких курганов, мы в первую очередь должны отметить два различных обряда.

Наряду с труположением в яме и на горизонте, в большом кургане (№ 9) обнаружены остатки трупосожжения. Каменный топор, найденный около пережженных костей, имеет трещину от действия огня. В кургане № 3 открыты следы большого костра, разложенного над могильной ямой²¹.

Формы каменных топоров и наконечники стрел связывают инвентарь Бельнецких курганов с аналогичными находками из могильника у дер. Велячицы в Белоруссии и из могильников московской группы фатьяновской культуры (Детчино, Иванова Гора, Большое Буньково). С другой стороны, курганный обряд погребения, отмеченный на ряде памятников этого времени на верхней Десне, и обряд трупосожжения не позволяют относить Бельнецкий курганный могильник к фатьяновской культуре. Заселение верхней Десны и междуречья Оки и Волги произошло в эпоху ранней бронзы, по-видимому, из различных областей. Памятники ранней бронзы на верхней Десне, известные ныне уже по ряду находок, следует сопоставлять с днепро-деснинской группой находок — памятниками культуры шнуровой керамики на территории Белоруссии²². Комплекс находок Бельнецких курганов и другие аналогичные памятники на верхнем Днепре и Десне

¹⁷ Там же, стр. 5 и сл.; А. Спицын. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. ЗОРСА, VII, вып. 1, 1905, стр. 75.

¹⁸ В. А. Падин. Археологические находки. «Брянский рабочий», 26 августа 1955 г. № 168 (9342); см. также СА, 1957, № 4, стр. 284. Вещи поступили в Трубчевский краеведческий музей.

¹⁹ Раскопки Е. Г. Галановой. Материал поступил в Гомельский краеведческий музей.

²⁰ Статья А. Г. Митрофанова — см. «Червоная Змена», 18 апреля 1954 г., № 77 (4173), рис. 1, 2. (каменный и кремневый клиновидный топоры). Приношу глубокую благодарность А. Г. Митрофанову за ценные сведения об этой интересной находке.

²¹ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 54—56.

²² Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 14.

относятся к последним столетиям III тысячелетия и первой половине II тысячелетия до н. э. Бельнецкие курганы, видимо, одновременны наиболее ранним могильникам фатьяновской культуры и памятникам типа Стретовки на среднем Днепре²³.

Приложение

Сверленные и клиновидные топоры из Бельнецких курганов

№ п. п.	Тип	Длина, см	Наибольшая ширина, см	Диаметр сверлины, см	Толщина, см	№ кургана и № погребения (в янменателе)	№ рисунка	Примечания
1	Лопастно-хордовый . . .	15	7	2.3	3.7	2	—	—
2	Лопастный . . .	14.2	6	1.8	—	3	—	—
3	Обушковый . .	10	5	2.5	—	4	—	—
4	Клиновидный	7	3.5	—	—	2	—	Овальный в сечении
5	"	7.8	4.5	—	1.8	3	—	Прямоугольный в сечении
6	"	13.5	5	—	3	3	—	То же
7	"	7.5	4.4	—	1.5	4	—	Линзовидный в сечении
8	Узкообушковый	10.5	6.2	3.6	2.6	9/1	Рис. 32-1	Длина лезвия — 2.4 см
9	Ладьеvidный	16.2	6.7	2.4	3.3	9/2	Рис. 32-2	Длина лезвия — 3 см
10	Клиновидный	9.6	5.2	—	2.4	15	Рис. 33-4	Овальный в сечении
11	"	7.2	4.6	—	1.5	16	Рис. 33-3	Линзовидный в сечении

²³ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 35 и сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 33; A. Häuser. Die kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrusslands am Ende der jüngeren Steinzeit. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität, Halle—Wittenberg. Jahrgang V, H. 1, Halle—Saale, 1955, стр. 69 и сл.; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 215 и сл.; A. J. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archeologie. Acta Archaeologica, vol. XXV, Kobenhavn, 1954, стр. 309—321.

И. К. ЦВЕТКОВА

СТОЯНКА ЧЕРНАЯ ГОРА

Стоянка Черная Гора находится в Спас-Клепиковском районе Рязанской области, в 1 км к востоку от с. Русаново, на правом берегу р. Пры. По берегу на расстояние около 4 км тянется гряда высоких песчаных дюн. Дюна, на которой расположена стоянка, выделяется несколько большей высотой и черным цветом обнаженного распашкой культурного слоя. Протяженность культурного слоя по берегу реки — около 150 м, ширина — 75 м.

Стоянка, как выяснилось позже, открыта в 20-х годах О. Н. Бадером; в 1951—1952 гг. обследована автором¹. Со слов местного населения было известно, что на дюне выпаживаются человеческие кости. При осмотре разбросанные кости обнаружены в северо-восточной части дюны, где и был заложен раскоп I размером 48 кв. м (рис. 37).

В юго-восточной стенке раскопа выявлены следующие напластования: под пахотным слоем (0,2 м) залегал песок темно-бурого цвета (0,2—0,85 м); ниже по всем участкам шла узкая полоса (0,15 м) интенсивно-черного углистого песка, ниже которой лежал заплывами серый песок (слой — от 0,1 до 0,6 м); еще ниже начинался светлый подстилающий песок. Находки встречались в большом количестве в слое до интенсивно-черной полосы; в ней и ниже были лишь единичные находки.

На раскопе обнаружены 3 небольших скопления рыбьей чешуи и костей, скопление костей животных и 2 погребения, разрушенных распашкой (см. рис. 37). Погребение 1 находилось на глубине 0,15 м от поверхности (участок 8). Здесь были разбросаны в полном беспорядке кости, вероятно, от 3 скелетов, среди которых найдена костяная полированная привеска в виде схематического изображения человека и 8 привесок из зубов животных. Погребение 2 (участок 10) вскрыто на глубине 0,2 м; от него сохранилось небольшое количество костей, лежавших в полном беспорядке. Никаких вещей не найдено. В распаханном культурном слое, в котором находились оба погребения, невозможно было проследить очертания могильных ям.

Раскоп II площадью 36 кв. м был заложен в центральной части дюны, в 28 м к юго-юго-востоку от раскопа I. На всех участках под пахотным слоем шел однородный культурный слой, представляющий собой песок темно-серого, почти черного цвета, мощностью 0,6—0,9 м; ниже — светлый подстилающий песок. На участке 1, на глубине 0,8 м обнаружено сравнительно хорошо сохранившееся погребение 3. Скелет лежал на левом боку,

¹ Раскопок стоянки О. Н. Бадер не производил, материалы обследования не опубликованы. Об открытии стоянки мне не было известно, и она была мною открыта заново.

в слабо скорченном положении, с руками перед лицом, головой на восток. У головы был поставлен раздавленный небольшой плоскодонный глиняный сосудик баночной формы. Очертаний могильной ямы проследить не удалось. Погребение находилось на границе культурного слоя со светлым подстилающим песком. На участках 2 и 3, также на границе слоя светлого песка, обнаружены несколько человеческих костей, лежавших в беспорядке. На участках 7 и 8 встречено большое скопление костей животных, птиц и рыб.

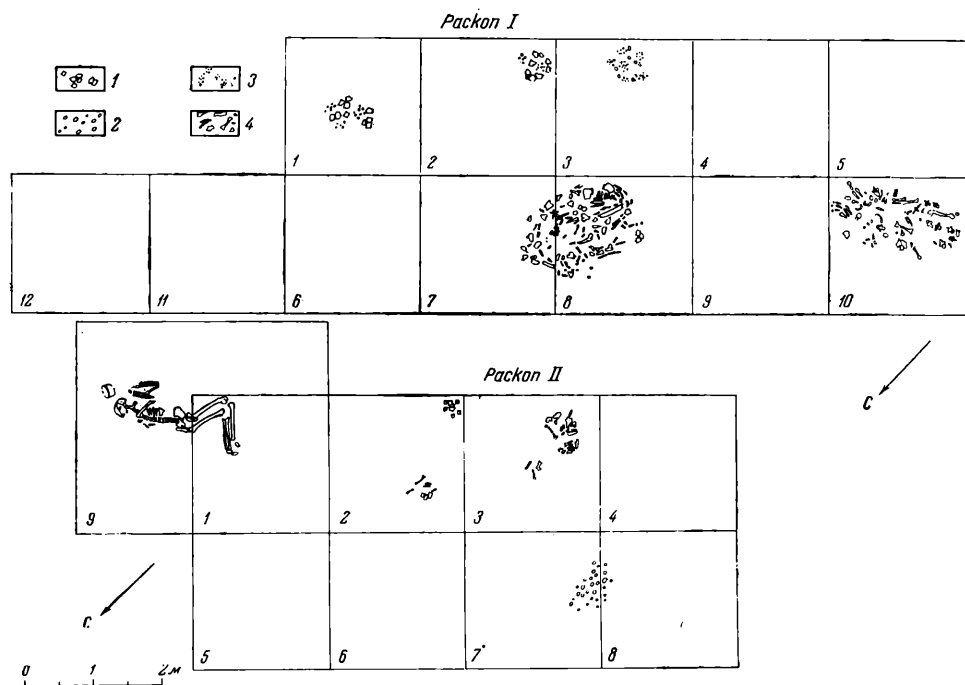

Рис. 37. Планы раскопов I и II на стоянке Черная Гора.

1 — скопление керамики; 2 — кости животных; 3 — рыба; чешуя; 4 — человеческие кости.

Материал, собранный при раскопках стоянки Черная Гора, состоит из керамики, кремневых и костяных орудий и украшений и огромного количества костей животных, птиц и рыб.

Керамика типологически делится на 3 группы. К первой относятся обломки круглодонных сосудов с ямочным и ямочно-зубчатым орнаментом, сделанные из глины с примесью мелкотолченой дресвы. Характерным признаком сосудов является утолщенный венчик, повторяющийся почти на всех обломках шеек (рис. 38 — 1—3). Вся поверхность сосудов покрыта орнаментом, наиболее распространенный элемент которого — неглубокая ямка неправильно-округлой или овальной формы. Часто такими ямками бывают покрыты вся поверхность и даже дно сосудов (рис. 38 — 2, 4); нередко ямки образуют ряд треугольников или располагаются 2—3 горизонтальными поясками (рис. 38 — 3). Встречаются и другие элементы орнамента: отиски зубчатого штампа, полулунные вдавления (рис. 38 — 1), нарезки (рис. 38 — 2). Эта керамика — основная для раскопа I. Она составляет 83% всей керамики; в раскопе II ее всего 20%.

Ко второй группе принадлежат толстостенные сосуды из глины с примесью толченых раковин. Таких фрагментов собрано немного. Чаще они попадались в раскопе I; в раскопе II находки их единичны. Элементы

орнамента и орнаментальные рисунки на сосудах в большинстве случаев характерны для керамики рязанской культуры. Встречаются, например, ямчатые вдавления с зубчиками внутри (рис. 38—7); обломки сосудов из глины с примесью раковин, покрытые совершенно таким же ямчным орнаментом, как сосуды описанной выше первой группы (рис. 38—6). Есть также орнаментальные рисунки, типичные для керамики волосовской культуры, — например сетка, образованная оттисками зубчатого штампа или нарезкой (рис. 38—5). Элементы орнамента и узоры, типичные для посуды волосовской культуры, встречаются на сосудах, относящихся к первой группе, — например оттиски рамчатого штампа (рис. 38—3). Своеобразие керамики второй группы, найденной на стоянке Черная Гора, заключается в сочетании признаков, характерных для комплексов, относящихся к волосовской и рязанской культурам.

Третья группа керамики несколько отличается от первой и второй. Сосуды этой группы сделаны из глины с примесью небольшого количества мелкоотделенной дресвы, а иногда с растительной примесью. Сосуды плоскодонные или с уплощенным дном; края чаще прямые, иногда отогнутые наружу; в нескольких случаях край утолщенный, как на сосудах первой группы (рис. 38—9). Внешняя поверхность тщательно сглажена; на внутренней часто заметны следы штриховки, нанесенной зубчатым штампом. Орнамент чаще покрывает всю внешнюю поверхность сосудов; иногда он нанесен только по венчику или располагается разделенными друг от друга зонами либо поясками. Орнамент в большинстве случаев зубчатый; встречаются и другие элементы: ямчатые вдавления, нарезка, оттиски веревочки и перевитого шнура. Из орнаментальных рисунков чаще всего попадаются горизонтальный зигзаг или косые полосы (рис. 38—9, 11, 12); наносился и настоящий елочный узор (рис. 38—8).

Интересно отметить обломок верхней части сосуда, сделанного из глины с примесью мелкоотделенной дресвы; край прямой; на внутренней поверхности хорошо заметны следы заглаживания зубчатым штампом, а внешняя была сглажена до блеска (в настоящее время черепок затерт и заметны только следы заглаживания). Орнамент, сохранившийся лишь частично, очень своеобразен: он состоит из оттисков веревочки, намотанной на палочку, и воспроизводит человеческую фигуру, выполненную крайне схематично. Нога и рука фигурки сохранились только частично. Рядом, видимо, была другая такая же фигурка, от которой уцелела только рука. Ниже ног идет длинная горизонтальная полоса, образованная оттисками того же штампа (рис. 38—10). Вероятно, такие фигурки опоясывали все горло сосуда.

К третьей группе керамики принадлежит сосуд, найденный при погребении 3 (рис. 39—9). Он — баночной формы, плоскодонный, высотой 11 см. Верхняя часть сосуда отбита. Внешняя поверхность заглажена, на внутренней заметны следы штриховки, полученной в результате заглаживания зубчатым штампом. Вылеплен сосуд крайне небрежно; также небрежно нанесен орнамент, расположенный только в верхней части сосуда. Орнамент состоит из пояска округлых ямчатых вдавлений и мелких ямчатых вдавлений, сделанных, вероятно, концом щепки и образующих узор в виде треугольников.

Следует отметить также 4 обломка сосудов фатьяновского типа, с характерным профилем и лощеной поверхностью, с орнаментом в виде оттисков мелкозубчатого штампа (рис. 38—13, 14).

Кремневые орудия стоянки Черная Гора довольно разнообразны: скребки из массивных отщепов (рис. 39—3); ножи из пластинчатых отщепов; нож с сильно изогнутым лезвием, приближающийся по форме к серповидным (рис. 39—6); сверла из отщепов (рис. 39—7); резчики, один из них с отполированным рабочим концом (рис. 39—8). Интересны

Рис. 38. Керамика со стоянки Черная Гора.

1—7 — из нижнего горизонта; 8—14 — из верхнего горизонта.

наконечники стрел: треугольной формы с длинным узким черешком (рис. 39—1) и треугольной формы с шипами, также с длинным черешком (рис. 39—2). Из полированных орудий найдено только небольшое тесло со скошенным рабочим лезвием (рис. 39—4).

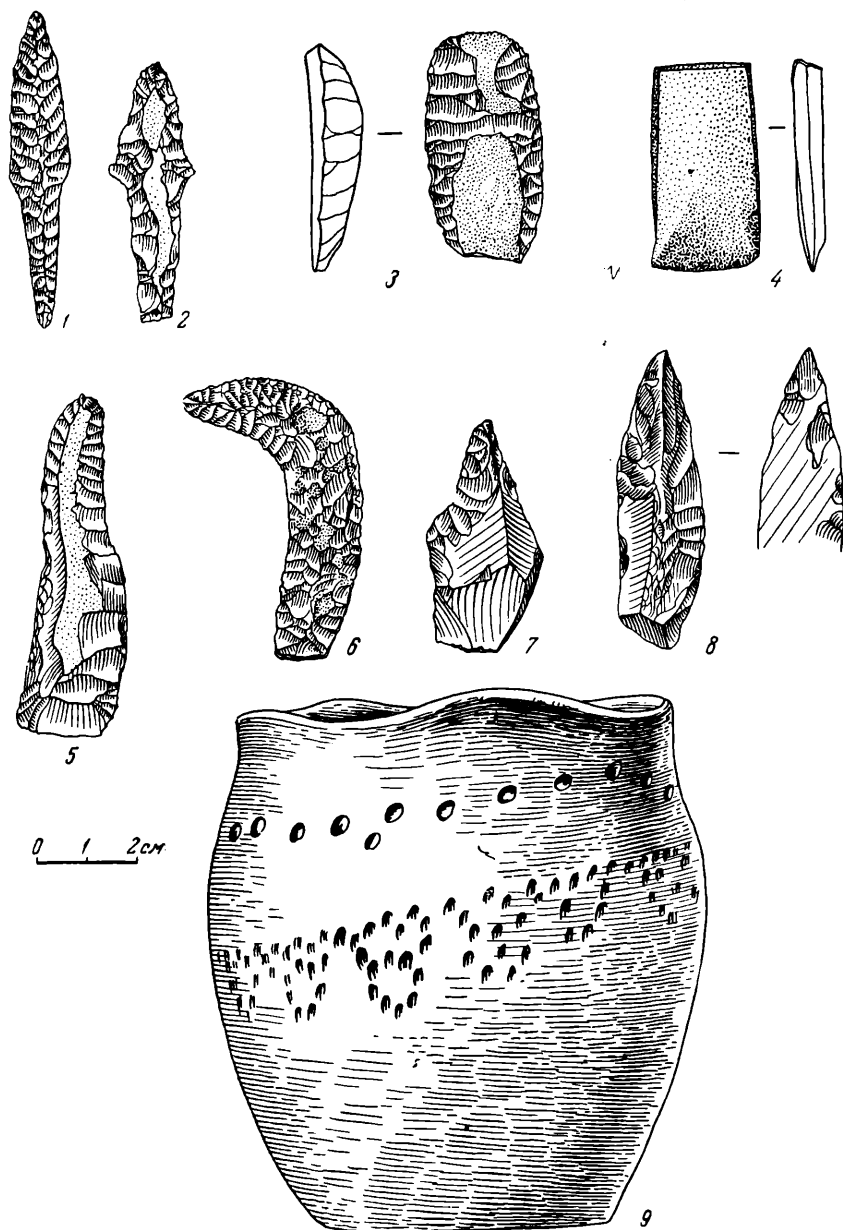

Рис. 39. Находки со стоянки Черная Гора.

1, 2 — кремневые наконечники стрел; 3 — скребок; 4 — тесло; 5, 6 — ножи; 7 — сверло; 8 — резчик; 9 — глиняный сосуд из погребения 3.

Очень интересны собранные при раскопках многочисленные костяные орудия и украшения прекрасной сохранности. В числе их — шилья различной величины с рабочими концами разной толщины (на некоторых из них сделаны нарезки для обматывания рукоятки веревкой; рис. 40—6, 7);

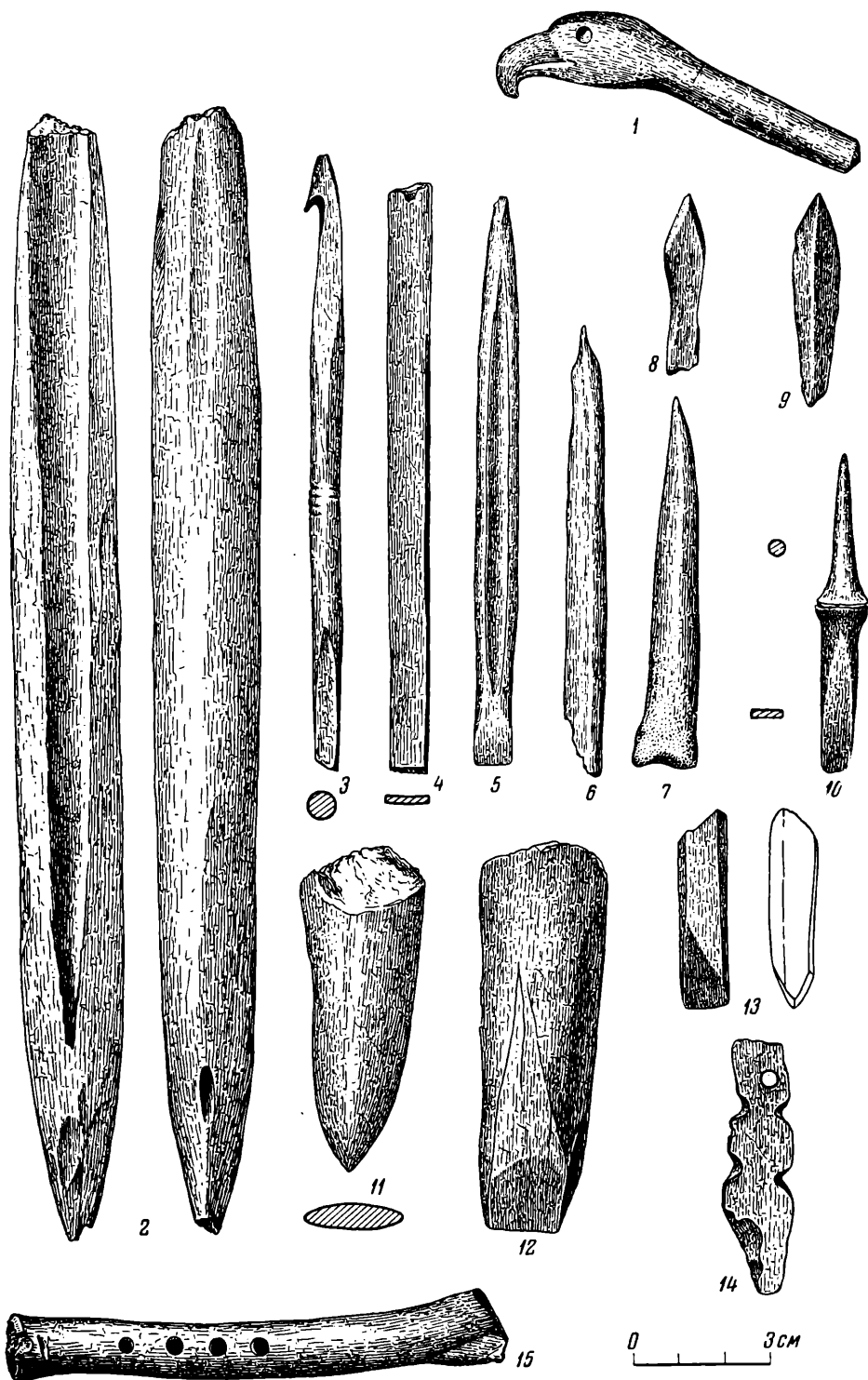

Рис. 40. Костяные изделия со стоянки Черная Гора.

1 — изображение головы птицы; 2 — кинжал; 3 — вязальный крючок; 4 — пластина; 5 — штамп; 6, 7 — шила; 8—10 — наконечники стрел; 11—13 — тесла; 14 — фигурка из клыка кабана; 15 — дудочка-манок.

наконечники стрел листовидной и треугольно-черешковой формы (рис. 40—8, 9); наконечник стрелы с конической головкой и плоским лопаткообразным черешком (рис. 40—10); много костяных тесел различной величины, среди них—тесла со скошенным рабочим лезвием (рис. 40—12, 13) и треугольным рабочим краем (рис. 40—11).

Обнаружен кинжал с заостренным треугольным концом (длиной 24,5 см), сделанный из ребра лося (рис. 40—2). Следует также отметить 2 костяных штампа для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Оттиски этих штампов соответствуют ямчатым вдавлениям на некоторых обломках сосудов, относящихся к первой группе (рис. 40—5). Найдены тонкая костяная пластинка (рис. 40—4),—вероятно, часть какого-то предмета, и костяной крючок с закругленным на конце зубцом и длинным черешком, на котором три поперечные нарезные полоски (рис. 40—3). Это, несомненно, вязальный крючок.

Одной из наиболее интересных находок на стоянке можно считать обнаруженную в раскопе I костяную дудочку длиной 10,5 см, сделанную из трубчатой кости птицы; на одной из сторон дудочки—4 округлых отверстия (рис. 40—15). Вероятно, она была не музыкальным инструментом, а служила как манок при охоте на птиц.

На стоянке собрано большое количество костяных украшений. Наиболее многочисленную группу составляют привески, сделанные из зубов животных, с отверстием или зарубкой для подвешивания; в следующую группу входят небольшие овальные плоские, реже—выпуклые привески с гладко отполированной поверхностью, с просверленным отверстием; встречаются привески из мелких косточек с отверстием и небольшие привески из распиленных трубчатых косточек птиц и мелких животных. Отметим также круглую бляшку с гладко отполированной поверхностью.

Наиболее интересна привеска из кабаньего клыка (найденная среди костей разрушенного погребения 1), схематически изображающая человеческую фигуру (рис. 40—14). С одной стороны сохранена естественная поверхность клыка, другая сторона опилена и отполирована; также опилены и отполированы верхний и нижний концы клыка. Длина привески—5,5 см. Человеческая,—вероятно, женская,—фигурка изображена в профиль, может быть,—в сидячем положении. О профильном изображении свидетельствует явная асимметрия фигурки. По бокам—4 надреза: два верхних образуют шею, выделяя голову, спину и грудь; нижние образуют бедра. Ноги не намечены. Голова—неправильно-округлой формы, сверху уплощенная. Просверленное отверстие для привешивания сдвинуто к месту, где должен находиться глаз, что еще сильнее подчеркивает профильность изображения. Мне не известны подобные костяные фигурки. Однако схематические фигурки человека—это наиболее многочисленная группа среди кремневых скульптурных изображений, относящихся к эпохе неолита².

Самой замечательной находкой на стоянке Черная Гора мы считаем скульптурное изображение головы птицы, сделанное очень тщательно из кости. Оно профильное, двустороннее. Голова слегка уплощена; чуть заметная грань в верхней части клюва отделяет его от головы; тщательно высверленные сферические округлые ямки образуют глаза. Голова переходит в стержень, округлый в сечении, с закругленным концом (рис. 40—1). Загнутый крючкообразный клюв и круглые глаза, несомненно, передают типичные черты хищной птицы. По определению С. М. Успенского, это орел-беркут. Изображения птиц, сделанные из кремня и кости, известны на многих неолитических стоянках. Наиболее близкой аналогией скульптуре, найденной на стоянке Черная Гора, может служить костяное

² С. Н. З а м я т н и н. Миниатюрные кремневые скульптуры. СА, X, 1948.

скульптурное изображение головы лебедя с Волосовской стоянки³. Это изделие отличается той же тщательностью обработки, той же простотой и реалистичностью. Можно предположить, что такие изображения имели ритуальное значение.

Стоянка Черная Гора принадлежит к памятникам рязанской культуры⁴, о чем свидетельствуют две основные группы керамики — первая и третья. Керамика первой группы известна в большом количестве на Владычинской стоянке, где она является единственной, характеризующей нижний горизонт культурного слоя⁵. На некоторых других памятниках рязанской культуры эта керамика встречается в небольшом количестве. А. Я. Брюсов, описывая сосуды, характерные для рязанской культуры, не останавливается на этом типе. Гребенчатую керамику (описанную выше в составе третьей группы) А. Я. Брюсов считает характерной для второго этапа развития рязанской культуры⁶.

Характеристика этапов развития рязанской культуры не входит в задачи настоящей работы. Однако мне придется очень кратко и схематично объяснить здесь свою точку зрения по этому вопросу, которая несколько расходится с точкой зрения А. Я. Брюсова. К первому этапу развития рязанской культуры я отношу такие памятники, как, например, нижний горизонт культурного слоя стоянок Владычинской и Черная Гора, характеризующийся ямочно-зубчатой керамикой (типа посуды первой группы, описанной выше). Этот этап может быть датирован концом III тысячелетия — началом II тысячелетия до н. э. К тому же времени относится материал погребения, обнаруженного на Владычинской стоянке⁷, в котором встречен бронзовый браслет унетицкого типа, датированный началом второй четверти II тысячелетия до н. э. Это погребение, вероятно, следует связывать с верхним горизонтом культурного слоя стоянки. Таким образом, дата нижнего ее горизонта, естественно, должна быть несколько древнее. Такие памятники, как, например, стоянка Черепки у дер. Дубровичи⁸ и некоторые другие, относятся ко второму этапу развития рязанской культуры и характеризуются зубчатой керамикой с преобладанием веревочного орнамента. Подобные памятники встречаются в районе рязанского течения Оки. В районе течения р. Пры во второй четверти II тысячелетия до н. э. происходило проникновение племен — носителей волосовской культуры, свидетельством которого является верхний горизонт культурного слоя Владычинской стоянки и стоянки Коренец⁹.

Третий этап развития рязанской культуры датируется третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Этой дате не противоречит материал верхнего горизонта культурного слоя стоянки Черная Гора, где были найдены такие предметы, как костяной наконечник стрелы с конической головкой удлиненной формы и коротким плоским черешком, кремневые наконечники

³ Из сборов П. П. Кудрявцева. Хранится в ГИМ.

⁴ Рязанская культура впервые выделена А. Я. Брюсовым в его работе «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». М., 1952.

⁵ Владычинская стоянка исследована в 20-х годах О. Н. Бадером, но материал раскопок не опубликован. Мною просмотрены коллекции, собранные на Владычинской стоянке, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и в Рязанском областном музее. Мне представляется, что на основании имеющегося материала можно говорить о двух горизонтах культурного слоя или о двух этапах заселения стоянки — сначала племенами — носителями рязанской культуры, а затем племенами волосовской культуры (И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953).

⁶ А. Я. Брюсов. Указ. соч.

⁷ О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. Вестник древней истории, 1939, № 3.

⁸ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки. Труды XII АС, т. I, 1905. Коллекция хранится в ГИМ.

⁹ Коллекция со стоянки Коренец из сборов В. Леонова и У. Монастырева хранится в ГИМ.

стрел с длинным узким черешком и наконечники стрел с намечающимися шипами. Для этого этапа характерна гребенчатая керамика (третьей группы стоянки Черная Гора). Памятники типа Алкановской стоянки¹⁰, принадлежащие, по мнению А. Я. Брюсова, к третьему этапу развития рязанской культуры, относятся к поздняяковской культуре¹¹ и датируются концом II тысячелетия—началом I тысячелетия до н. э.

Следуя такой периодизации, нижний горизонт культурного слоя стоянки Черная Гора нужно относить к первому этапу развития рязанской культуры, верхний горизонт—к третьему. Перерыв в заселении стоянки во второй четверти II тысячелетия до н. э., вероятно, объясняется проникновением в район течения р. Пры волосовских племен. Находки на стоянке керамики волосовского типа, по-видимому, следует связывать с нижним горизонтом культурного слоя. В это время, т. е. в начале II тысячелетия до н. э., племена волосовской культуры еще не расселились в район течения р. Пры. Однако связи племен—носителей волосовской и рязанской культур были. Вероятно, в данном случае можно согласиться с гипотезой А. Я. Брюсова о существовании экзогамных браков¹². Такое предположение подтверждается отмеченным выше сочетанием на одних и тех же сосудах признаков, характерных и для волосовской, и для рязанской культур.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о единичных находках керамики фатьяновского типа. Такие же находки известны на некоторых других памятниках рязанской культуры. Они встречаются также на территории распространения волосовской культуры и свидетельствуют о существовании каких-то сношений окских неолитических племен с племенами фатьяновской культуры. Однако характер этих сношений в настоящее время остается невыясненным.

¹⁰ Раскопки В. А. Городцова. Коллекция хранится в ГИМ.

¹¹ Поздняковская культура выделена О. Н. Бадером (О. Н. Бадер. Указ. соч. Материалы памятников этой культуры не изданы).

¹² А. Я. Брюсов. Указ. соч.

В. М. РАУШЕНБАХ

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ШИГИРСКОМ ТОРФЯНИКЕ

Многочисленные материалы с Шигирского торфяника, позволившие возникнуть в свое время понятию «шигирская культура», были получены, как известно, не в результате научно поставленных раскопок. Собрано более 3000 различных предметов — костяных наконечников стрел, изделий из дерева, керамики и орудий из камня, но все эти вещи найдены случайно, во время добычи золота; поэтому сохранились главным образом те, которые привлекли особое внимание рабочих. Естественно, что при таком методе сбора навсегда утеряны данные о стратиграфии и группировке находок в комплексы. Скудные и неполные сведения о стратиграфическом положении единичных вещей были тщательно собраны В. Я. Толмачевым¹, но их оказалось так мало для каких-либо надежных выводов, что В. Я. Толмачев в своей работе не пытался дать даже относительной датировки находок с Шигирского торфяника. После проведенных за последние 25—30 лет систематических раскопок на торфяных стоянках Среднего Зауралья возникла возможность анализа шигирских находок сопоставлением их с комплексами вещей, принадлежащих горбуновской культуре.

Попытка такого сопоставления была сделана нами² путем типологического анализа и привлечения данных пылецевого анализа торфа. Изучению мы подвергли в основном различные костяные изделия — наконечники стрел, гарпуны, кинжалы и наконечники с вкладышами. Вещи этих типов не были найдены ни в одном из хорошо исследованных соседних памятников, датирующихся с середины III тысячелетия по конец II тысячелетия до н. э.; поэтому возникло предположение о возможности датировать эту категорию вещей более древним временем. Ряд соображений, приведенных в нашей работе³, позволил назвать IV—V тысячелетия до н. э. в качестве примерной даты существования шигирской культуры, характеризующей упомянутыми изделиями из кости. Вполне понятно, что эта датировка, как и другие выводы о шигирских находках, остаются предположительными до тех пор, пока не будут проведены научно поставленные раскопки на Шигирском торфянике.

В связи с изложенным особый интерес вызывают новые находки, сделанные на Шигирском торфянике в 1956 г.

¹ В. Я. Толмачев. Древности Восточного Урала. ЗУОЛЕ, т. XXXIV, вып. 8, ч. II, Екатеринбург, 1914.

² В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29, 1956, стр. 86—107.

³ Там же.

Летом 1956 г. при обследовании Шигирско-Калитинского торфяника и его побережий обнаружены археологические предметы в двух пунктах на территории бывшего Язевского прииска, расположенного в 2 км к востоку от современного торфяного поселка.

Первая Язевская стоянка открыта при шурфовке на месте найденных нами в штабелях просушивающегося торфа обломков керамики, вторая — обнаружена рабочими при добыче торфа. На месте первой Язевской стоянки были заложены 3 рекогносцировочных шурфа размером 2×2 м.

Во всех 3 шурфах наблюдалась следующая стратиграфия: от 0 до 0,32 м — осоковый торф, 0,32—0,82 м — моховой торф, 0,82—1,6 м — древесный торф, ниже — слой сапропеля. С глубины 0,25—0,3 м начинался слой вечной мерзлоты, достигавший мощности 0,3—0,4 м. Находки лежали примерно на глубине 0,8 м, но не доходили до слоя сапропеля⁴.

Как обычно при раскопках торфяниковых стоянок, в культурном слое встречено большое количество веток, обломков палок со следами обработки, щепы и кусков обгорелого дерева. Находок на этой стоянке пока очень немного. Не исключено, что основная площадь поселения располагалась на месте разреза и большая часть его уже уничтожена разработками.

Керамика с первой Язевской стоянки очень плохо сохранилась. Обычно это обломки сосудов, изготовленных из серой болотной глины с примесью гальки, дресвы и пластинок слюды. Один черепок принадлежал сосуду с прямым краем и небольшим напылом на внутренней поверхности. Внешняя сторона черепка покрыта волнистым орнаментом, выполненным протягиванием палочки (рис. 41—3); поверхность другого черепка орнаментирована сравнительно крупными треугольниками, состоящими из оттисков гребенчатого штампа (рис. 41—1). На остальных фрагментах поверхностный слой сильно разрушен, и лишь в отдельных случаях можно заметить орнамент, выполненный оттисками гребенчатого штампа. Прямой край сосуда с небольшим напылом на внутренней поверхности указывает на сравнительно раннюю дату памятника. Волнистый элемент узора и крупные треугольники характерны для памятников раннего этапа горбуновской культуры. Такого типа посуда наиболее часто встречается на стоянках Стрелка и Полуденка I; первая датируется серединой III тысячелетия до н. э.⁵, вторая — концом III тысячелетия до н. э.⁶

Найденный здесь наконечник стрелы — несколько более позднего облика. Он изготовлен из полупрозрачного белого кварца, в форме несколько вытянутого треугольника. Тильный конец срезан прямо и имеет едва намеченную выемку (рис. 41—4). По форме он несколько напоминает наконечники сейминского типа и весьма близок наконечникам из среднего слоя «6-го разреза» Горбуновского торфяника, которые датируются примерно второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Следует оговориться, что не всегда форма наконечников стрел может служить определенным датирующим признаком. В частности, наконечник стрелы из первой Язевской стоянки изготовлен из кварца, что для памятников Среднего Зауралья — признак довольно раннего времени; наконечники из кварца в основном встречены в Полуденке I, т. е. на сравнительно раннем памятнике.

Как известно, для датировки и характеристики материала отдельного памятника основную роль играет керамика. На первой Язевской стоянке

⁴ Вести раскопки площадью в этом месте торфяника невозможно, так как раскоп быстро заполняется водой.

⁵ В. М. Раушенбах. Указ. соч.

⁶ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 139—147.

она — сравнительно раннего облика. Вряд ли имеет смысл полностью игнорировать и форму наконечника стрелы. Не исключено, что форма его указывает на то, что такие наконечники могли появиться уже в конце раннего этапа горбуновской культуры, когда в орнаментации керамики еще доминировали ранние элементы орнамента, а форма наконечников стрел

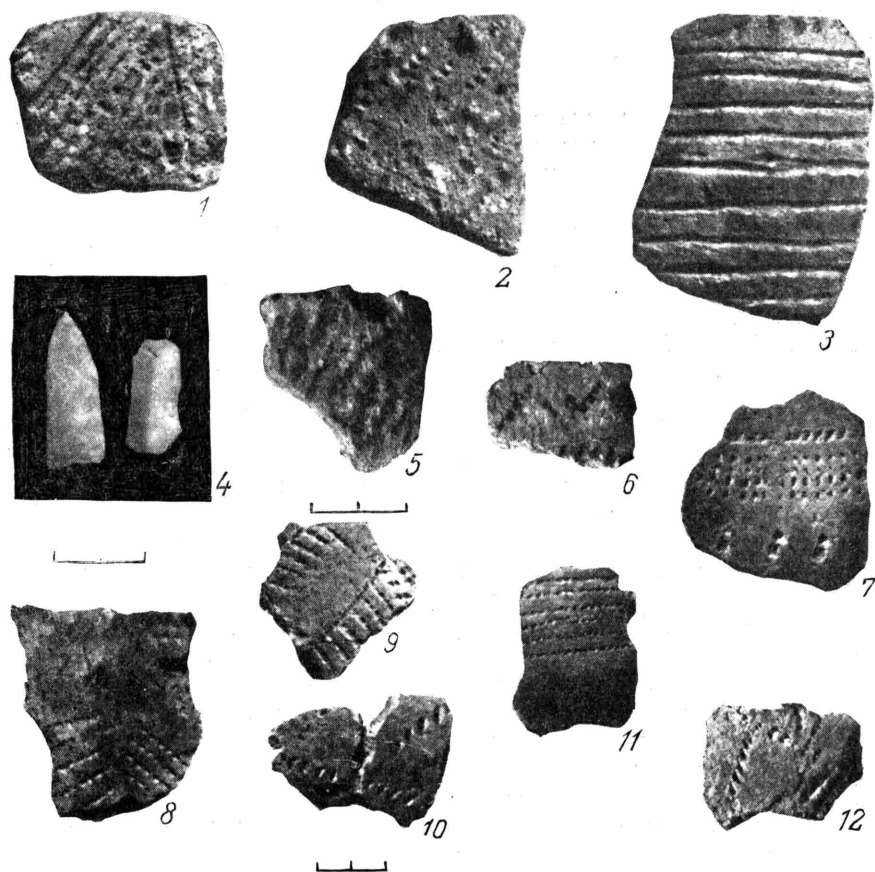

Рис. 41. Керамика и кремневый наконечник стрелы из Шигирского торфяника.

1—3, 5 — керамика с первой Язевской стоянки; 4 — кремневый наконечник с первой Язевской стоянки; 6—12 — керамика со второй Язевской стоянки.

приобрела более поздний облик. Поэтому возможно, что первую Язевскую стоянку следует датировать самым концом раннего этапа горбуновской культуры, т. е. началом II тысячелетия до н. э.

Примерно в 500 м к юго-западу от первой Язевской стоянки на глубине 1,8 м рабочими обнаружены небольшой деревянный ковш с рукояткой в виде головки животного⁷, 2 поплавок и обломки керамики. Участок залежи, где встречены находки, в виде небольшой перемычки, соединяющей стенки разреза, шириной 1 м, был оставлен рабочими до нашего приезда⁸.

⁷ Судить о форме ковшика сейчас трудно, так как отдельные его фрагменты совершенно пересохли и деформировались.

⁸ По получении сведений о находках автор статьи и проф. С. Н. Тюрменов тот же выехали на место находок.

После прохода машины у западной стенки разреза произошел оползень — оторвалась большая часть торфа примерно 1,5 м шириной и сползла по слою сапропеля в воду разреза. В связи с этим рекогносцировочный раскоп пришлось заложить дальше оползня.

В рекогносцировочном раскопе второй Язевской стоянки наблюдалась следующая стратиграфия: от 0 до 1,6 м — слой сфагновых торфов с небольшим процентом степени разложения, что указывает на сравнительно сильную влажность в момент их образования; на глубине 1,6—1,7 м — слой погребенного леса; 1,6—2,1 м — слой древесно-сфагнового торфа с высоким процентом степени разложения; ниже — слой камышово-рогозового торфа точно так же с высоким процентом степени разложения. Культурные остатки были найдены, начиная с глубины 1,7 м и до 2,1—2,2 м, а отдельные куски дерева со следами обработки встречались до глубины 2,35 м. Камышово-рогозовый торф подстигается слоем переходного-осокового, ниже которого идет мощный слой сапропеля.

Ввиду того, что участок входил в зону выемки торфа 1956 г., путем специальной подготовки к добыче не было допущено образования слоя мерзлоты. Эти обстоятельства сильно облегчили раскопки.

На глубине 1,8 м в раскопе обнаружен крупный обломок деревянного черпака или ковша, неподалеку от него — куски колотых досок; на глубине 2,35 м — прекрасно обработанная палка, один конец которой расширен и напоминает головку змеи; здесь же была свая с затесанным концом. Культурный слой сильно насыщен кусками обработанных палочек, обломками каких-то деревянных предметов и колотых досок.

Собранная керамика очень однородна. Это обломки сосудов, обычных для горбуновской культуры типов. Сосуды изготовлены из глины с примесью дресвы и слюды. Тальк как примесь к тесту не прослежен.

Все фрагменты украшены орнаментом, выполненным оттисками гребенчатого штампа. Узоры располагаются зонально, в виде горизонтальных или вертикальных поясков оттисков гребенчатого штампа (рис. 41—6—12). Часты пояса зигзаговых линий (рис. 41—8). Один обломок украшен полосками тонкого гребенчатого штампа (рис. 41—11). Все черепки — темно-серого цвета, порой от сильного нагара почти черные. Никаких признаков андронидных элементов орнамента не прослеживается.

Интересны найденные здесь 2 крупных поплавка из толстых кусков сосновой коры. Один — грушевидной формы, снабжен отверстием в узкой части; другой — трапециевидный, с округленными краями и 2 отверстиями для привязи. Поплавки этих типов хорошо известны на стоянке «6-го разреза» Горбуновского торфяника, в ее среднем слое, а также среди случайных находок на Шигирском торфянике.

Кроме поплавок, обнаружено большое грузило для сетей — кибас. Оно изготовлено из плоского камня овальной формы, завернутого в кусок ивовой коры. Кибасы такого типа известны в большом числе среди находок нижнего слоя «6-го разреза», т. е. в памятниках раннего этапа горбуновской культуры, и среди случайных находок с Шигирского торфяника.

Наиболее интересной находкой следует считать обломок деревянного черпака или ковша. Форма его несколько необычна. Сохранилась большая часть сосуда с ручкой, которая, в отличие от ручек ковшей, найденных на различных памятниках Горбуновского торфяника, вырезана в виде подтреугольного выступа, а не в форме головки животного или водопадающей птицы. Вместилище сосуда очень узкое и несколько напоминает ковши из случайных находок с Шигирского торфяника⁹.

Среди других изделий из дерева отметим обработанную длинную плоскую палочку, один конец которой заострен, а другой, расширяющийся,

⁹ Хранятся в Свердловском краеведческом музее.

вырезан в виде головки змеи и обожжен. Надо сказать, что изображение змеи в виде прямой плоской палки значительно более схематично, чем изображение извивающейся змеи из нижнего слоя «6-го разреза». Вместе с керамикой были найдены лопатка весла и обломок его рукоятки. Тщательность обработки весла весьма высока и не уступает отделке изделий из дерева, найденных на памятниках Горбуновского торфяника. О форме рукоятки весла судить нельзя, так как сохранился лишь небольшой обломок. По несколько укороченным пропорциям пера весла можно сравнить с веслами из среднего слоя «6-го разреза» Горбуновского торфяника.

Помимо рекогносцировочного раскопа, была расчищена до сапропеля оставленная рабочими перемычка, несмотря на то, что стоявшая в разрезе высокая вода мешала работе. Здесь и были найдены грузило — кибас; а также обломки керамики, затесанные колья и палки.

Таким образом, почти все вещи со второй Язевской стоянки находят себе аналогию и в материале среднего слоя стоянки «6-го разреза» Горбуновского торфяника, и среди находок нижнего слоя «6-го разреза», иными словами, — на памятниках, из которых один датируется рубежом III и II тысячелетий до н. э., другой — второй-третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

Что касается керамики, то орнаментация оттисками гребенчатого штампа не считается четким датирующим признаком. Такой стиль орнаментации встречен на памятниках раннего и среднего этапов горбуновской культуры. Все же следует подчеркнуть, что в орнаментации керамики памятников среднего этапа и, в частности, в керамике среднего слоя «6-го разреза» уже наблюдается появление андроновидных элементов. В керамике со второй Язевской стоянки признаков знакомства с приемами орнаментации андроновской посуды еще не усматривается, что дает некоторые основания считать ее более ранней сравнительно с керамикой из среднего слоя «6-го разреза». Все это в совокупности указывает на то, что вторая Язевская стоянка не может быть датирована позднее середины II тысячелетия до н. э.

Нижней датой памятника следует считать время существования грузил—кибасов. Как указывалось выше, аналогичные грузила известны в нижнем слое «6-го разреза» Горбуновского торфяника, который датируется рубежом III и II тысячелетий до н. э. Другими словами, обе Язевские стоянки почти одновременны; разрыв во времени, если он и был, вряд ли очень значителен. Можно лишь предполагать, что первая Язевская стоянка несколько древнее, чем вторая.

Обе стоянки можно датировать и на основе анализа стратиграфии залежи торфа. Так же как и при анализе археологических находок, наиболее правильным будет установление стратиграфического соответствия с хорошо датированными стоянками «6-го разреза» Горбуновского торфяника. На диаграмме (рис. 42) приведены стратиграфия, пылецевая диаграмма и глубина залегания культурных слоев на месте расположения стоянок «6-го разреза» (глубина отсчитывается не от поверхности торфяника, а от некоторого условного уровня). Как видно из диаграммы, нижний культурный слой стоянки «6-го разреза» располагается на контакте торфа и сапропеля¹⁰. Культурный слой первой Язевской стоянки не доходит до сапропеля, т. е. должен быть более поздним, чем нижний слой «6-го разреза», быть может, даже близким к среднему, лежащему непосредственно под пограничным горизонтом (на первой Язевской стоянке ему соответствуют верхние горизонты лесного торфа).

¹⁰ Укажем для полноты, что верхний и средний культурные слои «6-го разреза» располагались приблизительно на глубине 0,5—0,7 м и 1,4—1,7 м на диаграмме 1 (В. М. Раушенбах. Указ. соч., стр. 74).

Стратиграфическое положение второй Язевской стоянки почти то же, что и первой. Возможно, что она несколько более поздняя, так как культурный слой стратиграфически расположен несколько выше, чем на первой Язевской стоянке. Об этом свидетельствует, в частности, пласт переходного и низинного торфа, лежащий между культурным слоем и сапропелем.

Таким образом, обе Язевские стоянки, по данным стратиграфии торфяной залежи, должны иметь следующие хронологические границы: верхнюю, совпадающую со временем существования поселения среднего слоя «6-го разреза», а нижнюю — несколько более позднюю, чем время существования поселения, соответствующего нижнему слою «6-го разреза». Эти выводы полностью совпадают с результатами типологического анализа находок. Поскольку эти выводы получены принципиально иным методом, они делают датировку более обоснованной. Интересно отметить, что условная «Язевская стоянка», попытка восстановить которую по некоторым данным, приведенным В. Я. Толмачевым в сообщении о находках на Язевском прииске, сделана нами ранее¹¹, — была датирована временем, близким ко времени существования первой и второй Язевских стоянок.

Следует кратко остановиться на типе самого поселения. Немногочисленные пока находки не дают возможности судить о том, к какому типу поселений относится первая Язевская стоянка — к свайному или болотному. Отдельные затесанные колья и сваи еще не дали общей картины определенной конструкции. Кроме того, не исключено, что многолетними работами по добыче торфа основная часть поселения вообще уже уничтожена. Поэтому для освещения вопроса целесообразно воспользоваться данными, которые следуют из изучения условий находок культурного слоя по данным торфоведения.

По пыльцевой диаграмме, приведенной в статье С. Н. Тюремнова¹², можно видеть, что слой древесно-сфагнового торфа, в котором встречены находки, обладает очень высокой степенью разложения торфа — 35—40%. Следовательно, во время существования поселения поверхность торфяника была настолько суха, что не было никакой необходимости устраивать жилища на сваях. Поэтому можно предполагать, что и на Шигирском торфянике в начале II тысячелетия до н. э. существовали болотные поселения того же типа, что и на Горбуновском¹³. Это подтверждается и отмеченной в работе В. Я. Толмачева находкой нижнего венца деревянного сруба в слоях торфа на глубине 2 м в разрезе 1906 г. на Ново-Шигирском прииске¹⁴.

Таким образом, на Шигирском торфянике впервые обследованы памятники с точной и определенной стратиграфией. Это тем более интересно, что В. Я. Толмачеву, заложившему в свое время здесь очень большое число шурфов, не удалось открыть ни одной стоянки в торфе.

Найденные стоянки интересны не только как памятники, подтверждающие существование поселений горбуновской культуры на берегах древнего Шигирского озера, но и потому, что они позволяют привести первое прямое доказательство древности костяных шигирских изделий. В непосредственной близости (на расстоянии около 200 м) от второй Язевской стоянки в 1954 г. при добыче торфа рабочими были найдены

¹¹ В. М. Раушенбах. Указ. соч., стр. 92.

¹² См. статью С. Н. Тюремнова в настоящем выпуске КСИИМК.

¹³ В. М. Раушенбах. Деревянные сооружения Горбуновского торфяника. СЭ, 1958, № 4.

¹⁴ В. Я. Толмачев. Указ. соч.

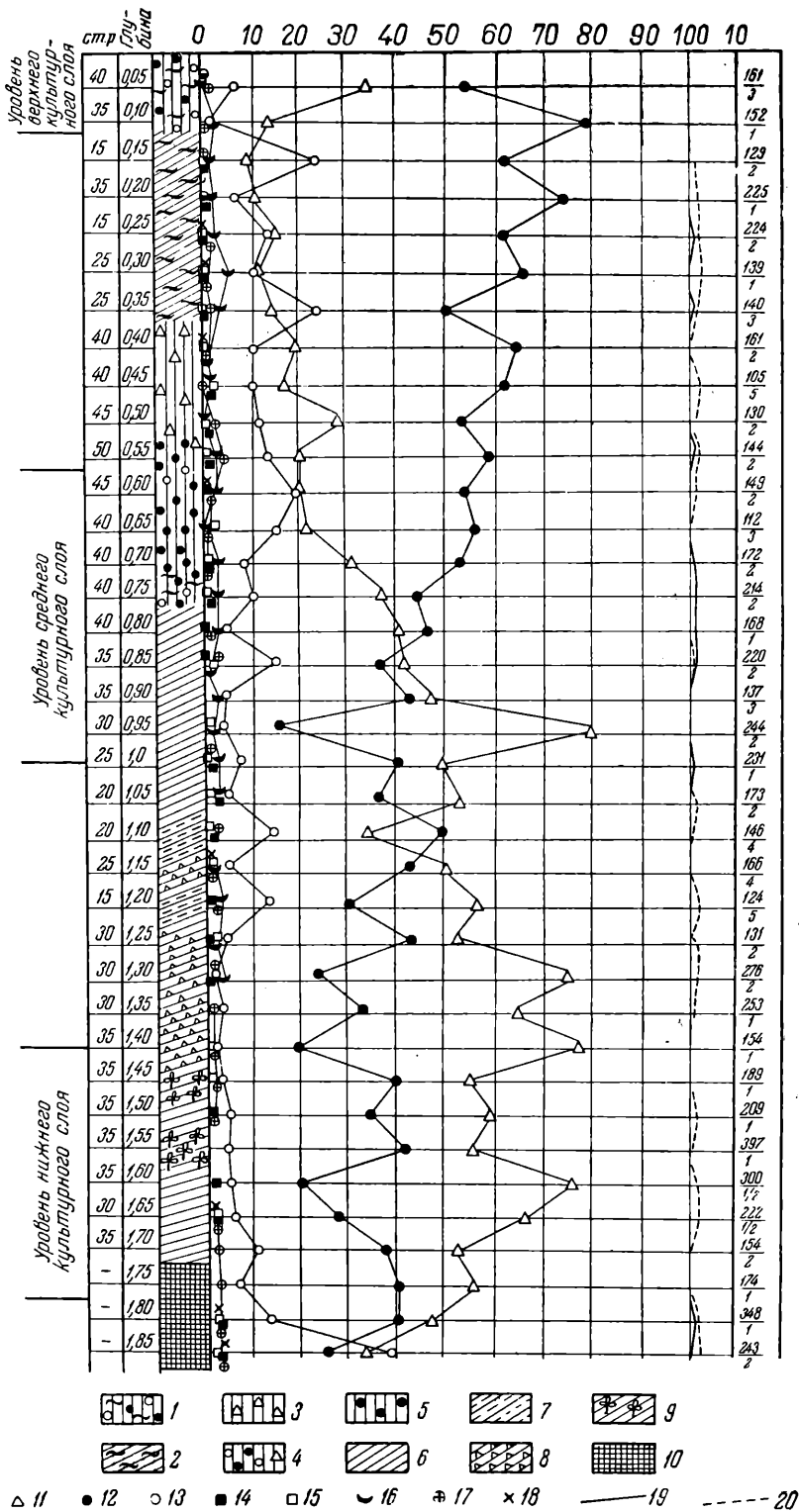

Рис. 42. Диаграмма пыльцево-споровых отложений Горбуновского торфяника. Стоянка «6-го разреза».

1 — торф древесно-сфагновый, сосново-березовый; 2 — торф осоково-сфагновый; 3 — торф древесный (слоевой);
 4 — торф древесный (сосново-березово-слоевой); 5 — торф древесный (сосновый); 6 — торф осокосый; 7 —
 торф глиново-осокосый; 8 — торф осоково-травяной; 9 — торф осоково-вахтовый; 10 — сарепель; 11 — сль;
 12 — сосна; 13 — береза; 14 — смешанный дубовый лес; 15 — ольха; 16 — аиственница; 17 — ива; 18 —
 орешник; 19 — дуб; 20 — вяз. Столбцы слева направо: степень разложения торфа в %; количество зерен пыльцы на препарат.

Рис. 43. Шигирский торфяник. Весло (1) и наконечник стрелы (2).

костяной наконечник стрелы шигирского типа и весло (рис. 43). Слой, в котором обнаружены эти предметы, был точно зафиксирован, и его можно сопоставить со слоями, соответствующими второй Язевской стоянке. Наконечник стрелы и весло встречены в слое сапропеля далеко от береговой линии, поэтому можно говорить, что они древнее Язевских стоянок и даже такой, как Стрелка на Горбуновском торфянике. Следовательно, стратиграфия подтверждает предположение об относительной древности шигирских костяных изделий. Более того, воспользовавшись пыльцевым анализом проб торфа и сапропеля, выполненным С. Н. Тюремновым, можно получить абсолютную дату находок. Слою сапропеля, в котором идет речь, соответствует бореальный возраст отложений, что, как известно, в абсолютных датах соответствует, по крайней мере, V—VI тысячелетиям до н. э.¹⁵

Таким образом, датировка двух новых предметов шигирской культуры¹⁶, устанавливаемая по данным торфоведения, — того же порядка, что и полученная нами ранее на основании анализа старых находок и привлечения косвенных данных (IV—V тысячелетия до н. э.)¹⁷. В связи с находкой в 1954 г. наконечника стрелы шигирского типа и весла возникает ряд соображений общего характера. Дело в том, что найденные вещи не сопровождалась керамикой. Это позволяет высказать предположение, что отсутствие в работе В. Я. Толмачева и более ранних сообщениях указаний на совместное залегание керамики и костяных изделий шигирского типа не случайно. На эту же мысль наводят и условия нахождения вещей аналогичных типов на других памятниках.

Достаточно обратиться хотя бы к таким известным стоянкам, как Кунда, Ягорба, Погостище, Нижнее Веретье и к Оленеостровскому могильнику. Во всех перечисленных стоянках, так же как и в материалах шигирской культуры, встречены длинные массивные гарпуны с крупными, часто даже клювовидными зубцами, наконечники стрел шигирского типа, длинные, тонкие игловидные наконечники стрел, наконечники стрел с вкладышами и т. д., причем эти вещи не сопровождалась керамикой. Хотя все эти костяные изделия имеют, в зависимости от места находки, свои специфические детали обработки (характерные если не для

каждого памятника в отдельности, то, во всяком случае, для каждого определенного района), тем не менее они весьма близки друг к другу.

Территориально перечисленные памятники настолько удалены друг от друга, что не приходится говорить об их культурной общности. Но если

¹⁵ См. статью С. Н. Тюремнова в настоящем выпуске КСИМК.

¹⁶ Здесь в тот термин использован в новом его понимании, как культуры древнейших обитателей Среднего Зауралья.

¹⁷ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье... стр. 96.

отпадает вопрос о культурной общности, то остается единственная возможность объяснить подобие находок отнесением их примерно к одному хронологическому периоду.

Однако в датировке приведенных нами памятников наблюдается необыкновенный разбой. Так, Кунду датируют VII—V тысячелетиями до н. э.¹⁸, а Оленеостровский могильник с весьма близким инвентарем — III тысячелетием до н. э.¹⁹, Ягорбу — IV—V тысячелетиями до н. э.²⁰, Нижнее Веретье — III тысячелетием до н. э.²¹ и т. д. Имеющегося материала, по-видимому, недостаточно, чтобы разрешить в настоящее время вопрос о датировках всех этих памятников. Но уже сейчас, в связи с новыми находками на Шигирском торфянике, целесообразно поставить вопрос о пересмотре и увязке этих датировок.

Возникает также вопрос, не является ли отсутствие керамики в названных памятниках не столько случайностью, сколько определенной закономерностью, указывающей на значительную древность этих памятников?

¹⁸ Ср. R. Indrekoo. Die vorläufige Bemerkungen über die Kunda-Funde. Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft, Tartu, 1934.

¹⁹ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956.

²⁰ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 29.

²¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

С. Н. ТЮРЕМНОВ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО УЧАСТКА
ШИГИРСКОГО ТОРФЯНИКА ПО ДАННЫМ СТРАТИГРАФИИ
И АНАЛИЗУ ПЫЛЬЦЫ

Участок Шигирского торфяника от пункта археологических находок (раскопки В. М. Раушенбах)¹ до северного берега обследован нами путем редких бурений торфяной и сапропелевой свиты. Судя по профилю (рис. 44), он охватывает прибрежную зону погребенного водоема и часть примыкающего пологого берега.

Общая мощность органогенных отложений в пункте раскопок второй Язевской стоянки составляет 4,2 м. В основании залежи находится пласт известковистого сапропеля мощностью 0,4 м. На нем слоем той же мощности лежит детритовый сапропель вишневой окраски.

Отбор сапропеля мы производили в заложенном В. М. Раушенбах шурфе монолитом (сечение 10 × 10 см). При расслоении детритового сапропеля в горизонтальном направлении между отдельными пластинами легко отслаивающегося сапропеля обнаружены плоско залегающие, хорошо сохранившиеся довольно крупные фрагменты высших растений: *Potamogeton*, *Nuphar*, *Sparganium* и др. При обычном отборе проб с глубины буром и дальнейшем делении проб эти остатки нарушаются и не попадают в поле зрения.

Нижний слой собственно торфяной залежи состоит из осокового переходного торфа, в волокне которого основную долю составляют остатки сфагновых мхов: *Sph. fuscum* (35%), *Sph. teres* (15%) (рис. 45). Из зеленых мхов в нем представлен *Drepanocladus* sp., из травянистых — *Carex lasiocarpa* и *Scirpus*. Значительную примесь (10%) составляют остатки коры и древесины хвойных, главным образом сосны.

На высоте 2,8 м осоковый переходный торф сменяется низинным камышово-рогозовым, в волокне которого от 40 до 70% составляют остатки *Scirpus* и *Typha* с постоянной примесью корешков осок. Остатки *Sph. fuscum* отсутствуют; остатки эвтрофных сфагнов дают в сумме 10—20%; остатки зеленых мхов колеблются по отдельным слоям от 5 до 20%. Встречаются фрагменты тканей *Equisetum*, *Menyanthes*. Примесь остатков хвойных пород постоянна.

Волокно вышележащего слоя древесно-сфагнового переходного торфа почти на одну треть состоит из древесных остатков хвойных пород, и только на одном из горизонтов отмечена значительная примесь коры ольхи (15%). Этот процент, конечно, случаен. Остатки *Carex lasiocarpa*

¹ См. статью В. М. Раушенбах в настоящем выпуске КСИИМК.

присутствуют на всех уровнях этого слоя. В моховом волокне — остатки эвтрофных и олиготрофных сфагнов и зеленых мхов.

Тонкий прослой низинного сфагнового торфа на глубине 1,4 м на 75% сложен остатками *Sph. obtusum*.

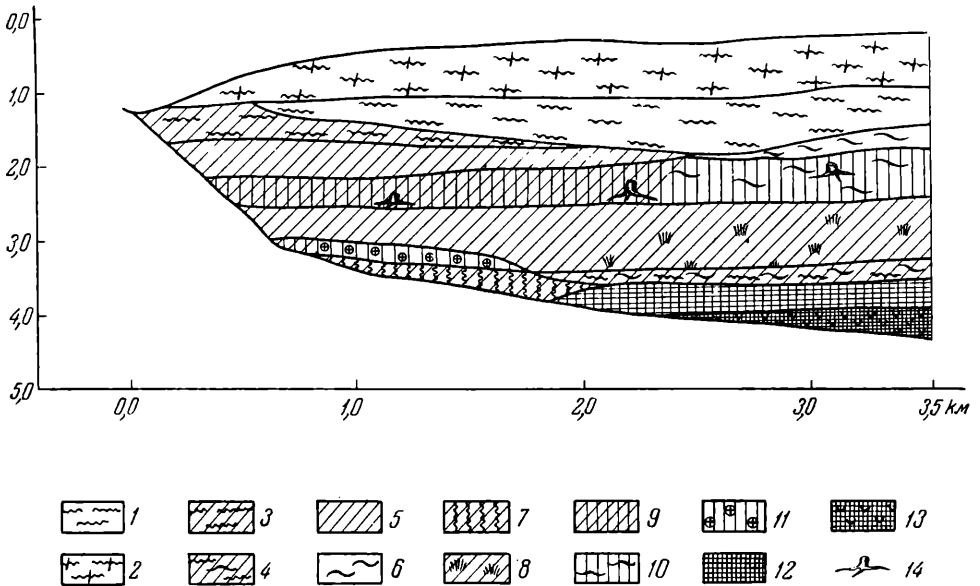

Рис. 44. Стратиграфический профиль по северному участку Шигирского торфяника (второй Язевский присек).

Виды торфа и сапропелей (профиль — рис. 44 и диаграммы — рис. 45 и 46): 1 — медиум-торф; 2 — фускум-торф; 3 — осоково-сфагновый переходный; 4 — осоковый переходный; 5 — осоковый; 6 — сфагновый низинный; 7 — тростниково-осоковый; 8 — камышово-рогозовый; 9 — древесно-осоковый; 10 — древесно-сфагновый; 11 — ивовый; 12 — детритовый сапропель; 13 — известковистый сапропель; 14 — погребенные в торфянике пни.

Выше господство в волокне торфов переходит к олиготрофным сфагновым мхам. Пласт верховых торфов распадается на два слоя. В нижнем остатки *Sph. magellanicum* и *Sph. angustifolium* в различных соотношениях составляют до 80—85% волокна (медиум-торф); в верхнем — сочетаются остатки *Sph. magellanicum* и *Sph. fuscum*, давая в сумме тот же высокий процент (фускум-торф). Остатки *Ericaceae* и *Eriophorum* составляют 10—15% волокна верховых торфов.

Залежь в этом пункте — весьма сложная и своеобразная, с неоднократными переходами из одного типа торфообразования в другой — отражает постоянные колебания водно-минерального режима торфяника и по редко встречающимся разновидностям торфов и их напластованию не имеет аналогий в торфяниках средней полосы Европейской части Союза.

В северном направлении залежь в нижних горизонтах имеет иное строение: на придонном слое тростниково-осокового торфа лежит мало-мощный пласт ивового. Выше на всей площади участка строение свиты одинаково. Больше участие осок в волокне торфов периферийного участка — естественное следствие делювиальных сносов.

На диаграмме пыльцы (рис. 46) в нижнем горизонте преобладает пыльца лиственницы и ели, дающих здесь свои максимумы, что позволяет придонный слой известковистого сапропеля датировать стадией елово-лиственничных лесов, установленной на Среднем Урале В. Н. Сукачевым

Культурный слой

ст. р.	Глубина	Кора и древесина сосны	Кора хвойных	Кора ольхи	Ericaceae	Eriophorum	Carex lasiocarpa	Carex limosa	Carex chorazhiza	Carex omiskiana	Equisetum	Menyanthes	Scheuchzeria	Calla	Scirpus	Typha	Грабнистые растения	Aspidium	Trichophorum	Sph. magellanicum	Sph. fuscum	Sph. angustifolium	Sph. obtusum	Sph. subsecunda	Sph. teres	Sph. subbicolor	Meesea triquetra	Calliergon giganteum	Drepanocladus sp.	Dicranella sp.	Phlegmaria sp.	Agrostidium strictum			
25	0,2					15	5	5	10		15									15	5		20		10								10		
10	0,4					10	10													30	50														
5	0,6					10														10	80														
10	0,8		5			10														5	80														
10	1,0					10	10													5	25	50													
15	1,2					10	5													5	80														
15	1,4						10						10							5		75													
45	1,6		30			5	10						15							10				15	10									5	
35	1,8		30	15		10										10				10		5	10											10	
35	2,0		15	5		10	5		5							15						10	5	10	10									10	
30	2,2		10							ед.				30	10	10							10	10									20		
40	2,4						25	5						40	10								10	5									5		
35	2,6		10			10			10		10			50	20																				
40	2,8		10			10			5	5				50									5	5		10									
30	3,0		10	5		10								15							35			15									10		
-	3,2																																		
-	3,4																																		
-	3,6																																		
-	3,8																																		
-	4,0																																		
-	4,2																																		

Рис. 45. Послойный видовой состав торфяной залежи в пункте археологических раскопок (второй Язевский прииск).

и Г. И. Поплавской² и отнесенной ими к субарктическому периоду. Выше кривая пыльцы лиственницы круто направляется влево; кривая пыльцы ели еще более резко принимает это направление после предшествующего плавного хода с небольшим уклоном вправо.

В правой части диаграммы обращает на себя внимание большое количество в придонных образцах травянистой пыльцы (*Gramineae* и *Cyperaceae*) — свидетельство того, что с берегов озеро на отдельных участках, в частности и на северном, зарастало поясом из тростника и осок и что прилегающая к нему территория была покрыта луговой растительностью.

На уровне контакта известковистого сапропеля с детритовым пыльца лиственницы сходит к минимуму с тем, чтобы несколько выше исчезнуть из спектра. До невысокого значения (10%) снижается к этому горизонту и пыльца ели. Выше колебательные движения ее кривой до самой поверхности не выходят за пределы 20%.

В правой части диаграммы на этих горизонтах пыльца *Cyperaceae* отсутствует, количество пыльцы *Gramineae* уменьшается в 4—5 раз.

Снижение цифровых значений травянистой пыльцы, появление большого числа спор *Polypodiaceae* и преобладание в спектре древесной пыльцы сосны и березы при значительном увеличении общего числа зерен на препарат говорят о формировании в окружении озера сплошных сосновых и березовых лесов.

На уровне 3,2 м зеркало воды на этом участке исчезает под камышово-сфагновой сплавиной, отложившей слой осокового переходного торфа. Споры *Sphagnales* дают на этом горизонте очень высокую цифру (44) и в небольшом количестве появляется пыльца *Ericaceae*. Судя по спектру древесной пыльцы с максимумом пыльцы сосны и отдельными зернами пыльцы липы, зарастание водоема на этом участке произошло в бореальное время. Следовательно, найденные рабочими в 1954 г. в сапропеле (вблизи второй Язевской стоянки) весло и костяной наконечник стрелы должны быть, по относительной стратиграфической датировке, не моложе этого периода³.

Выше лимнотельматического контакта пыльца сосны держится в пределах 60—70%; кривая пыльцы березы направляется влево, сближается и переплетается с кривой пыльцы ели. Падение пыльцы березы объясняется здесь отчасти плохой сохранностью пыльцы лиственных пород в низинных залежах. Появляется отдельными зернами пыльца ольхи, широколиственных пород (дуба, липы), кедра.

На уровне 2,1—2,2 м залежь отражает перелом в характере торфообразования: торфяник из низинного перерастает в переходный с относительно высокой степенью разложения древесно-сфагнового торфа (35—45%).

В спектре древесной пыльцы некоторое снижение пыльцы сосны и повышение процента пыльцы березы временно сближает их кривые, образующие здесь характерную талию. Возрастание процента пыльцы березы объясняется на нашей диаграмме в некоторой доле переходным типом залежи на этом уровне. Но такое сближение кривых пыльцы этих пород в синхронном горизонте отмечают и другие авторы. В. Н. Сукачев и Г. И. Поплавская высказывают предположение, что «изгибы кривых в сторону увеличения березы и уменьшения сосны связаны с периодиче-

² В. Н. Сукачев и Г. И. Поплавская. Очерк истории озер и растительности Среднего Урала в течение голоцена по данным изучения сапропелевых отложений. Бюллетень КИЧП, № 8, 1946.

³ См. рис. 43 в статье В. М. Раушенбах в настоящем выпуске КСИИМК.

ским распространением пожаров, после которых сосна временно сменялась березой»⁴.

Пыльца пород смешанного дубового леса (в основном липы) достигает здесь своего абсолютного максимума, правда, весьма невысокого — 7—8%.

Небольшое повышение дает пыльца ели, кривая которой идет параллельно кривой березы, повторяя ее движение сначала вправо, потом влево, только в пределах не от 10 до 20%, а от 1 до 10%.

Судя по диаграмме пыльцы, переходный древесно-сфагновый торф отложился в суббореальное время и является в залежи пограничным горизонтом. Это подтверждают и находки в залежи на этом уровне пней сосны: при каждом из трех бурений мы попадали на пень (рис. 44). По-видимому, облесение торфяника в этот период было довольно густым.

Выше пограничного горизонта диаграммные кривые пыльцы сосны и березы опять расходятся, и спектр пыльцы древесных пород становится постоянным и близким к соотношению древесных пород в современных лесах.

Исследования торфяников Среднего Урала в свое время проводил Д. А. Герасимов⁵. Его диаграммы в основном близки нашей; только процент пыльцы березы в различных его диаграммах — в зависимости от характера строения залежи — изменяется на синхронных уровнях в довольно широких пределах и дает в отдельных диаграммах варианты рисунка ее кривой.

Также близка наша диаграмма к диаграммам В. Н. Сукачева и Г. И. Поплавской, составленным на основании изучения сапропелей в озерах Среднего Урала. С их относительной хронологией и историей ландшафтов на этой территории в послеледниковое время хорошо увязывается и наша диаграмма.

По этой диаграмме у нас имеется еще одно замечание, правда, не имеющее прямого отношения к истории развития торфяника, но весьма существенное для истории развития растительности. В волокне ивового торфа обнаружено большое количество остатков мелких ив (*Salix repens*, *S. myrtilloides*, *S. lapponum*). По-видимому, ивовые топи формировались на многих береговых участках. Пыльца мелких ив весьма сходна с пылью *Artemisia* и есть основания предполагать, что пыльца, указанная нами в графе *Artemisia*, едва ли не полностью принадлежит ивам. Для выяснения этого необходимо провести дополнительное изучение и сравнение пыльцы этих пород. А пока мы, следуя практике прошлых лет, отнесли эту пыльцу к полыням.

⁴ В. Н. Сукачев и Г. И. Поплавская. Указ. соч.

⁵ Д. А. Герасимов. Геоботаническое исследование торфяных болот Урала. «Торфяное дело», 1926, № 3.

А. Е. АЛИХОВА

ЖИЛИЩЕ НА САКОНОВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ

Во время работ Мордовской археологической экспедиции в 1955—1956 гг.¹ на древнем мордовском поселении у с. Саконы (Арзамасской области Мухомоловского района) были обнаружены находки, относящиеся к неолитическому времени.

Саконовское поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Теши на расстоянии 1,25 км вверх по реке от Саконовского моста. Впервые на этом памятнике было проведено обследование в 1928 г. Б. С. Жуковым при участии автора статьи. В разведочном раскопе встречены лишь кремневые отщепы.

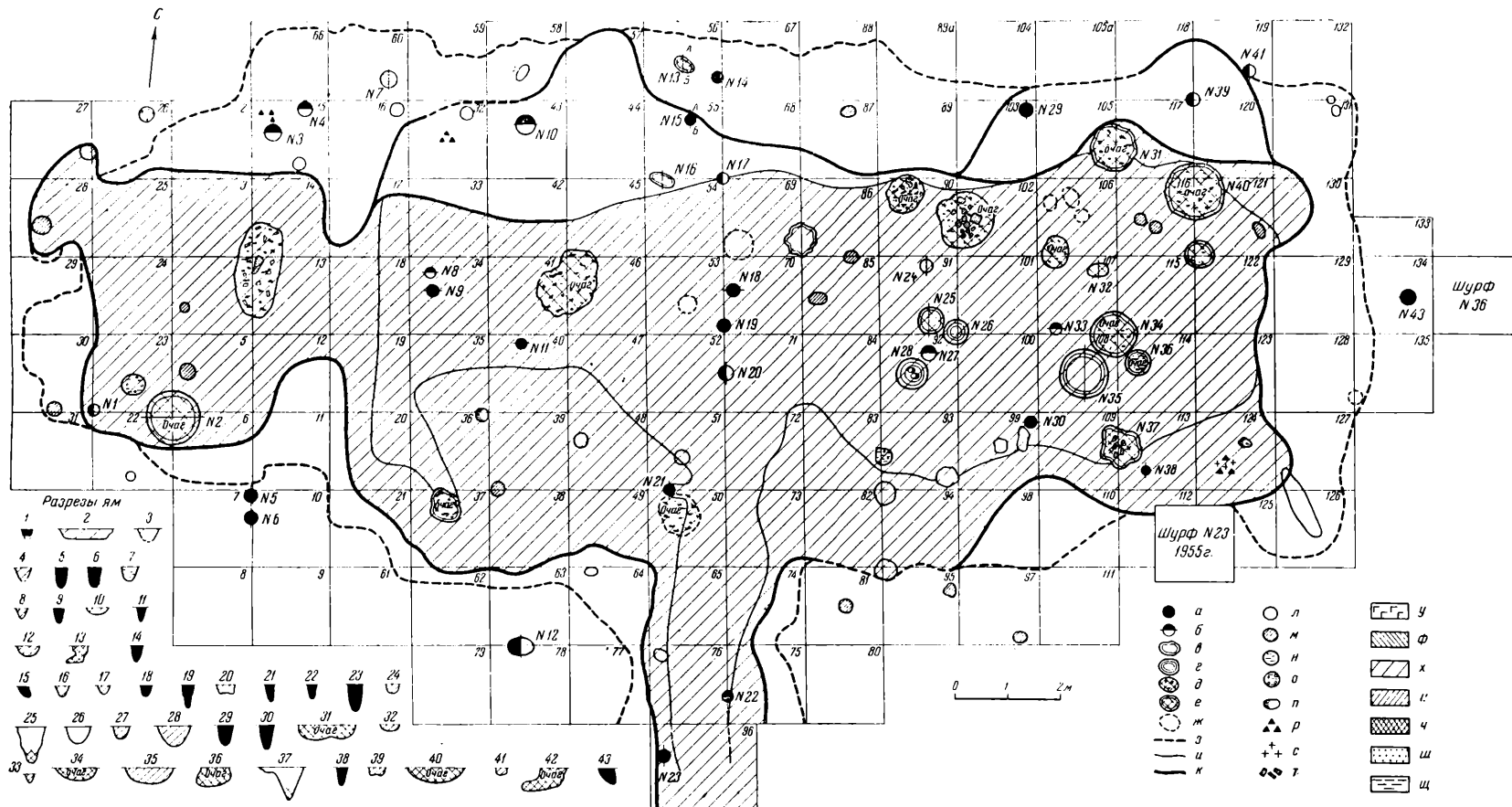
При обследовании поселения в 1955—1956 гг. на поверхности, на протяжении 300—400 м вдоль берега, изредка встречались кремневые отщепы, наконечники стрел, отдельные фрагменты сетчатой керамики и мордовской посуды VIII—X вв. н. э.

Раскопками выявлено жилище, сооруженное у края первой надпойменной террасы. Современная поверхность имеет здесь уклон к реке и небольшую промоину к западу. Это обусловило различную глубину жилища в разных частях при совершенно горизонтальном положении пола. Котлован, глубиной 0,2—0,8 м от современной поверхности, был вырыт в песчаном грунте до слоя плотного суглинка, смешанного с известковой щебенкой. Местами этот слой встречен ближе к поверхности. В этих случаях древние строители его обходили, оставляя в виде небольшого возвышения (например, в середине жилища). В восточной части и местами по краям жилища слой суглинка отсутствовал. Заполнение котлована состояло из нескольких различных по окраске наслоений (рис. 47). Под дерновым покровом залегал слой черной супеси, местами более светлый. В восточной части он перекрывал жилище, продолжаясь за его пределы. Под ним был слой коричневой супеси неодинаковой толщины в различных частях, содержащий большое количество находок и связанный с жилищем; окраска его, возможно, обусловлена перегнившими остатками дерева от стен и перекрытия. Его подстилал слой темно-серой супеси.

В заполнении во всех горизонтах встречались осколки кремня и керамики. Остатки костей крайне фрагментарны и редки. Из костяных орудий встречен лишь один обломок острья.

Наблюдения, сделанные в процессе раскопок, позволяют заключить, что часть южной стенки смыта. Следовательно, первоначальная глубина жилища в этом месте была больше, чем в настоящее время (0,2—0,3 м). Очевидно, то же произошло и в западной части.

¹ Организована ИИМК совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики.

Восточная стенка

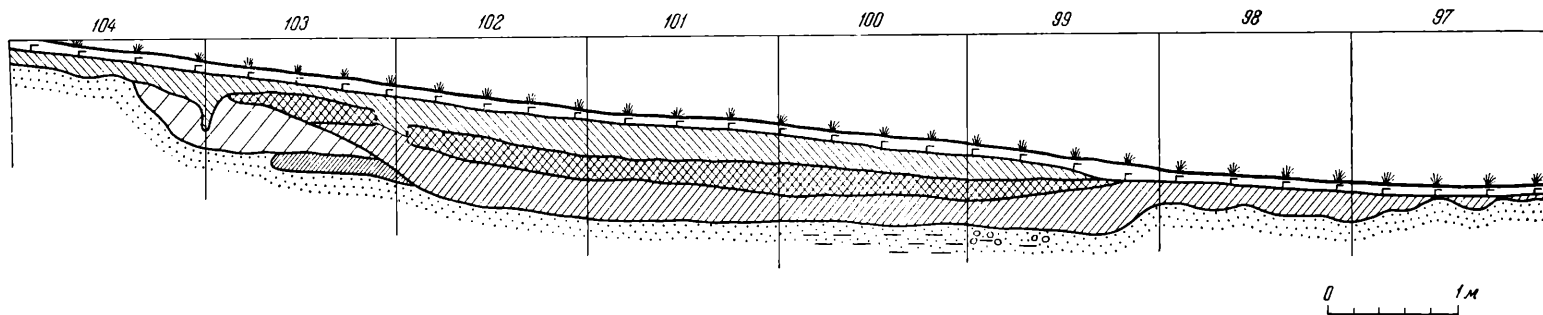

Рис. 47. Саконы I. План и профиль неолитического жилища.

а — столбовые ямы; б — столбовые или хозяйственные ямы; в — ямы неизвестного назначения; г — хозяйственные ямы; д — очаг на полу жилища; е — очаговая яма; ж — поздние ямы и очаг на глубине 0,25 м; з — границы жилища на глубине 0,25 м; и — границы жилища на глубине 0,6 м; к — границы пола жилища; л — темные пятна в культурном слое; м — темные пятна на материке; н — глинистые пятна на материке; о — пятно суглинка с известняковой щебенкой; п — камни; р — скопление керамики; с — скопление кремня; т — обломки сосуда в очаге; у — дерн; ф — черная супесь; х — желто-серый песок; и — темно-серая супесь; ч — коричневая супесь; ш — материковый песок; щ — материковая красная глина.

Сохранившиеся контуры жилища, вырытого в песке, неправильные и местами нечеткие, особенно в верхних горизонтах; оно было прямоугольной формы, вытянуто вдоль берега, с коридорообразным входом, обращенным к реке.

По расположению ям от столбов наиболее четко выявляется северная стенка, менее четко — южная. В целом это был длинный дом, углубленный в землю на 0,6—0,8 м, с двускатной или четырехскатной крышей, покоившейся на столбах, размещенных по средней линии. Западная стена несколько выступала в виде полукруга или трех граней. Длина жилища по полу — 24 м, ширина — 7—9 м.

Внутри дома намечаются 3 помещения. Прослеживаемая линия столбов, проходящая поперек жилья и вдоль восточной стенки входа (участки 50—56), очевидно, связана с перегородкой, отделявшей западную половину от восточной, причем, судя по контурам пола, в западной части выделяется еще одна небольшая камера.

Два основных помещения заметно различаются по своему назначению. Особенно четко видно назначение восточной половины. Здесь сосредоточены очажные ямы, хозяйственные и ямки для сосудов. Подобное распределение помещений, вероятнее всего, было обусловлено характером подстилающего слоя, так как в восточной половине вместо твердого, плотного суглинка с известковой щебенкой, плохо поддающегося копке, залегает песок.

Очажные ямы неглубокие (до 0,3 м), округлые, диаметром до 1 м (№ 34 и 40), или вдвое меньшего размера (№ 36), или с боковым подбоем (№ 13, 9 и 42). Очажная яма с боковым подбоем, большего размера, обнаружена В. А. Городцовым на Борковской стоянке на Оке².

Некоторые очаги не были углублены, представляя собой кострища, разложенные на полу. Заполнение очажных ям и кострищ состоит обычно из черной, сажистой массы; лишь в некоторых из них можно проследить остатки угля. Два очага — более позднего происхождения (№ 42 и на участке 50, частично прикрывший контуры столбовой ямы).

Две ямы, условно отмеченные нами как очажные (по сажистому заполнению), — несколько иного типа (ямы № 37 и 25). Их выделяет большая глубина от уровня пола — 0,6—0,7 м. В разрезе они — конической формы. Вокруг ямы № 37, по краям, в черном сажистом слое были разбросаны обломки керамики и большое количество осколков кремня.

Хозяйственные ямы, заполненные обычно серым слоем, — чашевидной формы; другие же, меньшего размера, очевидно, служили для установки в них сосудов. Выделяется яма № 26; она была вырыта при сооружении жилища и, вероятно, сразу же заброшена, так как ее заполнение состояло из светло-серого песка, слабо отличимого от подстилающего материка.

Западная половина жилища отличается малым количеством очагов, что, возможно, обусловлено чрезвычайной плотностью грунта в этой части. Здесь встречены лишь 2 очага: наземный и один углубленный, небольшой. В западной камере против входа (условно называя так сужение у пола) встречены в желтоватом слое большое скопление костей животных, часть сосуда, несколько кремневых поделок, обломок костяного острья. В южной части этой камеры помещалась яма очага, заполненная черным слоем.

Аналогий обнаруженным остаткам дома пока не известно среди неолитических жилищ лесной полосы Европейской части СССР. Жилье выделяется своими большими размерами, малой глубиной и подпрямоугольной формой. Некоторые параллели можно найти среди типов жилищ

² В. А. Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубрович Рязанской губернии. Труды VIII АС, вып. 3, М., 1897, стр. 174, 178.

эпохи бронзы. На поселениях срубной культуры, расположенных в бассейнах Волги и Дона, наряду с небольшими жилищами известен целый ряд крупных (см. таблицу).

Данные о размерах жилищ эпохи бронзы

Поселение	№ и тип жилища	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м	
				от современной поверхности	от древней поверхности
У с. Костенки ¹	Полуземлянка	20	7—9	1,2—1,4	—
У хутора Ляпичева ²	Землянка № 3	14	7,5—9	} 1,1—1,6	—
	„ № 5	12	7,5—8		
	„ № 6	15	5—8		
У Лукьяновки ³	Полуземлянка	Разрушена (10+?)	Около 9	Около 1,5	—
Успенское ⁴	Землянка № 2	Разрушена (14+?)	9	1,2	0,6—0,7
	„ № 3	18	8,5	1,1	0,4—0,6
Воскресенское ⁵	Полуземлянка	20	8,5	Около 1	Около 1

¹ В. В. Гольмстен. Экспедиция Академии истории материальной культуры в 1932 г. Сообщения ГАИМК, № 9-10, 1932, стр. 60; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1935, стр. 124—126.

² М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. L, 1953.

³ «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Курская область, Старо-Оскольский район». М. — Л., 1941, стр. 164—169.

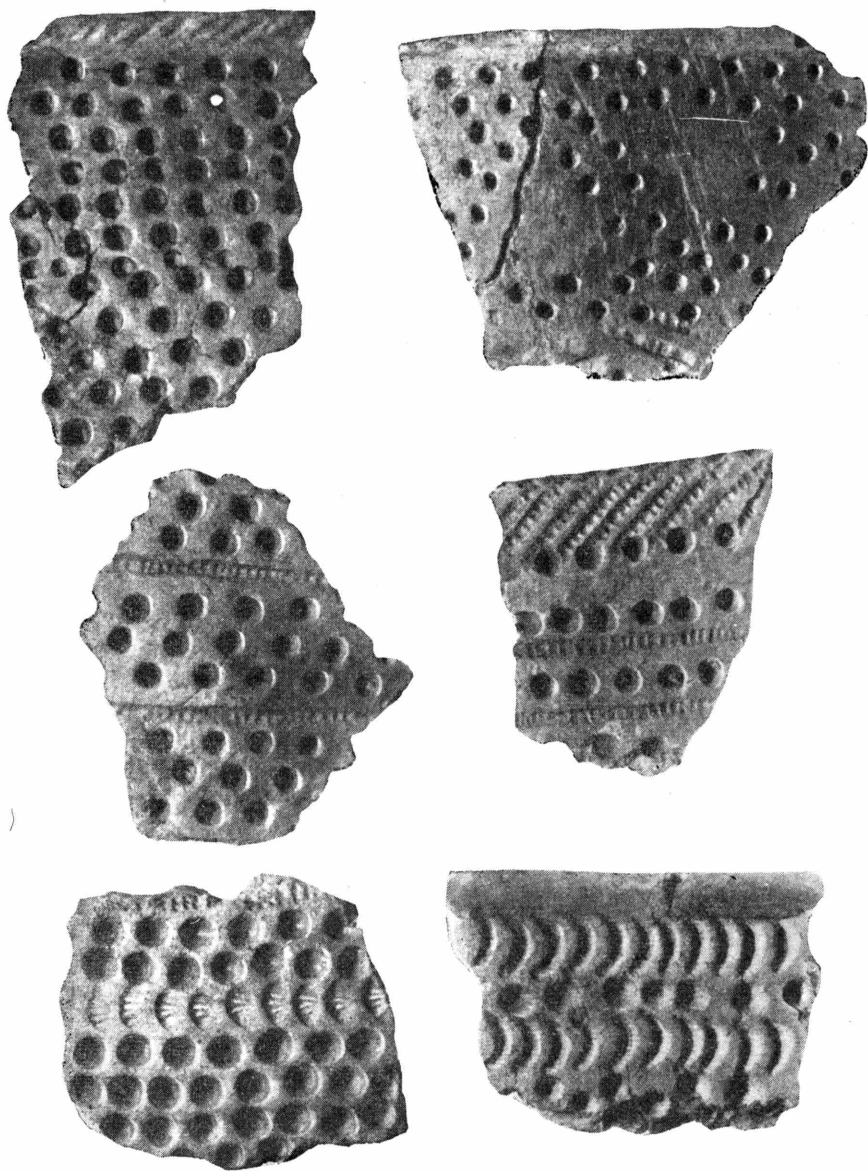
⁴ И. В. Сеницын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949.

⁵ Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской. КСИИМК, вып. L, 1953.

В таблице размеров больших жилищ эпохи бронзы обращает на себя внимание прежде всего их сходная ширина — 8—9 м. Ширина эта в саконовском доме колеблется в тех же пределах — 7—9 м. Затем часть из приведенных в таблице жилищ представляет собой полуземлянки, углубленные на 1—1,5 м (считая от современной почвы). К сожалению, за исключением Успенского поселения, не указана настоящая глубина, т. е. от древней дневной поверхности. В успенских жилищах, как отмечает И. В. Сеницын, она равна 0,4—0,7 м; в саконовском — до 0,8 м. Кроме того, в приведенных примерах наблюдается сходное с саконовским размещение очагов и хозяйственных ям в одной из частей жилища. Так, например, в успенской землянке № 3 очаги и корчаги располагались в западной половине. В землянках у хутора Ляпичева хозяйственные ямы находились в северной половине, а обнаруженные в костенковском жилище «две кучи отбросов, состоявших преимущественно из костных остатков животных», напоминают вскрытое нами в западной части дома аналогичное скопление костей.

Указанные аналогии свидетельствуют об известной близости саконовского дома к крупным жилищам срубной культуры.

Большое количество столбовых ям с северной стороны строений саконовского, лукьяновского и на хуторе Ляпичева свидетельствует об усилении деревянных наземных сооружений, защищающих от северных ветров. Возможно, что здесь были стены столбовой конструкции. Присыпка земель, как это предполагает М. П. Грязнов для землянок у хутора Ляпичева, для саконовского жилища отпадает из-за его незначительной глубины. Расположение столбовых ям в середине указывает на двускатный

0 4 см

Рис. 48. Керамика из неолитического жилища стоянки Саконь I.

или четырехскатный тип крыши; очевидно, этот тип перекрытий ограничивал во всех случаях одинаковую ширину жилищ.

Весь обнаруженный в саконовском жилище инвентарь свидетельствует о большой древности. Комплекс керамики (рис. 48) является почти полным повторением керамики Мало-Окуловской стоянки³, расположенной в том же бассейне, на р. Велетьме. Сосуды относятся к наиболее древнему типу ямочно-гребенчатой посуды, которую Б. С. Жуков ставил в один хронологический ряд с керамикой Льяловской стоянки⁴. М. Е. Фосс считала керамику типа Льяловской стоянки основой, на которой развивалась в дальнейшем ямочно-гребенчатая керамика в Волго-Окском бассейне⁵. Действительно, керамика саконовской стоянки находит ряд параллелей в материалах различных неолитических культур этого района.

Датировка саконовского жилища должна быть та же, что и Мало-Окуловской стоянки, которую М. В. Воеводский и А. В. Збруева относят ко второй половине III тысячелетия до н. э.⁶

Раскопки саконовского жилища дали наиболее древний комплекс вещей. Его исследование несколько расширяет наши представления о характере неолитических жилищ и ставит вопрос о путях возникновения крупных жилищ срубной культуры.

³ М. В. Воеводский и А. В. Збруева. Мало-Окуловская неолитическая стоянка. КСИИМК. вып. XXXI, 1950, стр. 120—129.

⁴ В. Joukov. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 61—81.

⁵ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952 (глава XI).

⁶ М. В. Воеводский и А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 129.

О. Н. БАДЕР

МЫТИЩИНСКИЙ МОГИЛЬНИК ФАТЬЯНОВСКОГО ТИПА

1

Мытищинский могильник находится у с. Мытищи Тейковского района Ивановской области. Географически район этот ограничен Волгой на севере, Клязьмой — на юге, озером Неро — на западе, Тезой и Уводью — на востоке.

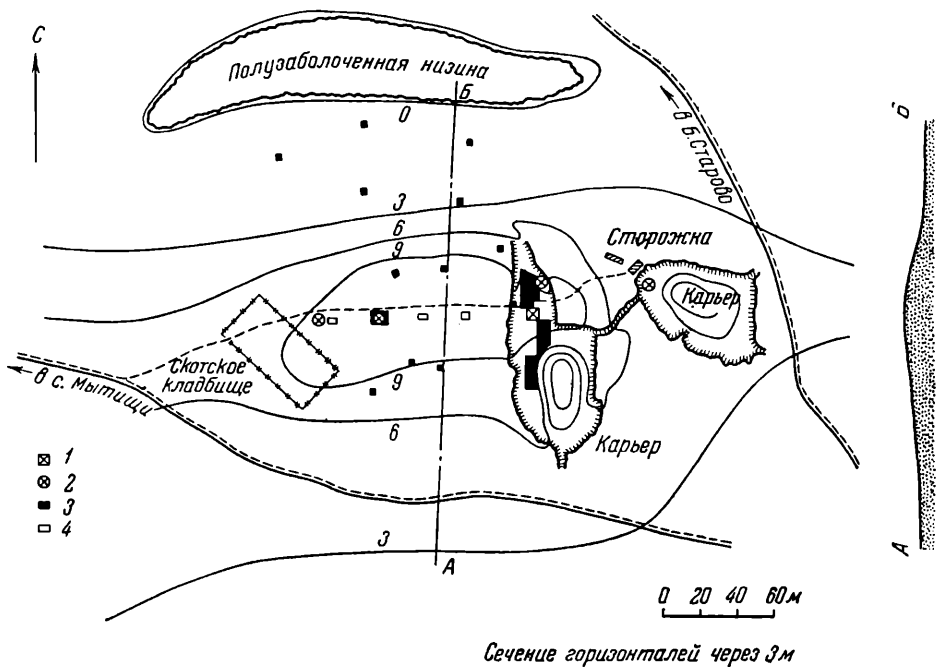

Рис. 49. Общий план расположения Мытищинского могильника.

1 — погребения; 2 — отдельные находки; 3 — шурфы и раскопы экспедиции; 4 — шурфы, заложенные строительством ИВГРЭС.

Памятник расположен в центральной части обширного лесного, болотистого водораздела, на юго-западной окраине Писцовского и на западной окраине Марково-Сборного болот — богатейших торфяных разработок. На этом водоразделе берут свое начало многочисленные речки, текущие

отсюда по всем направлениям: на северо-запад — р. Лохость, приток Которосли, в устье которой стоит Ярославль; на северо-восток — рр. Нерехта и Емень, на юго-восток — р. Уводь, на юг и юго-запад — р. Сухода, впадающая в Нерль-Клязьминскую. Географическое положение могильника служит ярким доводом в пользу сделанного нами в свое время заключения об освоении «фатьяновскими» племенами глухих, лесных водоразделов.

Расположен могильник в 1 км на юго-восток от села, на большом холме, известном под именем Матвеева Гора и окруженном низинами.

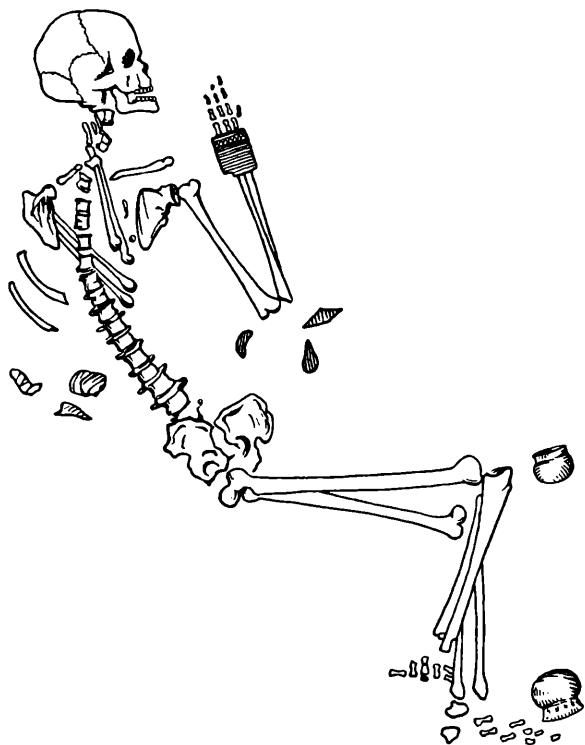

Рис. 50. Мытищинский могильник. Погребение 1 (по рисунку Н. П. Милонова).

Один скелет лежал скорченно, на левом боку (рис. 50); ориентировка его не отмечена Н. П. Милоновым на рисунке. У стоп стоял небольшой круглодонный сосуд, у колен — другой. Над пяточными костями, на глубине 2,19 м лежала крупная кремневая ножевидная пластина и здесь же — маленькое граненое бронзовое острие (шило?). У таза — кремневый полированный топор клиновидной формы. На правой руке был надет широкий, манжетовидный бронзовый браслет с заходящими друг на друга, несомкнутыми краями и тонким линейным орнаментом¹. Второй скелет, лежавший вместе с первым, был лишь обнаружен Н. П. Милоновым, но не расчищен. Вместе с костями первого скелета он был закрыт досками и присыпан землей.

Изучение могильника было продолжено в ноябре того же года экспедиционной группой Государственного музея Центрально-Промышленной

¹ Указание Д. А. Крайнова («Вауловский могильник». Труды ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 128) на находку второго такого же браслета в другом погребении Мытищинского могильника (со ссылкой на Н. П. Милонова) — ошибочно.

области под руководством автора². Место расположения погребений было вскрыто сплошным раскопом (6 × 6,5 м, с прирезкой к нему на севере до неполной глубины еще участка 3,5 × 2 м). Раскоп и, следовательно, место погребений находились уже на площади карьера, на которой весь верхний слой до глубины 1,1 м был снят при разработке. На глубине 0,2 м от его дна, т. е. на 1,3 м от поверхности зафиксированы первые очертания могильной ямы, к сожалению, в основной своей части уже нарушенные первым раскопом Н. П. Милонова. На глубине 1,46 м могила имела относительно правильные, подпрямоугольные очертания, отличающаяся значительной шириной (около 2,4 м), что надо поставить в связь с коллективным погребением. Ориентирована она с юго-запада на северо-восток.

На глубине 1,63 м от поверхности, внутри достаточно четких и лишь с северо-запада довольно расплывчатых контуров северо-восточного конца могильной ямы, отмечены две тонкие (5 мм), прямые полоски, сходящиеся почти под прямым углом. Эти очертания, нисколько не видоизменяясь, шли вглубь на 0,3 м и снова терялись на глубине 1,93 м. Внутри этих контуров грунт отличался более темным оттенком. В момент исследования они казались нам загадочными и не находили точного объяснения. Теперь же, после раскопок в Ваулове и Баланове, не остается сомнений в их значении. Это не что иное, как следы внутримогильного сооружения, вполне аналогичного вауловским и балановским³, установленным там с несомненностью. В Баланове эти сооружения были сделаны, вероятнее всего, из плетеных прутьев или из тонких досок, и высота их равнялась приблизительно полуметру. Здесь же, в мытищинских погребениях, очертания их впервые отмечены на высоте около 0,6 м над дном могилы. Наличие внутримогильного сооружения, вмещавшего и строго ограничивавшего погребения и могильный инвентарь, доказывается тем фактом, что обнаруженные нами находки все без исключения располагались внутри контуров, ни разу не выходя за их пределы к краям могилы.

При детальной расчистке дна могилы с погребениями, не разобранными при раскопках Н. П. Милонова, оказалось, что кости, закрытые досками, были смешаны с костями совершенно нарушенного второго погребения и располагались в беспорядке на значительной площади раскопа.

На уровне залегания костей нам удалось собрать 3 просверленных клыка собаки; 8 тонких пронизок, цилиндрических, из птичьих (?) костей; 2 крупных костяных орудия и несколько глиняных черепков. Большая часть этих вещей, вероятно, принадлежала второму погребению, но некоторые могли относиться и к первому. На некоторых костях скелета имелись следы зеленой окиси от несохранившихся медных или бронзовых предметов (на ключице, на 2 костях кисти, на 2 обломках фаланг и на лопатке). Медный предмет лежал и под черепом первого погребения: интенсивно-зеленая окись покрывала часть левой стороны черепа, преимущественно ближе к затылку, и левую наружную часть нижней челюсти. В фатьяновских могилах у черепа обычны находки маленьких спиральных колечек. Налет окиси на костях пальцев необычен; вероятно, это следы перстней, в могильниках фатьяновского типа еще нигде не обнаруженных.

За северо-восточным концом могилы было встречено скопление относительно крупных камней в виде продолговатого вала, возможно, естественного происхождения. Если же оно искусственное, то может быть сопоставлено с обкладкой могил камнями, встречающейся иногда в погребениях того времени.

² Экспедиционная группа работала в составе Н. П. Милонова, А. В. Збруевой, М. А. Розаковой, Н. Н. Корневской.

³ Д. А. Крайнов. Указ. соч., рис. 7—12; О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, I, 1950, рис. 1.

Помимо расчистки могилы, в 1928 г. была детально обследована вся площадь могильника (т. е. всего холма). При этом во многих местах произведена зачистка стенок карьера и всех 4 больших шурфов ИВГРЭС, вытянутых в одну линию по гребню Матвеевой Горы к западу от карьера (см. рис. 49). При этом в выбросах из шурфа, ближайшего к скотскому кладбищу, так же как и в соседнем шурфе к востоку, обнаружено по одному неорнаментированному черепку фатьяновского облика. Такие же черепки, в том числе довольно крупные, с орнаментом, найдены на дне карьера севернее могилы.

В различных пунктах Матвеевой Горы и ее склонов с целью поисков древнего поселения мы заложили 11 разведочных шурфов, но ни один из них не дал положительных результатов.

Были осмотрены путем систематического, сплошного обхода все ближайшие к могильнику пашни, заложено 100 шурфов на значительном пространстве вдоль протока и болота в густом лесу Чурилово. Результаты шурфовки отрицательные. Возможно, что в будущем поселение будет обнаружено к западу от могильника и с. Мытищи, где в 2—3 км протекает небольшая речка Черная.

В 1929 г. автором при участии М. А. Розановой производились новые раскопки Мытищинского могильника. Второй от скотского кладбища шурф ИВГРЭС, в котором в 1928 г. был найден фрагмент фатьяновского глиняного сосуда, был обрамлен вплотную четырехугольной траншеей шириной 2 м, что вместе с шурфом составило сплошной раскоп размерами 6 × 7 м. Основная же часть раскопок была сосредоточена у могилы, вскрытой в 1928 г., к северу и к югу от нее, на площади, где был уже снят при разработках верхний слой толщиной около 1 м. Всего в 1929 г. была вскрыта площадь примерно 368 кв. м. В некоторых местах глубина раскопа доходила до 3,4 м и вообще была настолько значительной, что не оставляла возможности более глубокого залегания могил на исследованной площади. Однако в 1929 г. не было обнаружено новых следов погребений.

Одним из существенных результатов рекогносцировочных работ следует считать установление значительных размеров могильника: находку керамики в выбросе шурфа у скотского кладбища и находку сверленного топора-молота в нижнем, восточном карьере разделяет расстояние в 180 м.

2

Коллекция, собранная на Мытищинском могильнике, была передана в 1931 г. в Государственный Эрмитаж. В коллекции преобладает керамика. Среди нее — 2 целых сосуда. Один из них (рис. 51—б), найденный в погребении 1 («над пяточными костями»), — круглодонный, со слабым уплощением дна (благодаря обычному на нем круглому вдавлению), не вполне симметричный; плечи выражены мягко, шейка довольно высокая, несколько отогнутая наружу. Линия соединения плеч с шейкой неровная; таким образом, высота шейки неодинакова и колеблется от 2 до 2,5 см. Общая высота сосуда — 7,6 см; наименьший диаметр шейки — 6,5 см, наибольший (по венчику) — 8,1 см; диаметр средней части сосуда еще немного больше.

Орнамент, покрывающий наружную сторону шейки и плечи, состоит из рядов последовательных узких, слабо изогнутых вдавлений (по 6, иногда по 5 и 7 вдавлений), составляющих прямоугольники и параллелограммы, расположенные в свою очередь горизонтально опоясывающими сосуд 3 рядами (2 ряда — на шейке, один — на плечах), и из подобных же, но более коротких вдавлений в один ряд под самым венчиком и в начале плеч; этот ряд отчасти смазан охватывающей основание шейки вдавленной полосой, сделанной при помощи предмета с узким, несколько округлым концом.

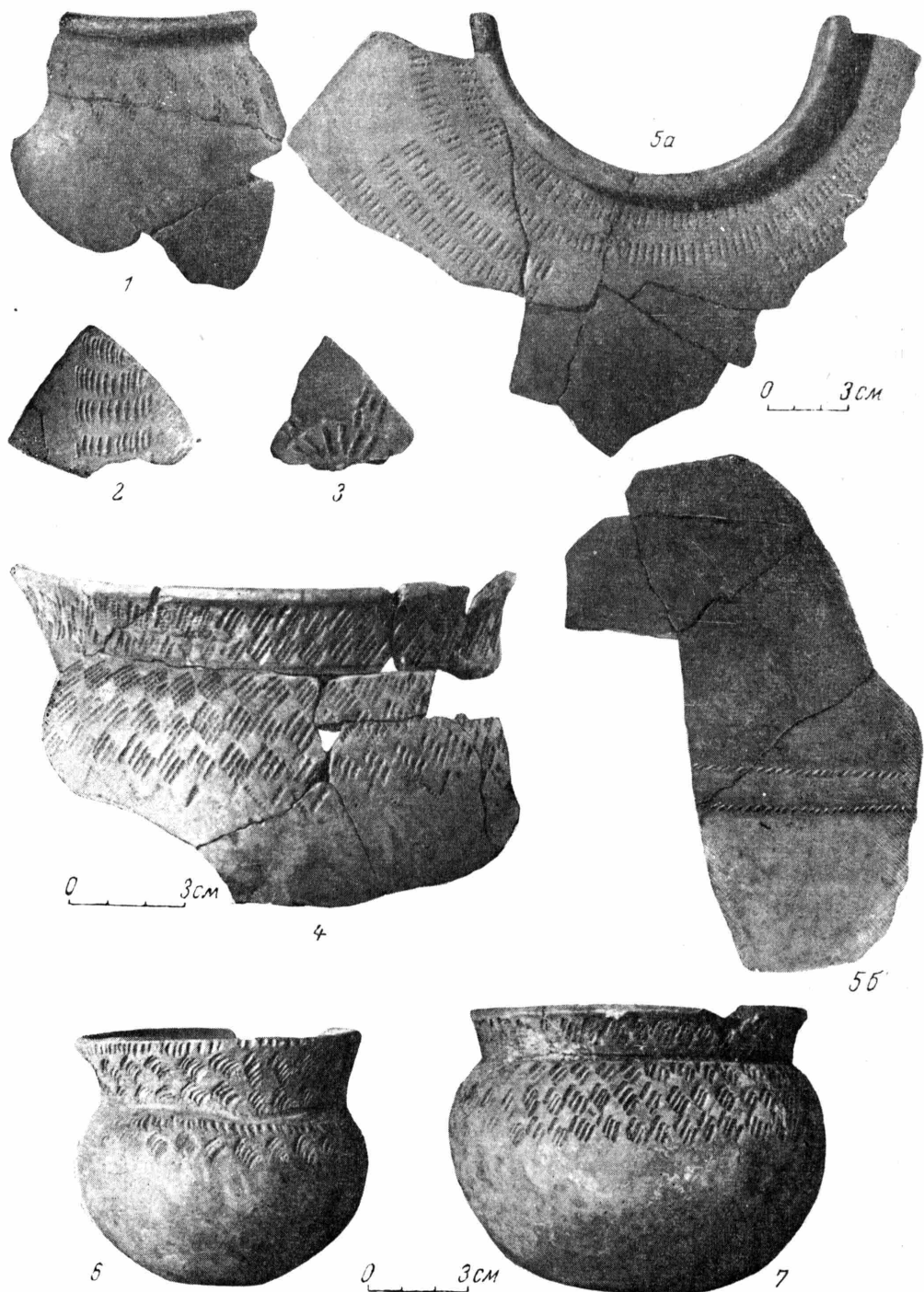

Рис. 51. Керамика из Мытищинского могильника.

1—5 — обломки сосудов; 6, 7 — сосуды из погребения 1.

Глина — с очень небольшой растительной (?) примесью, выгоревшей при обжиге. Обжиг очень хороший; цвет свежих изломов равномерный, темно-серый, с желтовато-серым слоем (толщиной 0,25 мм) с внутренней стороны сосуда и таким же слоем (толщиной до 1 мм) — с наружной. Общий тон сосуда — желто-серый, изнутри и снаружи.

Явных следов техники формовки на сосудах не заметно. Основание шейки внутри сильно нависает над плечами. В середине дна — обычное небольшое округлое углубление. Наружная поверхность сосуда сглажена до блеска; на ощупь она слабо и мягко бугриста. Внутренняя поверхность сглажена хорошо, но слабее. Судя по очень мелким, изредка довольно резким штрихам, сглаживание внутренней поверхности производилось чем-то мягким, волокнистым (травой?) в горизонтальном направлении.

Второй сосуд несколько крупнее первого, но по основным признакам не отличается от него (различие только в резко выраженном переходе от шейки к плечам). Даже орнамент обоих сосудов очень схож и состоит из ромбов, вытянутых поясками вокруг плеч и шейки (рис. 51—7).

Кроме двух целых сосудов, есть несколько крупных фрагментов. Один из них принадлежал более крупному сосуду, аналогичному описанным по форме и орнаменту, с толщиной стенок 4 мм (рис. 51—4); второй, — также аналогичный по орнаменту и форме, — представлен лишь частью шейки толщиной 6 мм. Обломок орнаментированного дна толщиной 5 мм (рис. 51—3) относится, видимо, к одному из этих двух фрагментированных сосудов.

Следующий (пятый по счету) сосуд орнаментирован подобными же зубчатыми ромбами, но отличается от предыдущих бомбовидной формой тулова; он — без шейки, а лишь с отвернутым, толстым венчиком (рис. 51—1); стенки его несколько толще (6 мм) и вылеплены из плотной глины с небольшой примесью кварца. Обломок шестого сосуда с орнаментом в виде свисающего фестона (рис. 51—2), видимо, принадлежал сосуду, аналогичному по форме. Наконец, седьмой сосуд, судя по найденным фрагментам, был наиболее крупный; он — той же бомбовидной или несколько сплюсненной, реповидной формы, без шейки, с отогнутым массивным венчиком (рис. 51—5), с примесью кварца к плотной глине; толщина стенок — 7—8 мм. Вокруг наиболее широкой средней части тулова идет широкий, слабо вогнутый пояс, обрамленный двумя узкими орнаментальными поясками из коротких наклонных оттисков зубчатого штампа. Сосуд был орнаментирован мелкими ямочными вдавлениями по внешнему обрезу венчика и двумя концентрическими поясками частых вдавлений короткого зубчатого штампа вокруг венчика, с широкими фестонами под ними, сделанными тем же штампом. Обломки этого сосуда были найдены в разрезе карьера на глубине от 2 до 2,1 м.

Единственный в коллекции каменный сверленный топор-молот сделан из однородного темно-серого диорита, имеет хорошо выраженный обушок и намечающуюся лопасть у лезвия (рис. 52—1). Длина его — 12,4 см, ширина — 5,3 см; длина сверлины — 4 см, диаметр ее — 2,4 см (в средней части несколько меньше). Лезвие довольно острое, но в древности было с одной стороны далеко сколото, после чего заново зашлифовано. Обух слегка выпуклый; явных следов от работы на нем нет, хотя он все же более шероховат, чем остальная поверхность. Эту форму орудия можно считать весьма типичной для фатьяновской культуры.

Плоский клиновидный топор (рис. 52—2) сделан из желтовато-серого кремня, хорошо зашлифован, но сохранил ясные следы первоначальной обивки, особенно в тыльной части и по краям. Длина топора — 9 см; ширина лезвия — 3,8 см, тыльной части — 2 см; толщина — 1,2 см. Лезвие слабо изогнуто в плане и симметрично в профиле, отлично заточено, очень остро и немного зазубрено при работе.

Крупная, из серого кремня ножевидная пластина ($12,8 \times 3 \times 0,6$ см) с гладким брюшком и всего двумя гранями на спинке (рис. 52—3) слабо изогнута в профиле; режущие края немного и мелко зазубрены, очевидно, при употреблении.

Большое изогнутое костяное орудие сделано из ребра (?) животного. Ручка орудия расширена на конце; расширение отделяет ее от рабочей

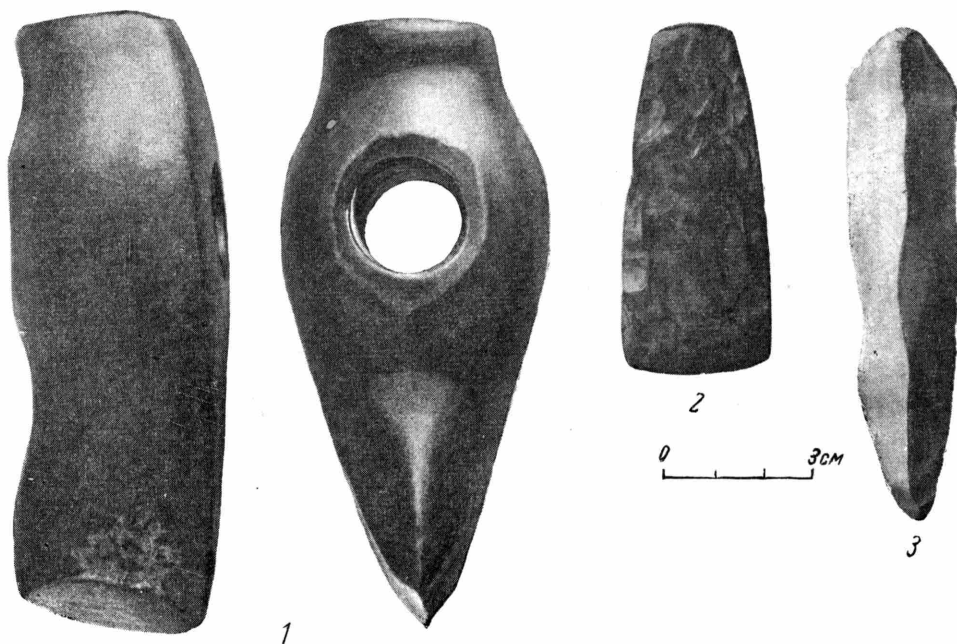

Рис. 52. Каменные орудия из Мытищинского могильника.

1 — каменный топор; 2 — кремневый топор; 3 — кремневая пластина.

части, более плоской и широкой, с тонким кочедыковидным концом (рис. 53—1). Все поверхности сильно сглажены от употребления, в особенности — внешняя сторона рабочего конца. Длина орудия по кривой — 28 см. Следует отметить, что, судя по следам сглаженности, орудие держали в правой руке так, что пальцы охватывали его вогнутую часть, а большой палец упирался слева в край выгнутой части у самого расширения, отделяющего рукоятку от рабочего конца. Наиболее вероятно употребление его в качестве кочедыка для плетения; возможно также, что оно использовалось для сдирания коры и луба. Ближайшей аналогией этого уникального орудия может служить кочедык (?) из Лихачевского могильника⁴ в верховьях Волги, где он был обнаружен при женском погребении.

Найдено орудие из берцовой кости косули или домашнего барана⁵, длиной 19,3 см, с наискось срезанным долотовидным рабочим концом (рис. 53—2), сильно сглаженное от употребления. Особенно сглажена плоскость среза, на которой заметны слабые царапины как бы от движения вдоль длины орудия и несколько вбок. Способ употребления орудия не ясен.

Обнаружено 11 однородных (длиной от 29 до 41 мм), типично фатьяновских пронизок из тонких трубчатых косточек птиц или мелких хищников (рис. 53—4). Почти все пронизки сильно сглажены, вероятно,

⁴ О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. СА, II, 1937, рис. 3.

⁵ Определение В. И. Громовой.

вследствие длительного ношения на одежде или в виде ожерелья; на концах их сохранились надрезы.

Встречены 3 очень сильно сглаженные привески из клыков собаки⁶. Сквозные отверстия (диаметром 2,5—3 мм) — на коренных концах (рис. 53—3). На одном из клыков отверстие сделано путем встречного конического сверления с двух сторон, на двух других — односторонним

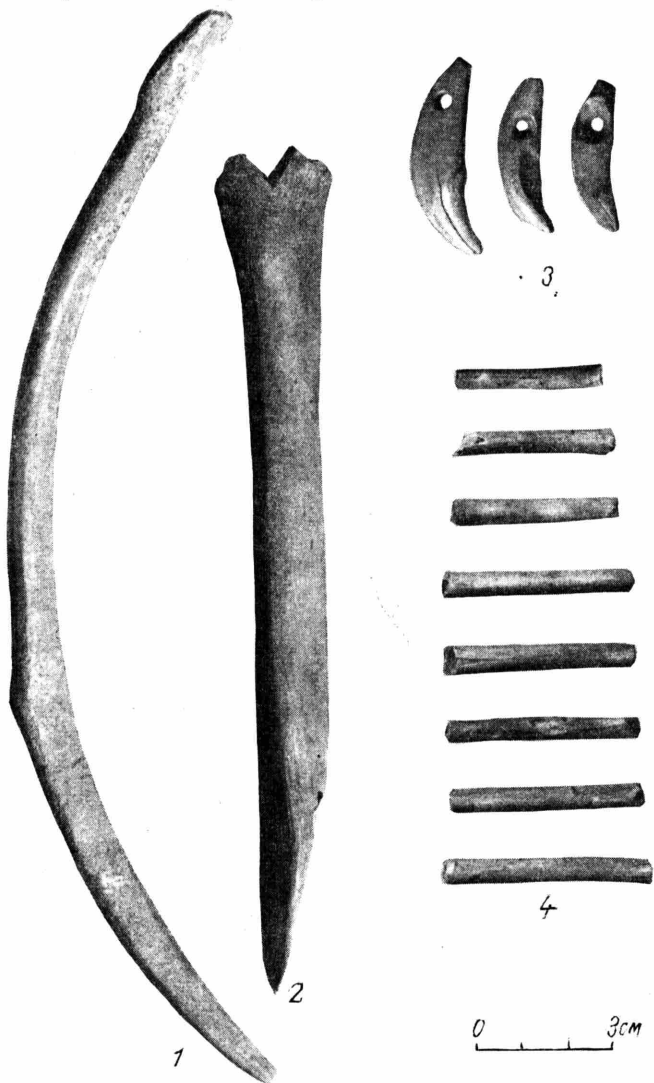

Рис. 53. Костяные изделия из Мытищинского могильника.

сверлением широким коническим сверлом (диаметром до 10 мм); с противоположной стороны отверстие было прорезано лезвием.

Уникален бронзовый манжетовидный браслет с незапаянными концами (рис. 54). Ширина его — 6,2 см, толщина пластины — всего около 0,5 мм, наибольшая длина (в развернутом виде) — 16,5 см. Вся внешняя поверхность браслета орнаментирована. В средней части орнамент состоит из 20 параллельных, узких, слабо углубленных линий, по краям — из

⁶ Определение В. И. Громовой.

окаймления в виде такой же сетки, заключенной между двумя параллельными линиями, а на концах — из таких же линий, образующих елочки. Поверхность браслета сильно изношена, стерта, а края местами искрошились. Следовковки нет. По-видимому, он был отлит в виде пластины, слабо прокован на концах, затем орнаментирован способом чеканки и согнут.

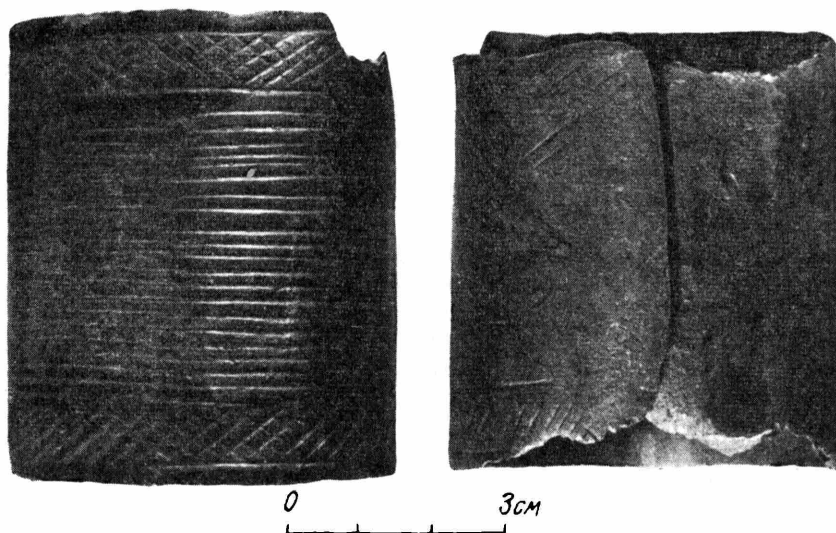

Рис. 54. Бронзовый манжетообразный браслет из погребения 1 Мытищинского могильника.

Найдено бронзовое (?) шило-проколка, обоюдоострое, длиной 4,5 см, в средней части довольно массивное (до 4 мм), овальное в сечении; подобные ему не раз встречены в фатьяновских погребениях, как, впрочем, и в памятниках смежных культур.

Палеоантропологический материал из могильника в настоящее время утрачен.

3

По каменному инвентарю и керамике, как и по другим признакам, Мытищинский могильник принадлежит к наиболее типичным фатьяновским могильникам верхневолжской, ярославской группы. Удаленность района от основных речных путей, относительно изолированная жизнь в лесной глуши, несомненно, помогали длительной консервации типичных особенностей культуры.

Особого научного интереса среди находок Мытищинского могильника заслуживает манжетовидный бронзовый браслет, обнаруженный в составе типично фатьяновского комплекса вещей. Вопрос о происхождении браслета, сходство которого со средневропейскими не подлежит сомнению, представляет первостепенное значение для синхронизации фатьяновской культуры со средневропейскими и для изучения культурных связей. Поэтому мытищинский браслет был уже неоднократно издан⁷ и много раз интерпретировался.

⁷ Д. А. Крайнов. Указ. соч., табл. II, 5; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 9—13; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 17, 9; A. Häusler. Die kulturellen und wirtschaftlichen Beziehungen der Bevölkerungsgruppen Mittelrusslands am Ende der jüngeren Steinzeit. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle—Wittenberg. Jahrgang V, H. 1, Halle—Saale, 1955, табл. 22, 24.

Мытищинский браслет в Верхнем Поволжье не является единственным. В наших раскопках 1928 г. на Владычинской стоянке (рязанская Мещера) обнаружены еще два подобных же браслета вместе с медной спиральной гривной, 2 перстнями и 2 большими прямоугольными металлическими нагрудными бляхами. Кстати, медная зелень на двух фалангах пальцев в мытищинском погребении заставляет предполагать наличие перстней, к сожалению, не сохранившихся. Такой же, как в Мытищах, браслет, по сообщению С. Н. Рейпольского, найден в Ворокском могильнике близ Костромы⁸.

По вопросу о происхождении мытищинского и им подобных браслетов в Волго-Окском междуречье со своеобразной точкой зрения выступил Д. А. Крайнов. По его мнению⁹, фатьяновские племена в Верхнем Поволжье обладали собственной металлургией, базировавшейся на местном сырье, и браслеты мытищинского типа, будучи к тому же близки фатьяновской керамике по орнаменту, являлись продуктом местного производства. С этой точкой зрения трудно согласиться по следующим соображениям: 1) Верхнее Поволжье, если и не совсем лишено, то, во всяком случае, крайне бедно медным металлургическим сырьем; 2) на фоне единичных и очень несложных медных изделий в фатьяновских могильниках браслеты мытищинского типа резко выделяются по сложности производства и техническому мастерству; 3) наряду с параллелями в фатьяновском орнаменте браслеты находят близкие аналогии в манжетовидных браслетах средне-европейской унетицкой культуры, на которых орнамент, по Шранилю, близок орнаментам унетицкой керамики. Все остальные авторы, касавшиеся вопроса о происхождении мытищинского и подобных ему браслетов, рассматривают их как среднеевропейский импорт и важный датирующий материал¹⁰.

Один из владычинских браслетов очень близок унетицким из Северной Богемии, опубликованным среди типично унетицких изделий в энциклопедии М. Эберта¹¹; другой очень близок мытищинскому. Как справедливо указал А. Я. Брюсов¹², бронзовые манжетовидные браслеты подобного типа, известного как боротицкий, характерны для раннего этапа унетицкой культуры в Южной Моравии и смежной части Южной Австрии и относятся там к первой четверти II тысячелетия до н. э.

Занесение браслетов и других металлических вещей среднеевропейского происхождения в столь отдаленные районы едва ли можно рассматривать как длительный процесс передачи из рода в род, из племени в племя на протяжении жизни нескольких поколений; при существовании обычая захоронения умерших с лучшими вещами драгоценные украшения были бы захоронены раньше, чем они успели бы попасть так далеко от места их изготовления. Поэтому, если в Моравии браслет был сделан в первой четверти II тысячелетия до н. э., то в Мытищинском могильнике он очутился, по-видимому, не позднее чем в начале второй четверти того же тысячелетия.

Пути обменных связей между культурами Поволжья и унетицкой культурой пока не могут быть уточнены. Но, судя по находкам вещей

⁸ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 128.

⁹ Там же.

¹⁰ В дополнение к уже сделанным ссылкам см. А. Я. Брюсов. Краткий обзор археологических работ в Карело-Финской АССР. Материалы юбилейной сессии ученого совета Научно-исслед. института культуры Карело-Финской АССР. Петрозаводск, 1947, стр. 44; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 12; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Труды ГИМ, вып. XXII. «Археологический сборник», 1953, стр. 33.

¹¹ Realexikon der Vorgeschichte, Bd. 1, Berlin, 1924, табл. 53, 9; Bd. 11, Berlin, 1927/1928, табл. 81, e.

¹² А. Я. Брюсов. Очерки...

унетицких же типов в более южной и восточной балановской культуре¹³, эти пути были скорее южными, а не западными. К тому же предположению пришел и А. Я. Брюсов; при этом он указывает, что «тип найденных манжет встречается в области распространения унетицкой культуры только на юге, в Моравии. А Моравия, в противоположность другим районам области распространения унетицкой культуры, не имела связей с севером или, по крайней мере, была связана с ним очень слабо»¹⁴.

Какими бы ни были эти пути, находки указанных предметов в Поволжье свидетельствуют о существовании в эпоху бронзы относительно прямых и непосредственных мирных связей между племенами фатьяновской, балановской и среднеднепровской культур, с одной стороны, и их средневропейскими соседями, — с другой, а родственность и, без сомнения, языковая близость населения перечисленных культур Поднепровья и Поволжья облегчали распространение редких импортных вещей в пределах всего огромного ареала распространения этих культур. Изучение подобных обменных связей в первобытной Европе, достигшее на западе известных успехов¹⁵, должно стать предметом пристального внимания советских археологов.

¹³ Например, спиральных колец из сложенной вдвое медной проволоки.

¹⁴ А. Я. Брюсов. Очерки..., стр. 65.

¹⁵ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953.

Т. С. ПАССЕК

СТОЯНКА КОМАРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

В процессе археологических разведок, проводившихся Трипольской экспедицией ИИМК и ИА в бассейне среднего Днестра, особое внимание уделялось поискам памятников послетрипольского времени — эпохи бронзы, почти совершенно не известных в этом районе. В верховьях Днестра и вдоль его притоков, в северных и северо-западных лесостепных районах Украины в эпоху ранней бронзы жили племена, в культуре которых характерной была керамика со шнуровым орнаментом. Позднее, в эпоху средней бронзы их сменили здесь племена так называемой комаровской культуры, также еще сравнительно мало изученной.

В бассейне среднего Днестра Трипольской экспедицией не обнаружены остатки памятников со шнуровой керамикой, но сделаны открытия нескольких десятков стоянок среднего и позднего периодов бронзы. Среди них особого внимания заслуживает обнаруженная в 1950 г. стоянка Овечий Яр у с. Бабино Кельменецкого района Черновицкой области УССР.

Стоянка расположена в урочище Овечий Яр к северо-востоку от с. Бабино, на пологом, переходящем в заболоченную ложбину склоне. При обследовании стоянки на распаханном поле собраны фрагменты керамики из коричневатой массы с примесью крупного песка и частиц кремня и украшенные углубленным орнаментом, состоящим из заштрихованных наискось треугольников. Здесь же найдены фрагменты сосудов из оранжево-розовой массы и глиняная обмазка жилищ трипольской культуры, скопление которой было хорошо заметно на распаханном поле.

В 1951 г. на месте стоянки в разных пунктах было заложено 5 разведывательных раскопов общей площадью около 300 кв. м. Наиболее насыщенным культурными остатками оказался раскоп I, заложенный на склоне распаханного поля, сравнительно низко у ручья, протекающего в ложбине¹. После снятия верхнего пахотного (смешанного) слоя в черноземе обнаружено небольшое количество фрагментов керамики трипольской и культуры эпохи бронзы. По мере углубления (на глубине 0,35 м) в черноземе соотношение находок керамики обеих культур изменилось, и количество фрагментов керамики эпохи бронзы заметно увеличилось. На глубине 0,55 м на границе чернозема и коричневатых суглинков фрагменты сосудов эпохи бронзы (комаровская культура) начали встречаться

¹ Общая площадь раскопа I — 200 кв. м (16 × 12 м). Краткая информация о раскопках см. Т. С. Пассек. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре. Доклады VI Научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 242 и др.

в большом количестве в виде отдельных скоплений, а черепки трипольской керамики стали единичными. В местах заметного скопления комаровской керамики на сравнительно небольшом пространстве (до 60 кв. м) обнаружены также кремневые орудия и отщепы кремня. Фрагменты сосудов залегали в беспорядке. Зачистка культурного слоя в коричневатом суглинке на глубине 0,45—0,55 м и наблюдения над разрезами не дали возможности выявить на месте стоянки землянки, кострища или какие-либо хозяйственные и жилые наземные постройки.

После расчистки и сбора основной массы находок, относящихся к комаровской культуре, ниже, на глубине 0,6—0,65 м обнаружены скопления сланцевых отщепов в виде кучи отбросов производства сланцевых и кремневых орудий, фрагментов керамики трипольской культуры, а также остатки частично залегавшей *in situ* глиняной обмазки трипольского жилища. Остатки выпавших кусков обмазки и фрагменты трипольской керамики встречены в нескольких пунктах на месте стоянки.

В раскопе II², заложенном на склоне примерно на той же высоте над ложбиной, что и раскоп I, обнаружены небольшие скопления керамики, относящейся к комаровской культуре (на границе чернозема и суглинков, на глубине 0,45—0,55 м); что касается других раскопов, то они были заложены на стоянке выше и остатков культурного слоя не дали³.

Таким образом, небольшие разведывательные раскопки в урочище Овечий Ярок установили, что стоянка комаровской культуры, видимо, была небольшой по площади и недолговременной, причем возникла она на месте ранее существовавшего здесь поселения трипольской культуры. На основе изучения фрагментов трипольской керамики — характера розовато-оранжевой массы, форм сосудов (ропись, к сожалению, не сохранилась) — трипольское поселение можно датировать средним этапом развития этой культуры.

Сравнительно небольшой комплекс керамики комаровской культуры, обнаруженный на стоянке, состоит в основном из 3 групп.

Сосуды первой группы — из черной, сильно комковатой, грубой глиняной массы с примесью значительного количества беловатых и серых частиц пережженного кремня. На наружной и внутренней сторонах поверхности сосудов наблюдаются коричневатые пятна неравномерного обжига. Поверхность слабо заглажена, шероховата, с заметно выступающими крупными частицами примесей кремня. Обнаружены фрагменты толстостенных тюльпановидных сосудов с оттянутым валиком у основания края, а также фрагменты неглубоких чаш с вылепным валиком у основания края (рис. 55 — 5—7).

Сосуды второй группы, менее грубые, — из серовато-черной глиняной массы с примесью более мелких, чем в первой группе, острых частиц пережженного серовато-белого кремня, заметно выступающих на поверхности. Обжиг неравномерный, коричневатыми пятнами. Среди керамики этой группы — фрагменты широкогорлых сосудов с уплощенным краем; в обресе край обычно слегка утолщен к наружной стороне. Поверх края нанесен орнамент в виде ряда косых полосок и луновидных углублений. Обычно края сосудов украшены рядом таких же углублений; ниже их проходят ряды горизонтально опоясывающих углубленных нешироких полосок. На плечиках, у основания края свисает ряд наискось заштрихованных треугольников. Кроме широкогорлых сосудов, обнаружены фрагменты чаш и сосуды с валиком у основания края, вытянутых, тюльпановидных форм (рис. 55 — 1—4).

² Общая площадь раскопа II — 20 кв. м (2 × 10 м).

³ Общая площадь раскопов III, IV, V — 60 кв. м. Материк залегал здесь на глубине 1,5 м.

Сосуды третьей группы — из серовато-черной массы, причем к наружной и внутренней поверхностям масса красноватая, красновато-коричневая; видимо, в процессе лепки сосуд обмазывался другим сортом более тонкой глины. В тесте заметна примесь довольно крупных частиц кремня,

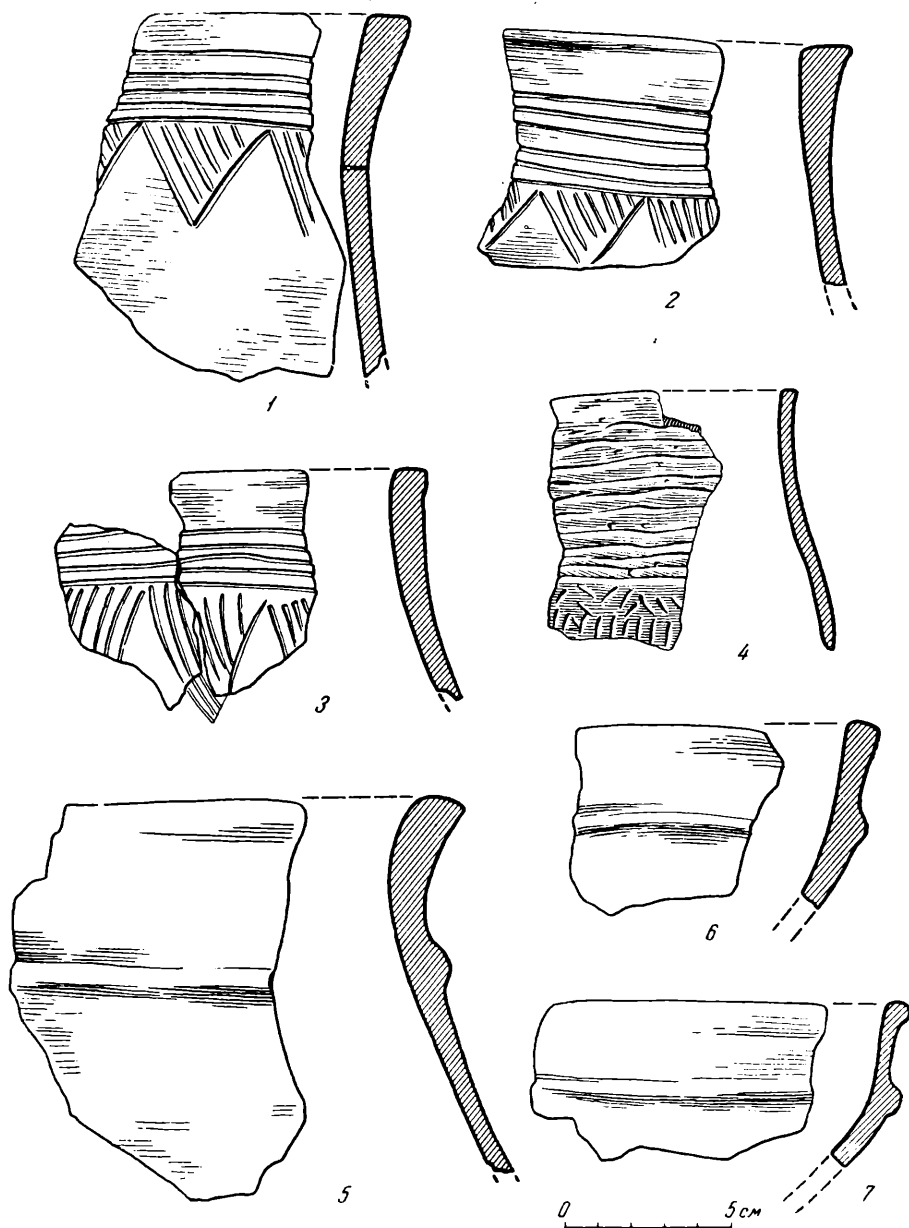

Рис. 55. Стоянка Овечий Яр. Керамика комаровской культуры.

1—4 — вторая группа; 5—7 — первая группа.

выступающих на поверхности. Для этой группы также характерны широкогорлые сосуды с уплощенным сверху и несколько утолщенным к наружной стороне краем. По нему горизонтально проходят 5—6 рядов узких углубленных полосок, ниже которых по плечикам свисают наискось за-

штрихованные треугольники. Иногда на плечиках ниже этих полосок ряд углублений образует узор в елочку. В третьей группе есть фрагменты чаш

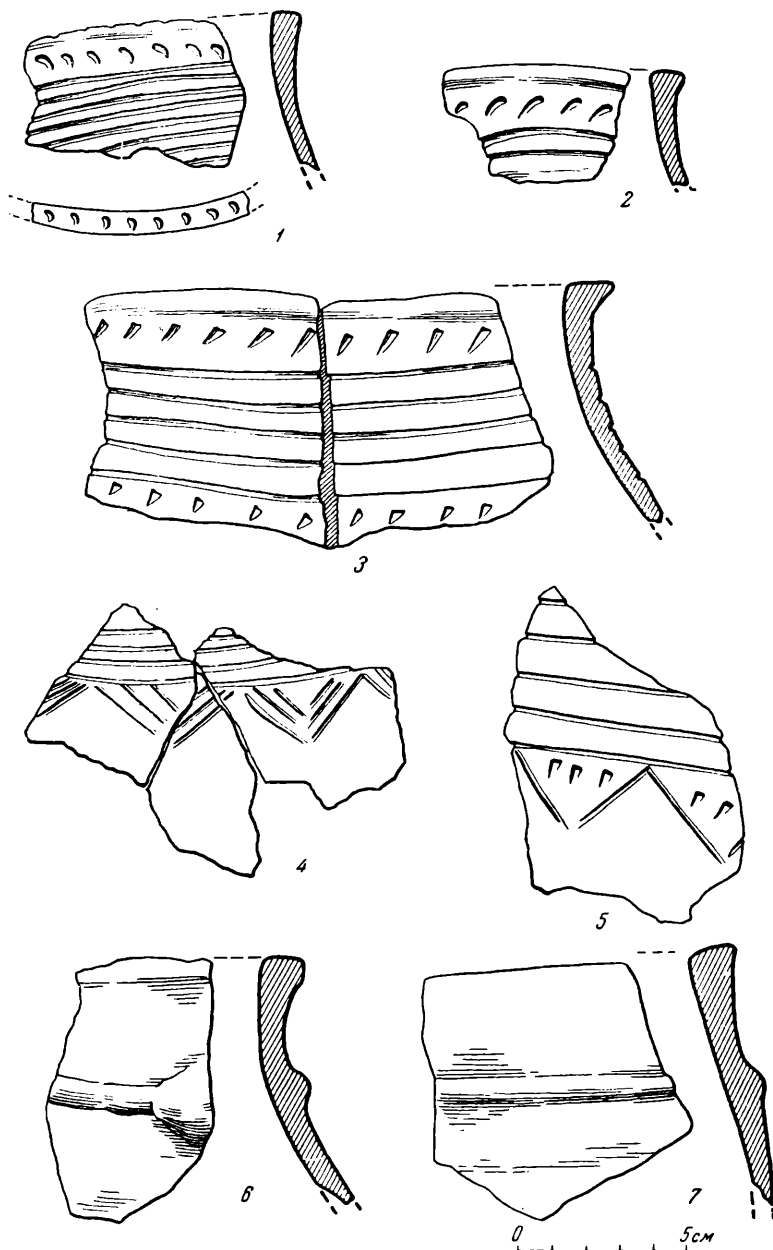

Рис. 56. Стоянка Овечий Яр. Керамика комаровской культуры.

1—7— третья группа.

и тюльпановидных сосудов с вытянутым горлом; у основания края часто вылеплен выступающий валик (рис. 56—1—7).

Кроме фрагментов сосудов, на стоянке Овечий Яр в раскопе I обнаружены кремневые орудия: 1) 2 фрагмента больших серпов из серого

кремня на пластинах, покрытых с 2 сторон крупной ретушью (рис. 57 — 1, 2); 2) нож из серого кремня, изготовленный на пластине с высокой ретушью со всех 3 сторон (рис. 57 — 3); 3) скребок из синего кремня на толстой пластине с высокой ретушью с 3 сторон и мелкой ретушью у краев; 4) скребок со скошенным краем, из синего кремня на пластине (рис. 57 — 4, 5); на скошенном конце и на краях — следы сильной заполированности от работы; 5) фрагмент крупного режущего орудия из сероватого кремня; по краю — крупная ретушь; орудие изготовлено на довольно толстой пластине; 6) клиновидный топор (фрагмент) из серого кремня, прямоугольный в сечении (рис. 57 — 6); со стороны обуха обломан; топор сплошь заполирован со всех сторон и со стороны лезвия.

Орудия из кремня со стоянки Овечий Ярок могут быть сопоставлены с кремневыми орудиями комаровской культуры из Комарова, Незвиско и др.

Все 3 выделенные группы керамики и по составу массы с примесью частиц кремня, и по основным формам сосудов, и по орнаменту характерны для керамики так называемой комаровской культуры эпохи бронзы. Коллекции такой керамики хранятся в Львовском историческом музее; они происходят из курганов у с. Комарово, близ Галича, где проводил раскопки Т. Сулимирский⁴. Однако некоторое своеобразие керамики комаровской культуры со стоянки Овечий Ярок следует отметить. Так, например, среди форм сосудов здесь совершенно отсутствуют широкогорлые, с одной или двумя выступающими над краем ручками, — сосуды, столь типичные для комплексов из курганных погребений в Комарове⁵. Более распространены, чем в Комарове, чаши и тюльпановидные сосуды с вытянутым горлом и оттянутым валиком у основания края. Это отличие, возможно, следует объяснить тем, что в Комарове и других пунктах керамика комаровской культуры обнаружена главным образом в погребальных памятниках, а не на поселениях. Однако основные признаки, характеризующие керамику комаровской культуры, можно отметить на сосудах стоянки Овечий Ярок, что позволяет отнести ее к этой культуре и датировать средним периодом эпохи бронзы — серединой II тысячелетия до н. э.

К сожалению, памятники комаровской культуры, распространенные на достаточно широкой территории в бассейне Днестра и на Волыни (по рр. Стыри и Горыни), известны лишь по небольшому числу слабо изученных селищ, могильников и случайных находок, остающихся до сих пор в большинстве не опубликованными. Не было проведено за последние годы и новых раскопок, которые позволили бы ответить на ряд существенных вопросов, возникающих в связи с изучением этой культуры. Особенно недостаточно данных для освещения вопроса о поселениях комаровского типа. В своей предварительной публикации о селище у с. Комарово близ Галича Т. Сулимирский⁶ указывает, что оно располагалось на водоразделе между рр. Луквой и Ломницей. Селище комаровской культуры у с. Костянец, в районе г. Дубно, исследованное в 1947 г. И. К. Свешниковым⁷, находится на низкой террасе северо-западного склона возвышенности, которая с одной стороны граничит с болотом.

Многослойное поселение у с. Незвиска Станиславской области, где обнаружен культурный слой, относящийся к комаровской культуре, распо-

⁴ T. Sulimiński. Cmentarzysko kurhanowe Komarowie koła Halicz i kultura komarowska. Sprawozd. PAU, XLI, № 9, 1937.

⁵ Leon Kozłowski. Zarys pradziejów Polski Południowo-wschodniej. Lwów, 1939, табл. XIV.

⁶ T. Sulimiński. Указ. соч.

⁷ И. К. Свешников. Пробні розкопки в Костянці на полі Лиственщина. «Археологія», IV, Київ, 1952.

лагается на первой надпойменной террасе у р. Днестра⁸. Подобное же расположение зафиксировано и на стоянке Овечий Яр. При кратком

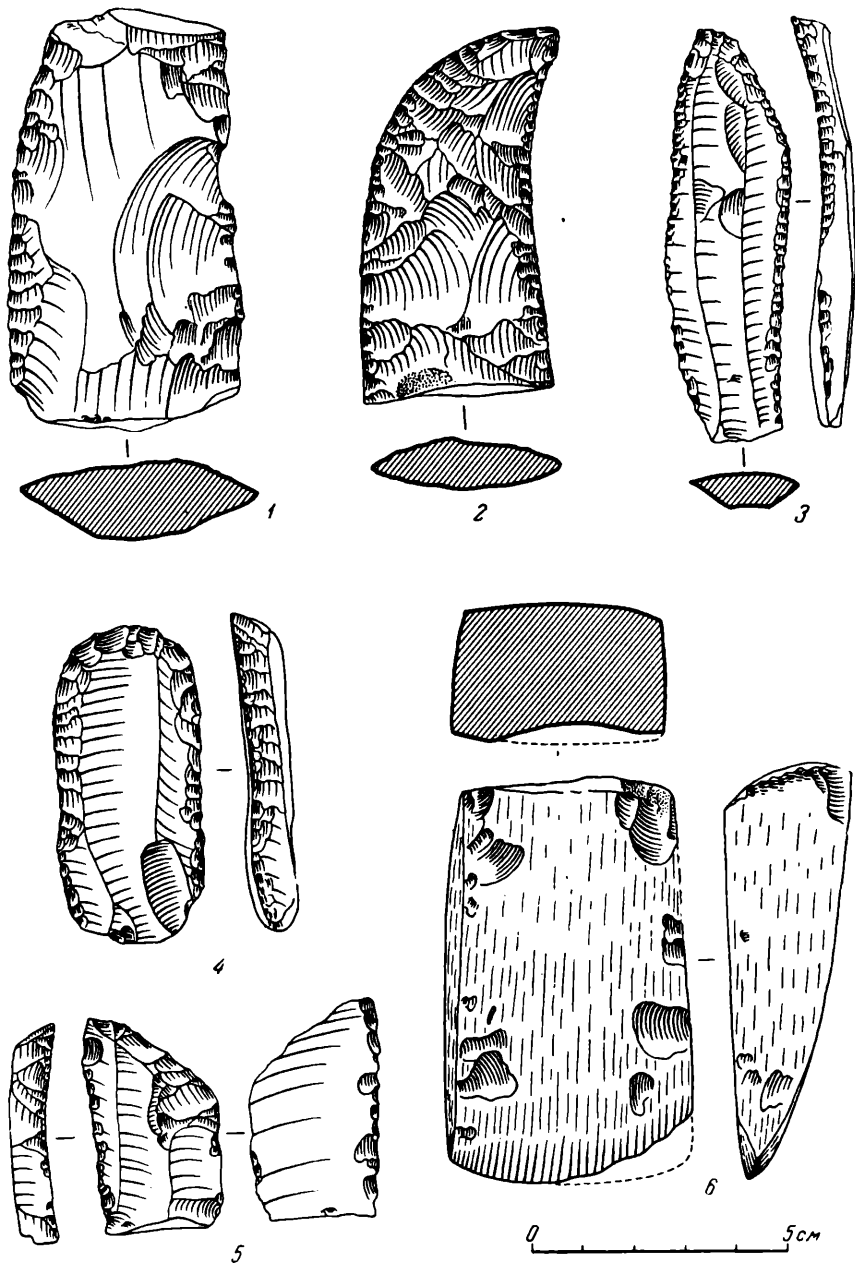

Рис. 57. Стоянка Овечий Яр. Кремневые орудия комаровской культуры.

1, 2 — фрагменты серпов; 3 — нож; 4, 5 — скребки; 6 — топор.

описания поселения у с. Комарово Т. Сулимирский указывает на чрезвычайно слабо насыщенный культурный слой, что характерно и для других селищ, как, например, у с. Костянец и на стоянке Овечий Яр.

⁸ Г. И. Смирнова. Работы Западноукраинской экспедиции в 1954 году. КСИИМК, вып. 67, 1957.

Почти совершенно не выяснен вопрос о жилищах. Т. Сулимирский на поселении у с. Комарово открыл следы наземных жилищ размерами 4×5 м, построенных на дубовой основе, положенной на больших камнях. Пол в доме был глинобитный. В Незвиске (раскопки 1953—1954 гг.) в слое комаровской культуры прослежены лишь остатки столбов от наземных домов. Другой тип постройки — землянки обнаружен И. К. Свешниковым у с. Костянец. К сожалению, они были сильно разрушены, но на дне сохранились фрагменты керамики комаровского типа. По-видимому, землянки были овальной формы. Очаги на дне состояли из глинобитного пода с обрамлением из камней.

Несколько лучше исследованы погребальные памятники комаровской культуры, включающие два обряда погребений — в курганах и каменных ящиках. Наибольшее количество курганов (65) раскопано в Комарове⁹, где сделаны наблюдения над обрядом трупосожжения и трупоположения (в скорченном положении), однако краткая информация о раскопках Т. Сулимирского курганов в Комарове и других пунктах не дает возможности с достаточной полнотой представить себе погребальный обряд. Наиболее полное представление об обряде погребения с трупоположением комаровского типа дают раскопки С. С. Гамченко у с. Войцеховка Житомирской области¹⁰, с трупосожжением — раскопки курганов у с. Букивна, исследованных в 1931 г. И. Бриком¹¹ и в 1937 г. М. Ю. Смишко¹². Погребения в каменных ящиках встречены, например, у с. Белый Поток при раскопках в 1925 г. И. Костшевским¹³.

Исследователи комаровской культуры Т. Сулимирский, а в последнее время — И. К. Свешников, на основе ряда характерных признаков керамики и обнаруженных в погребениях металлических изделий, делают попытку создать хронологию памятников этой культуры, выделив три различные хронологические группы. Первая группа датируется ими периодом средней бронзы и генетически связывается с культурой шнуровой керамики, вторая — периодом поздней бронзы, третья группа относится уже ко времени раннежелезного века¹⁴.

У земледельческо-скотоводческих племен — носителей комаровской культуры были достаточно широко распространены металлические изделия из бронзы и золота, встреченные в наибольшем числе в погребениях у Комарова, — булавки, гривны, ожерелья, фибулы, браслеты, кинжал, подвески, серьги и др. Часть этих находок Л. Козловский датирует периодом средней бронзы (1700—1200 гг. до н. э.). Подробное рассмотрение изделий из металла, относящихся к комаровской культуре эпохи средней бронзы на территории западной части УССР, дает возможность говорить о связях комаровских племен с западными областями, с Венгрией. Аналогичны типы булавок с гвоздеобразной шляпкой, булавки со спиралевидно завернутой головкой, бронзовые гривны с закругленными в спирали концами, типы браслетов, фибулы со спиральными щитками.

Для периода поздней бронзы характерны бронзовые долота, серпы, булавки, браслеты и др., аналогичные венгерским и семиградским. Чрезвычайно интересна находка бронзовой булавки в кургане VI в Комарове¹⁵. Она сохранилась во фрагментах и имеет уплощенную кованую ромбовид-

⁹ Т. Sulimiński. Указ. соч.

¹⁰ О. Лагодівська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», II, Київ, 1948.

¹¹ J. Врук. Tумczasowe sprawozdanie z badan archeologicznych w Bukownie, pow. Tlumacki. Sprawozd. PAU, XXXVII, № 5, стр. 21.

¹² Материалы не изданы, хранятся в Львовском историческом музее.

¹³ J. Kostorzewski. Groby eneolityczne z skurozonenii skiletami w Białym Potoku. Przegląd Archeologiczny, t. III, Poznań, 1926.

¹⁴ И. К. Свешников. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии. Автореферат канд. диссерт. М., 1958.

¹⁵ Leon Kozłowski. Указ. соч., табл. XIII, рис. 18.

ную головку со свернутым в трубочку концом. Головка орнаментирована 4 округлыми выпуклостями. Более мелкие выпуклые бусинки нанесены по краям; стержень округлый, перекрученный в верхней части.

В связи с материалами комаровской культуры следует вспомнить один из бронзовых кладов, найденный в 1933 г. в Румынии в низовьях Дуная (Добруджа), в районе Констанцы и опубликованный И. Нестором¹⁶. В кладе найдены часть бронзового ножа или серпа, бронзовый браслет с сомкнутыми концами и, что особенно интересно, бронзовая булавака с ромбовидной головкой, датируемая И. Нестором концом бронзовой эпохи. Тип булавыки с ромбовидной головкой достаточно редок, и сходных булавык известно немного. Две булавыки известны из находок А. А. Бобринского в кургане у Холодного Яра близ Смелы¹⁷; еще одна булавака из серебра и золота, с ромбовидной головкой хорошо известна из Бородинского клада (Бессарабия, Аккерманский уезд)¹⁸.

Мне думается, что при рассмотрении связей племен комаровской культуры бронзовая булавака из района Констанцы должна быть привлечена в качестве одной из ближайших аналогий. Таким образом, во второй половине II тысячелетия до н. э. (Бородинский клад датируется временем между 1400 и 1200 гг. до н. э.) племена эпохи бронзы, населявшие Среднее Поднестровье, были теснейшим образом связаны с обитателями низовьев Днестра, низовьев Дуная и Поднепровья, а также с Карпато-Дунайским районом.

О связях с югом свидетельствуют также формы широкогорлых сосудов с 2 ручками. В кургане XXVIII у с. Комарово подобный сосуд найден вместе с золотой подвеской эгейского типа, датируемой средним периодом бронзы. Близка комаровским сосудам и керамика того же времени из могильника в Поянах (Румыния)¹⁹.

На стоянке Овечий Ярост не обнаружено изделий из бронзы или золота, точно так же как и на других 6 стоянках комаровской культуры, открытых Трипольской экспедицией в 1950—1951 гг. в районе Среднего Поднестровья, в Кельменецком районе Черновицкой области УССР. На всех стоянках был лишь собран подъемный материал, главным образом керамика. Это стоянки у с. Оселивка в двух урочищах — «Лучиське» и «Над Стінкою», у с. Берново в урочище «Грядя», у с. Бурдюки в урочище «Паньское поле», у с. Селище в урочищах «Будей» и «Паньское Поле».

В 1956 г. во время разведок В. И. Маркевича на границе с Черновицкой областью, на севере Молдавской ССР в Липканском районе у с. Котельна обнаружено три поселения с характерной керамикой комаровской культуры.

Стоянки типа Овечий Ярост на среднем Днестре помогли выявить южные границы распространения комаровских племен; раскопки могильника у с. Войцеховка в бассейне р. Случа²⁰ и у с. Народичи по р. Уж²¹ поставили вопрос о восточных и северо-восточных границах²². Особенно

¹⁶ J. Nestor. Dépôt de bronzes de Medgidia (Dobrogea). «Dacia», t. V—VI, 1935/1936, рис. 1, 2.

¹⁷ А. А. Бобринский. Курганы Смелы, т. I, 1887, табл. 18, 7, 8.

¹⁸ О. А. Кривоцова-Гракова. Бородинский клад. «Памятники культуры», ГИМ, вып. 1, 1949.

¹⁹ E. Dunaganeanu-Vulpe. Le nécropole de l'âge du bronze de Poiana. «Dacia», t. V—VI, 1935/1936, рис. 6, 7.

²⁰ О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», II, Київ, 1948; О. Ф. Лагодовська та Ю. М. Захарук. Нові дослідження Войцехівського могильника. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. VI, Київ, 1956.

²¹ І. Ф. Левидцький. Станція в урочищі Піщаному біля Народич. «Антропологія», т. IV, Київ, 1931.

²² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 216—230; В. Д. Рыбалова. К вопросу о сложении культуры эпохи бронзы в лесостепной полосе Правобережной Украины. Доклады VI Научной конференции Института археологии Академии наук УССР. Киев, 1953.

интересны в связи с этим новые археологические материалы, которые были собраны украинскими археологами в процессе разведок, проведенных в 1949—1951 гг. экспедицией «Большой Киев». В основном это фрагменты сосудов, характерные для керамики комаровской или тшцинецкой культуры. Стоянки с подобной керамикой были открыты севернее Киева и в районе между Киевом и Ржищевом вдоль правого берега Днепра и его притоков (рр. Ирпень и Стugna), а также вдоль левого берега Днепра и по Десне на пространстве от Киева до Евминок (ниже г. Остра на Десне). Наряду с этим керамика комаровской культуры была найдена в 1948 г. В. К. Гончаровым у с. Райки (урочище «Лука») около Бердичева и в 1945 г. Е. В. Махно — у с. Ворошиловка Житомирской области²³.

Сравнительно небольшие археологические материалы из раскопок стоянки Овечий Яр, таким образом, освещают культуру комаровских племен в период средней бронзы в бассейне среднего Днестра. Памятники, относящиеся к этой культуре, вероятно, следует рассматривать как развивавшиеся на основе культуры шнуровой керамики, принадлежавшей местным племенам. Комаровские племена в период средней и поздней бронзы, хронологически соответствуя племенам срубной культуры в степной полосе Причерноморья, были распространены на широкой территории лесостепной зоны в западных областях УССР по течению верхнего и среднего Днестра, в Станиславской, Дрогобычской, Львовской, Тернопольской и Черновицкой областях, на Волыни, а также в Винницкой, Житомирской и Киевской областях, по среднему течению Днепра, переходя на левый берег р. Десны. Связи комаровских племен прослеживаются на востоке с племенами лесостепной полосы Поднепровья, на северо-западе — с группой племен так называемой тшцинецкой культуры в бассейне Одера и Вислы, на западе — с Семиградией и Венгрией, на юге — с областями Добруджи на нижнем Дунае, а также с культурами Карпато-Дунайского района, в частности с культурой Монтеору (Румыния).

Задачами ближайших лет должны явиться раскопки поселений, а также могильников комаровской культуры. Только накопление новых материалов из раскопок позволит с достаточной полнотой охарактеризовать культуру, экономику, общественную организацию комаровских племен и, что особенно важно, решить вопрос о хронологии этой культуры на протяжении всего времени ее существования. Не менее важно выяснить происхождение культуры комаровских племен, возникшей в результате сложных исторических процессов, происходивших на всей рассмотренной территории в послетрипольское время — в самом начале II тысячелетия до н. э.

²³ Материалы хранятся в фондах ИА в Киеве и в большинстве не изданы. См. Е. Махно. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева. АП УРСР, т. II, Київ, 1949; І. К. Свешников. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття з Західного Поділля. Львів, 1958, рис. 4 (карта).

Н. В. ТРУБНИКОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

К середине I тысячелетия до н. э. довольно обширная территория между Окой, Волгой и Цной была уже занята племенами городецкой культуры. По археологическому материалу выделяются различные племенные группы, варианты этой культуры. Лучше исследованы саратовская и рязанская группы племен, меньше — куйбышевская, муромская и еще меньше — тамбовская.

Мне кажется, дело не в том, сколько выделять этих групп или, что еще менее важно, как их называть, а в факте существования местных особенностей на территории городецкой культуры и в том, что эти особенности могут быть сопоставлены с различными племенами, сложившимися в ходе исторических событий того времени, а иногда и времени предшествующего.

Следует заметить, что никакими новыми раскопочными данными, которые позволили бы осветить этот вопрос, мы, к сожалению, не располагаем. Ответы на вопросы надо искать в имеющемся археологическом материале, среди памятников конца срубного периода — времени, непосредственно предшествующего сложению племен городецкой культуры. К этому времени — концу II тысячелетия — началу I тысячелетия до н. э., на этой же территории Саратовского и Куйбышевского Поволжья, по Цне относятся памятники, оставленные племенами срубной культуры. Судя по находкам, эти племена проникали также в более северные районы, в частности на Оку, и, как показали работы последних лет, на территорию современной Чувашии. В одних районах они укреплялись более прочно, в других — менее, что и отражается на характере археологического материала.

На Оке, в части ее муромского и рязанского течения, в период времени, предшествующий сложению городецкой культуры, жили иные племена, а не племена срубной культуры, но влияние последних чувствуется в археологическом материале — в формах вещей, керамике, орнаментике.

Мне кажется, что недостаточная исследованность в этих местах памятников эпохи бронзы и отсутствие соответствующих публикаций являются одной из основных, а может быть, и главной причиной неясности происхождения и формирования городецких племен. Вопрос о происхождении городецкой культуры был поднят снова на археологической конференции в Казани, в декабре 1956 г.

В своем докладе и опубликованных тезисах В. П. Шилов говорит, что нет достаточных оснований видеть в городецких племенах потомков племен

срубной культуры¹. Этой же точки зрения придерживается и П. Д. Степанов². По моему мнению, правильнее ставить вопрос не о том, происходит ли городищкая культура от срубной (так как в этом случае мы имели бы дело с переоформленной срубной культурой), а на основе каких племен сложились городищкие племена, могут ли они считаться пришлыми и откуда, или культура их генетически связана с культурами предшествующего времени, в частности со срубной; какие элементы последней мы находим в культуре городищкой и какова была судьба племен срубной культуры на этой территории?

Мысль о происхождении городищкой культуры как синтеза культур местных окских и срубной не нова. Ее высказывала не раз О. А. Кривцова-Гракова; в своей последней работе она пишет о смешении срубной культуры с местной, давшей культуру поздняяковскую³, а позднее — городищкую.

В работе, посвященной истории народов Поволжья и Прикамья, А. П. Смирнов, указывая на срубный характер стоянок в бассейне Цны (Крюковской и др.), говорит о влиянии этой степной культуры на племена, населявшие лесные районы, считая последних за создателей культуры городищ с рогожной керамикой⁴.

Постараемся, насколько это возможно при настоящем состоянии знаний, разобраться в этом вопросе. Нижние слои большинства городищ, по крайней мере, саратовской группы, как правило, сохраняют остатки поселений срубного времени с керамикой, для которой характерны обработка поверхности зубчатым штампом, оставляющим на сосудах крупные рельефные полосы, и заглаживание пучком травы, оставляющим штриховку. Типичные баночные формы сосудов, орнаменты в виде полос, нанесенных гребенчатым штампом, то крупным, то мелким, встречаются среди находок в нижнем слое Алексеевского, Ахматского, Чардымского, Танавского и многих хвалынских городищ. Здесь же мы находим многочисленные и хорошо известные по поселениям эпохи бронзы нарезные узоры в виде пересекающихся полос, углов, елочки, коротких нарезов, заштрихованных треугольников.

В качестве признака, указывающего на позднюю дату этих поселений, следует отметить налепные валики, украшенные нарезками, известные среди находок на поселениях на территории Ахматского и Алексеевского городищ⁵. Известны в этих пунктах и другие типы узоров, обычные для срубных поселений, — круглые ямки, отпечатки штампа в виде мелких треугольников⁶, аналогичные встречавшимся на поселениях по р. Усе в Куйбышевской области⁷ и в Заволжье на поселениях, исследованных И. В. Синециным⁸.

В качестве хронологического признака для этих поселений, как мне кажется, небезынтересна и иная их топография. Как правило, все поселения эпохи бронзы раннего и позднего времени оказываются расположенными очень низко, на берегу и в поймах рек. Таково расположение и

¹ В. П. Ш и л о в. Раннежелезный век Поволжья. Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. Казань, 1956, стр. 18, 19.

² Доклад П. Д. Степанова на Пленуме ИИМК 1956 г.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 92.

⁴ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 16, 17.

⁵ Саратовский музей, № 1049.

⁶ Березниковское городище, № 1066.

⁷ Собрание ГИМ, № 84138, 83268.

⁸ И. В. Синецин. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 195—224.

одного из наиболее поздних и близких по материалу поселений у дер. Ивановка, Хвалынского городища № 17 и многих других. Поселения же на территории городищ оказываются перенесенными уже на высокие береговые мысы (поселение на территории Алексеевского городища, Ахматского, Чардымского, Танавского, Березчиковского и многих других); это, как мне кажется, тоже является одним из указаний на эпоху, еще более позднюю и близкую к периоду существования городищ.

Конечно, факт присутствия в нижних слоях городищ остатков позднесрубных поселений еще не доказывает культурной преемственности. Существеннее наличие в орнаментации керамики предшествующего периода элементов, характерных для последующего времени. Среди таких элементов следует указать на появление штампа, дающего отпечатки в виде клеток, напоминающих рогожную орнаментацию и покрывающих поверхность сосудов то сплошь, то отдельными участками. Подобную орнаментацию встречаем на поселении, известном под названием Хвалынского городища № 17, на поселении у дер. Ивановка и в других местах, а целый сосуд, покрытый отпечатками такого штампа, имеется в находках И. В. Синецкина в кургане № 4 у г. Энгельса.

Очень существенно появление в это время собственно рогожной керамики. Эта керамика, характерная для городецкой культуры и являющаяся, по-видимому, одним из основных признаков племенной принадлежности в течение ряда столетий, появилась уже в пределах I тысячелетия до н. э. и встречена на многих поздних поселениях срубной культуры, но в пределах определенной территории, более широкой, чем позднее область городецких городищ. Может быть, появление рогожной керамики на поздних поселениях срубной культуры и указывает на факт начавшегося реформирования племен срубной культуры, выделения части их — племен по Цне и Волге — в племенную группу, имеющую какие-то особенности — этнографические или исторические, — нам не известные. Рогожную керамику встречали на поселениях нижнего Дона⁹, на Дону же — на Костенковской стоянке, на поселениях, описанных Н. В. Валукинским в Воронеже и в Липецкой области (где по работам Н. В. Валукинского упоминаются 6 пунктов)¹⁰; в Тамбовской области, среди сборов А. А. Спицына на Воскресенском бугре¹¹; в Пензенской области, в раскопках М. Е. Фосс на Озименковской стоянке, в комплексах, хранящихся в Пензенском музее: на берегу озера Имерки у с. Выша-Пристань, на поселении у Калашного затона¹²; в Заволжье, в находках у г. Куйбышева (стоянки на Безымянке у Кирпичных сараев)¹³.

К этому же времени относится и появление рогожного орнамента на Оке, в других культурах этого периода. В настоящее время поселений эпохи бронзы по рязанскому течению Оки становится известно все больше и больше. Остатки их залегают под городецким слоем, нередко при наличии — еще ниже — слоя неолитического. Такова, по-видимому, была стратиграфия Городецкого городища, где нижний слой неолитического облика отмечен В. А. Городцовым, а керамика эпохи бронзы легко отделяется от городецкого комплекса. Таков верхний слой Ловецкого поселения, в то время как нижний относится к местной неолитической культуре.

Характерна для этих слоев эпохи бронзы керамика (рис. 58) с поверхностью, покрытой неправильной штриховкой с круглыми и фигур-

⁹ Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на среднем Дону. Диссертация. Архив ИИМК.

¹⁰ Н. В. Валукинский. Разведки в Воронеже. СА, IV, 1937, стр. 308—312 (см. его же статьи в местных газетах за 1938 г.).

¹¹ ГИМ. № 35183.

¹² М. Полесских. В недрах времен. Археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956, стр. 42—43.

¹³ Хранится в Куйбышевском музее краеведения.

ными ямками, а также с узорами поверх штриховки, составленными из отпечатков веревочного и гребенчатого штампов. Довольно много сетчатой керамики — с крупной и мелкой сеткой; немного рогожной керамики.

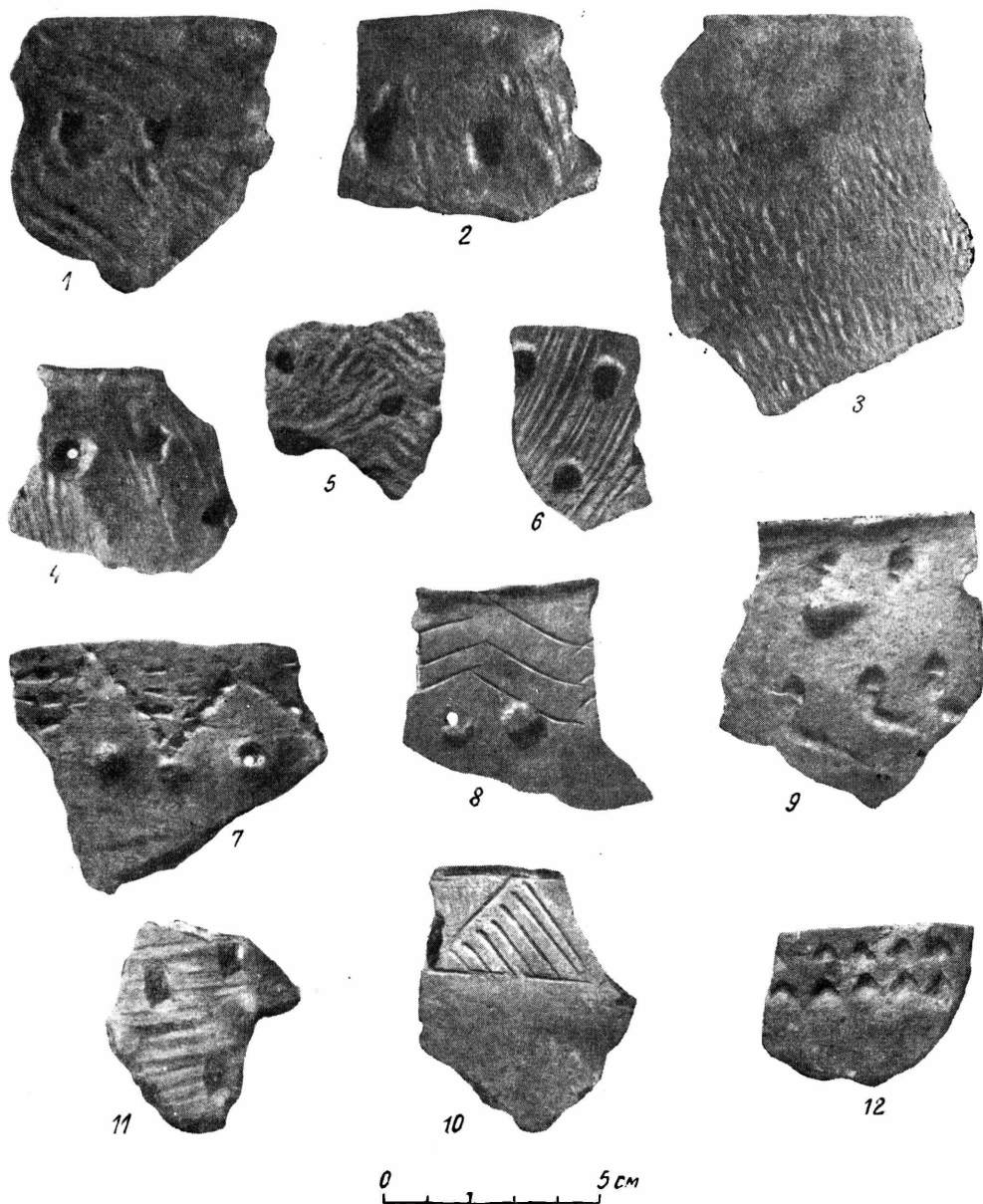

Рис. 58. Обломки сосудов.

1—3 — Ловецкое поселение; 4—6 — Городецкое городище; 7—12 — Курманское поселение.

Формы изделий довольно близки срубным — встречаются горшки баночной формы и острореберные. В этом отношении очень интересна коллекция из раскопок А. С. Уварова селища на территории Курманского могильника, хранящаяся в ГИМ¹⁴. В этой коллекции много разнообразной

¹⁴ Инв. № 55421.

керамики, формы которой значительно приближаются к срубной; здесь есть и баночные, и острореберные сосуды; помимо всевозможных гребенчатых орнаментов, имеются нарезные узоры (в том числе очень характерные — в виде заштрихованных треугольников), большое количество ямок, выпуклостей по заштрихованной поверхности, а также нарезов по краю. Но по общему облику, фактуре поверхности керамика этой стоянки отличается от керамики Городецкого городища и Ловецкого поселения.

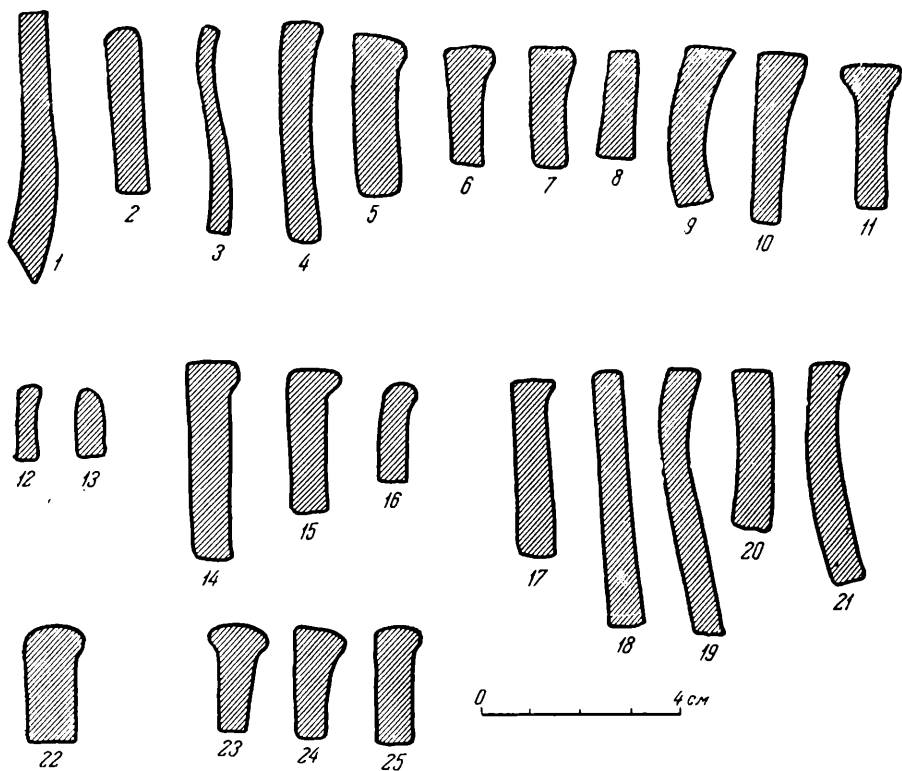

Рис. 59. Профили венчиков сосудов.

1—11 — поселение срубной культуры у дер. Ивановка; 12—16, 22—25 — городища саратовской группы; 17—21 — Городецкое городище.

Большое количество разнообразных сетчатых узоров и отсутствие рогожных указывают, возможно, что территория вблизи Касимова не включалась в область формирования городецкой культуры.

Подобные комплексы керамики в настоящее время обычно связывают с так называемой поздняяковской культурой. Вопрос этот не разработан, и пока трудно сделать определенные выводы. Неясно, являлись ли племена по рязанскому течению Оки представителями другой культуры либо варианта культуры, или здесь дело в хронологических различиях.

Однако материалам городецко-ловецкого типа близки находки, хранящиеся также в ГИМ и происходящие из раскопок (вернее, — сборов) А. А. Спицына в 1892 г. на Воскресенском бугре у с. Серповое, в бывшем Моршанском уезде Тамбовской губернии¹⁵. Небольшая коллекция состоит из обломков сосудов преимущественно баночной формы, иногда со слегка выраженным краем. Среди орнаментов следует отметить рогожные и сет-

¹⁵ Ивн. № 35183.

чатые узоры, а также аналогичную описанной выше орнаментацию — заштриховку поверхности и нанесение по ней фигурных ямок.

Наличие керамики этого типа, как мне кажется, позволяет объединить в одну группу материалы с Воскресенского бугра и находки по рязанскому течению Оки и видеть в них, возможно, памятники тех племен, которые затем, продвинувшись на юг и юго-восток и смешавшись с племенами срубной культуры, создали культуру собственно городецких городищ. Повторяю, что очень слабая изученность вопроса и недостаточное количество комплексов из раскопок позволяют говорить об этом только предположительно.

С культурой городецких городищ связано распространение по всей ее территории сетчатой керамики, до этого в срубных комплексах не известной. Интересно также сопоставить формы керамики городецкой с более ранней окской и срубной. Окажется, что характерная баночная форма сосудов с прямым срезом края (иногда с небольшим напылом — выступом в верхней части) будет абсолютно повторяться в формах сосудов городецкого времени. Может быть, только несколько меньшая толщина стенок и соответственно размеры сосудов будут отличать городецкую керамику от срубной. Сравнение профилей показывает сходные формы венчиков сосудов с поселения у дер. Ивановка и различных городецких городищ (рис. 59).

Эта устойчивость форм особенно сохраняется в городецких городищах саратовской группы и меньше — в рязанской, где, наряду с керамикой баночной, в большом количестве есть сосуды в виде горшков с отогнутыми в разной мере краями и округлым туловом.

Из сравнительного изучения материалов следует, что процесс сложения племенной общности, начавшийся еще в период конца эпохи бронзы, закончился к половине I тысячелетия образованием на определенной территории — между Окой, Волгой и Цной — племен городецкой культуры, происшедшим, по-видимому, в результате продвижения в эти области населения с севера (точнее, — с северо-запада, с Оки). Племена же — носители срубной культуры оказались в составе новых племенных образований, и там, где они полнее сохранились, как, например, в Поволжье, у них в течение долгого времени оставались в материальной культуре их особенности. Это четко прослеживается на материале с саратовских городецких городищ — в формах керамических изделий, повторяющих очень часто старые, привычные формы срубной керамики.

В Куйбышевском Поволжье старые формы гончарных изделий и даже орнаменты жили еще дольше. Ряд сосудов Муранского могильника повторяет их¹⁶.

К половине I тысячелетия до н. э. в Заволжье появились племена савроматов, на юге — скифов; очень вероятно, что с этим связано изменение границ городецкой культуры (по сравнению с областью распространения рогожной керамики в предшествующее время), а также вытеснение племен, оставивших рогожную керамику, с Дона.

¹⁶ Собрание ГИМ, № 35/80.

П. И. ХАВЛЮК

СТОЯНКИ РАЗВИТОГО НЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ
СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЮЖНОГО БУГА

Во время археологической разведки около с. Глинище Брацлавского района Винницкой области, на правом берегу р. Южного Буга мной собраны мелкие кремневые пластинки, фрагменты керамики, раковины *Unio*, указывающие на расположение здесь древней стоянки.

Находки обнаружены в северной части надпойменной террасы, которая прослеживается здесь на протяжении 1,5 км, при ширине (в центре стоянки) около 30 м. С юга и севера терраса примыкает к обрывам высокого коренного берега, а в средней части разделена безымянным ручьем.

Археологические находки на поверхности и *in situ* в основании обрывистого края террасы встречаются севернее ручья на протяжении 100 м.

Строение террасы определяется следующими данными:

1. Почва серая, делювиально-дерновая со значительным количеством мелких *Actaeon tornatilis* в верхней части и до глубины 1,7 м.

2. Далее с глубины 1,7 м и до 2,4 м следует желто-серый суглинок, насыщенный археологическим материалом, который находится почти на уровне современной поймы. В годы большого уровня талой воды подножье надпойменной террасы размывается, уничтожая часть культурного слоя.

В центре стоянки отмечены два ярко выраженных горизонта залегания раковин *Unio*. Нижний горизонт толщиной 5—10 см находится на 0,1 м выше современной поймы; в нем нет находок. Выше идет слой желто-серого суглинка толщиной 0,7 м, в котором много золы, угля; изредка встречаются раковины *Unio* и виноградной улитки; много обломков кремневых пластин (рис. 60—6—12) и отщепов. Здесь же найдены небольшой нуклеус, 3 фрагмента керамики без орнамента и яйцевидный кремневый отбойник. Выше — снова пласт раковин *Unio* толщиной до 15 см, в котором обнаружено несколько кремневых пластинок. Культурный слой четко прослеживается в обрыве надпоймы по всей длине стоянки.

По орнаменту и качеству глины керамика довольно разнообразна. В глину примешивались песок, битые раковины *Unio* и трава. Обжиг неравномерный, из-за чего на поверхности сосудов заметны пятна. В изломе черепок пористый от выгоревшей травы.

На стоянке различаются 2 типа сосудов: с круглым дном и плоским с выделяющейся подставкой. В северной части стоянки собрано значительное количество черепков круглодонного сосуда с прямым, слегка отогнутым венчиком и выпуклыми боками (рис. 60—1). Поверхность его и венчик покрыты гребенчатым орнаментом, нанесенным почти от дна параллельными линиями в шахматном порядке. Внутри венчик орнаментиро-

ван одним рядом оттисков гребенки. Глина серая с заметной примесью толченого гранита.

В этом же пункте найдены: части венчика и стенки огромного сосуда с орнаментом из проглаженных зигзагообразных полосок, начинающихся

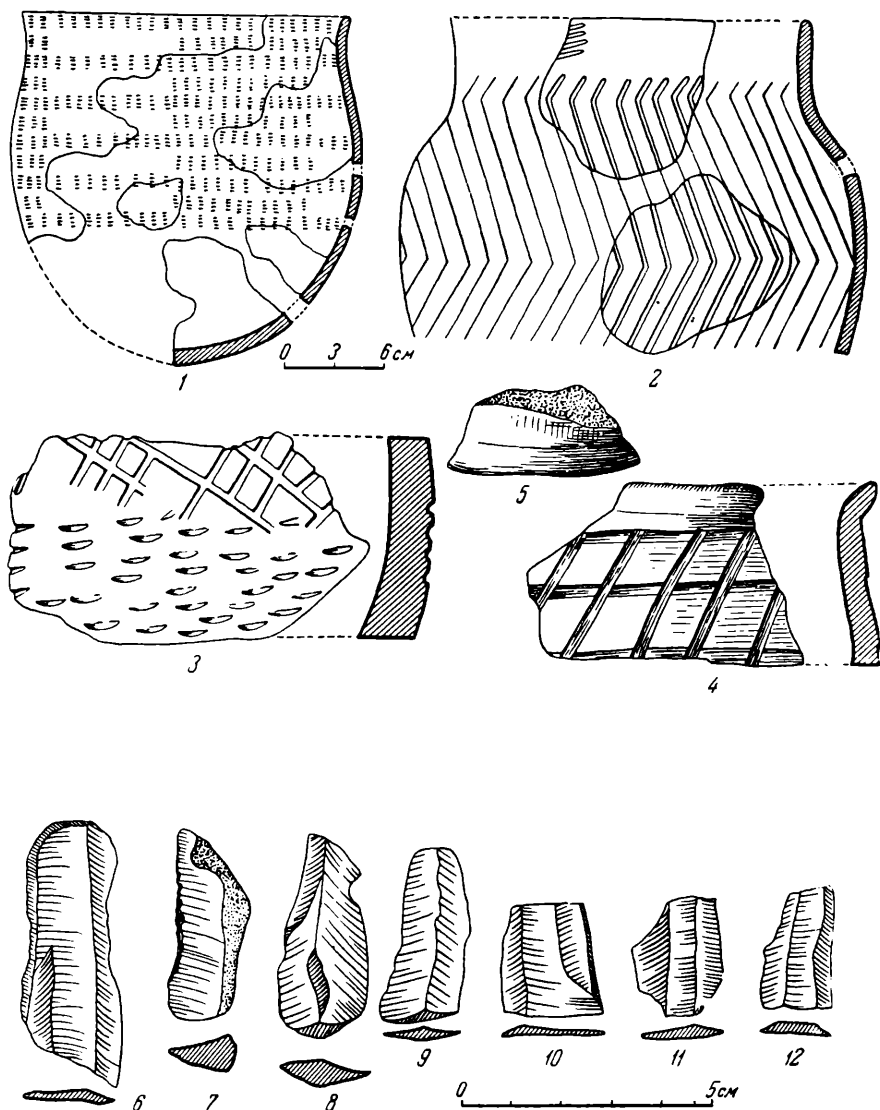

Рис. 60. Находки на стоянке Глинище.

1—5 — керамика; 6—12 — кремневые изделия.

под самым венчиком (рис. 60—2); фрагмент сосуда, орнаментированный полосами в виде сетки и продолговатыми углублениями (рис. 60—3), и венчик тонкостенного сосуда серого цвета, с орнаментом в виде сетки из углубленных полосок (рис. 60—4). Встречается на стоянке керамика и с ямочным орнаментом.

О бытовании на поселении сосудов с плоским дном можно предполагать, судя по находкам части доньшка в виде подставки (рис. 60—5).

На основании найденного материала стоянку следует отнести ко времени развитого неолита.

Стоянка Соколыцы I расположена на левом берегу р. Южного Буга, к северу от острова Соколец, против с. Анчиполовка, в 1 км от с. Соколыцы Гайсинского района. Она занимает гребень прирусловой возвышенной поймы и прослеживается на протяжении до 100 м. Площадь стоянки в древности была островом, который образовался в результате аккумулятивной деятельности воды перед каменистым островом Соколец. В настоящее время на север от стоянки находятся гряды из камней и часть старицы, занесенной наносами и заросшей луговыми травами. Можно предположить, что русло реки в период существования стоянки было глубже и вода редко подходила к подножью прирусловой возвышенной поймы, на которой жили люди эпохи неолита. Строение прирусловой возвышенной поймы аналогично геологическому строению участка, где расположена стоянка Глинище. Комплекс собранной в Соколыцах I керамики разнообразен. Как и на стоянке Глинище, здесь встречаются сосуды с орнаментом из зигзагообразных полосок, а также косых проглаженных линий под венчиком и на тулове (рис. 61—1, 2).

На стоянке очень много керамики коричнево-желтого цвета, без орнамента, с большой примесью травы в глине. Кроме керамики, идентичной найденной на стоянке Глинище, в Соколыцах обнаружена и не имеющая аналогий ни в Глинище, ни на других стоянках. Это фрагмент, покрытый ямками неопределенной формы (рис. 61—4); обломок стенки сосуда (рис. 61—5) снаружи желтого, внутри черного цвета; орнаментирован он врезанными дугообразными полосками с продолговатыми ямками между ними и двумя рядами коротких угловатых углублений; фрагмент венчика (рис. 61—3) с заглаженной поверхностью, орнаментированного проглаженными бороздками, которые заполнены оттисками коротких косых углублений. Кремневые находки состоят из обломков пластинок разной величины (рис. 61—7—13), нуклеидных кусков кремня (рис. 61—14) и многих отщепов. В толще культурного слоя встречаются кости животных, части рогов оленя, створки *Urio*.

Тщательной археологической разведкой в 1956—1957 гг. выявлены стоянки: Воробиевка, Гвоздев, Алексеевка — Немировского района; Печора — Шпиковского района; Остапковцы — Брацлавского района; Самчинцы, Райгород, Щуровцы — Ситковецкого района; Ладыжин I и II — Тростянецкого района и Соколыцы II, Губник (остров) — Гайсинского района. Стоянка Самчинцы находится на левом берегу р. Южного Буга между двумя порогами и мельницами около с. Самчинец. Здесь найдены многочисленные черепки нескольких сосудов. Один из них — большого размера, с тонкими стенками; глина плотная, с примесью толченого гранита; черепок слегка красноватый внутри и с пятнами обжига снаружи; орнаментирован сосуд от слегка выгнутого венчика по тулову 4 полосами оттисков гребенки. Под ними полоса (4,5 см) поверхности сосуда заполнена проглаженными линиями, образующими треугольники, в основании которых снова начинаются 4 параллельные полосы оттисков гребенки, идущие вокруг сосуда; ниже орнамент повторяется еще раз в таком же порядке. Нижняя часть сосуда и яйцевидное дно оставлены без орнамента. Венчик внутри, у самого края, орнаментирован полосой гребенчатого штампа.

Особенно интересна находка фрагмента сосуда трипольского облика (рис. 61—6). Орнамент нанесен по светло-коричневой поверхности в виде бороздчатых линий, а между ними — поперечные углубления разной величины. Глина пористая.

Из других стоянок заслуживают внимания Ладыжин I и II и Губник (остров). Стоянки Ладыжин I и II расположены в 4 км ниже с. Ладыжин

на низких надпойменных террасах правого берега Южного Буга против урочища «Швейцария» на левом берегу. Культурный слой стоянки Ладыжин I сильно размыт, однако в отдельных местах можно проследить стратиграфию залегания керамики, относящейся к бронзовому веку,

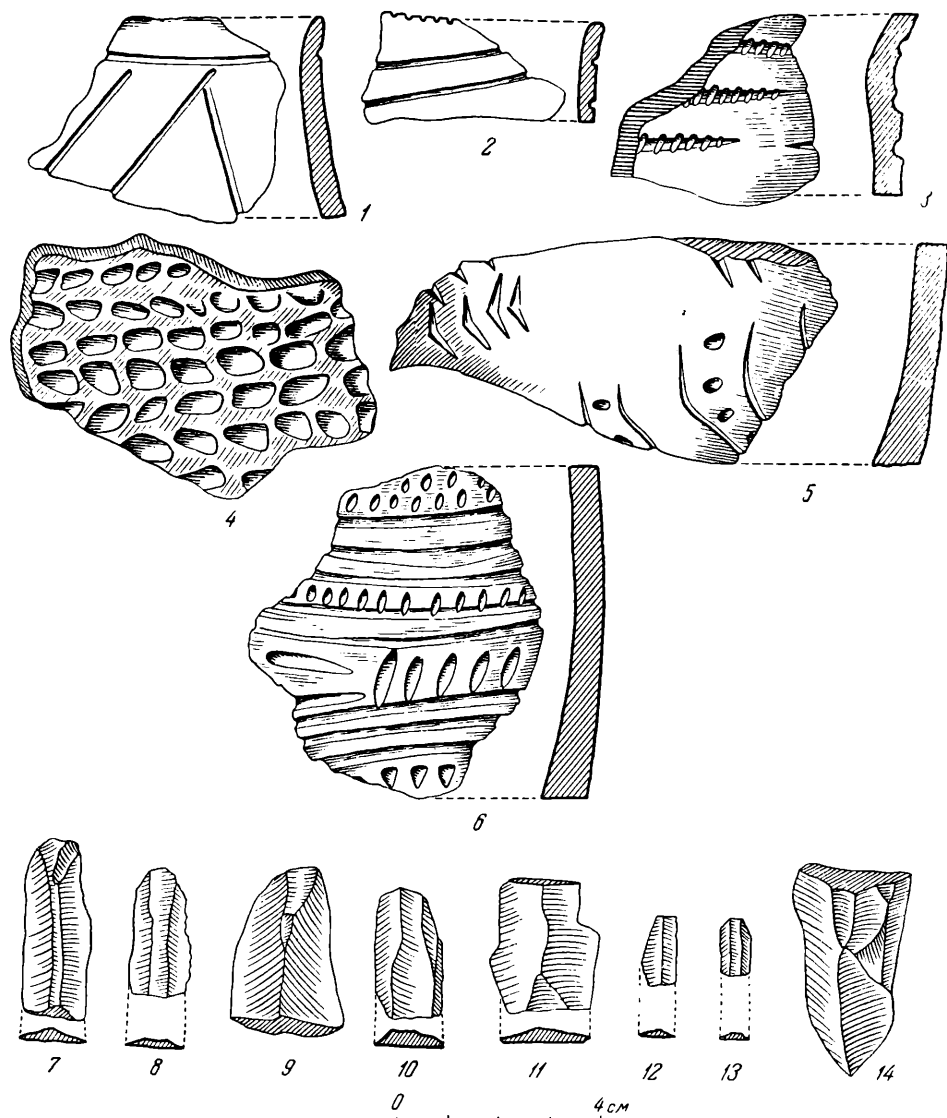

Рис. 61. Находки на стоянках Соколыц I и Самчинцы.

1—6 — керамика; 7—14 — кремневые изделия (1—5, 7—14 — Соколыц I; 6 — Самчинцы).

а ниже — к неолиту. Здесь найден разломанный сосуд без орнамента, подобный обнаруженному на стоянке Соколыц I. На стоянке Ладыжин II в средней части был заложен раскоп на площади 5 кв. м, в котором *in situ* найдено большое скопление расколотых костей животных, 6 округлых скребков разных размеров и 10 фрагментов темно-желтой керамики с линейным орнаментом.

Стоянка Губник открыта на одном из островов в южной части села. Здесь можно проследить два последовательно залегающих культурных слоя: верхний принадлежит поселению эпохи бронзы бабинского типа, нижний — неолитический. Керамика нижнего слоя грубая, с примесью слюды в глине, орнаментирована проглаженными косыми линиями.

Сравнение собранной керамики, а также кремневого инвентаря дает основание заключить, что стоянки Глинище, Сокольцы, Самчинцы, Ладыжин I и II и др. во многом сходны и относятся ко времени развитого неолита.

В керамике и кремне имеется много аналогий, характерных для более позднего раннеолитического комплекса Южного Поднепровья¹ и неолита савранского типа². Можно предположить, что стоянки северной части среднего течения Южного Буга являются промежуточным звеном между ними, но ближе примыкают к неолитическим памятникам савранского типа.

¹ В. Н. Даниленко. К вопросу о раннем неолите Южного Поднепровья. «Археология», т. III, Киев, 1950 (на украинском языке).

² В. Н. Даниленко. Исследования неолитических памятников на Южном Буге. «Археология», т. X, Киев, 1957 (на украинском языке).

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О ПРОИЗВОДСТВЕ «МЕГАРСКИХ» ЧАШ В ПАНТИКАПЕЕ

Более полувека тому назад высказывались предположения¹, что часть «мегарских» чаш, происходящих из Северного Причерноморья, могла быть изготовлена в северопонтийских центрах. Однако говорить об этом с уверенностью стало возможным лишь после того, как в 1946 г. при раскопках Пантикапея были найдены обломок глиняной формы для изготовления «мегарских» чаш и черепки аналогичных ему по орнаменту сероглиняных рельефных сосудов². Эти находки надежно засвидетельствовали производство чаш типа «мегарских» в боспорской столице³. В последующие годы в Пантикапее были найдены еще 3 обломка форм для изготовления «мегарских» чаш: один — в 1955 г. и два — в 1956 г. Кратко опишем их.

1. Обломок формы, обнаруженный в 1946 г., представляет нижнюю часть боковой стенки. Оттискивавшийся в этой форме сосуд был украшен двумя перемежавшимися мотивами орнамента: рядами узких длинных язычков, разделенных цепочками точек, которые чередовались с растительными мотивами.

2. Обломок формы, найденный в 1955 г., — это кусок нижней части боковой стенки и прилегающей к ней незначительной части дна. У изготовлявшегося в этой форме сосуда дно было украшено многолепестковой розеткой, а боковые стенки — длинными язычками, обрамленными цепочками точек (рис. 62—1, 3).

3. Большой из обломков формы (находка 1956 г.) представляет верхнюю часть боковой стенки. Оттискивавшийся в этой форме сосуд был украшен в верхней части поясом ов, разделенных цепочками точек, которые чередовались с островерхими листьями (рис. 62—4).

4. Меньший обломок — небольшой кусок средней части боковой стенки, по-видимому, аналогичный обломку № 3. Сохранились только цепочки точек и части длинных язычков.

Обнаруженные фрагменты форм показывают, что в Пантикапее изготовлялись «мегарские» чаши с незамысловатыми растительными и иными узорами. При этом были в ходу во всяком случае два варианта.

¹ В. Л. (В. В. Латышев). К вопросу об античной посуде с штампом КИРВЕИ, ИАК, вып. 4, 1902, стр. 141; R. Zahn. Hellenistische Reliefgefäße aus Südrussland. Jahrbuch d. Deutsch. Arch. Inst., XXIII, 1908, стр. 49 и сл.

² В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг. «Памятники искусства». Бюллетень Гос. музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 14, рис. 8.

³ Попутно отметим, что при раскопках Мирмекия в 1949 г. обнаружен обломок формы для изготовления «мегарских» чаш (В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритак и Мирмекия. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 113).

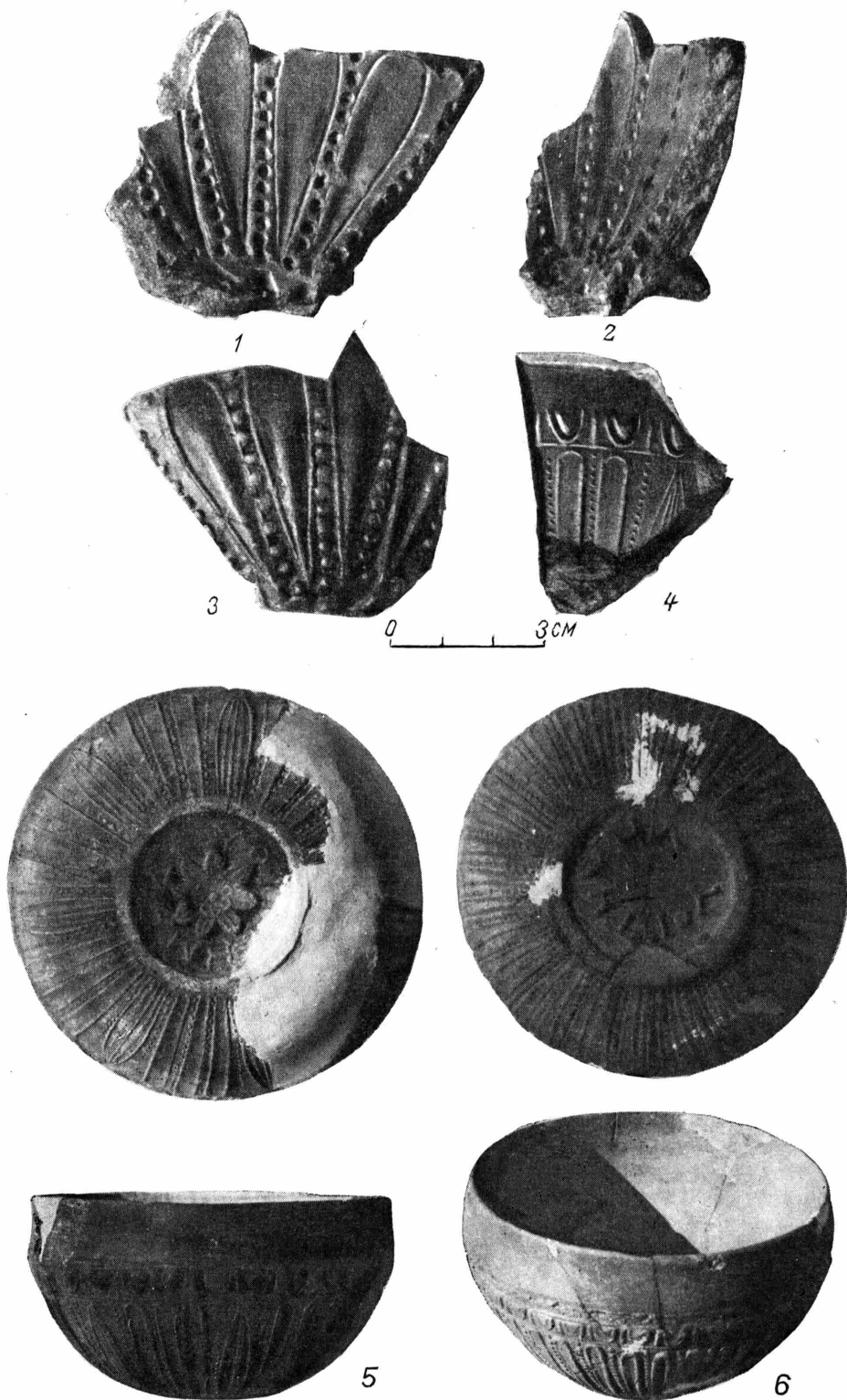

Рис. 62. Обломки форм для производства «мегарских» чаш из Пантикапея и две «мегарские» чаши пантикапейской работы, II в. до н. э.

1 — обломок формы (находка 1955 г.); 2 — обломок формы (находка 1946 г.); 3 — оттиск обломка формы (находки 1955 г.); 4 — обломок формы (находка 1956 г.); 5, 6 — «мегарские» чаши (находка 1956 г.).

Один — более сложный, в котором ряды длинных язычков, разделенных цепочками точек, перемежаются с более или менее пышными растительными мотивами (обломки № 1 и 3); другой вариант — более простой, в котором боковые стенки были украшены только длинными язычками, разделенными цепочками точек (обломок № 2). Подобные чаши известны и среди прежних находок в Северном Причерноморье⁴.

Оба варианта «мегарских» чаш пантикапейской работы обнаружены при раскопках двукамерного склепа с уступчатым перекрытием, открытого в 1956 г. на северной окраине Керчи. Это две чаши довольно хорошей сохранности. Обе они — из темной серой глины. На дне первой (рис. 62 — 5) оттиснута двойная восьмилепестковая розетка, вокруг которой расположена подпись владельца гончарной мастерской: ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. На боковых стенках — длинные обрамленные цепочками точек язычки; они расположены по три и затем прерываются узковерхими листьями. Над этим мотивом по верхнему краю проходит поясok ов. Значительно проще отделка второй чаши (рис. 62 — 6). На дне ее — только подпись того же владельца эргастерия: ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. На боковых стенках — длинные язычки, обрамленные цепочками точек; по верхнему краю тянется поясok ов. Шрифт надписей позволяет датировать эти чаши II в. до н. э.

Таким образом, эти находки, пополняя наши представления о производстве рельефной керамики в Пантикапее в позднеспартокидское время, позволяют установить там наличие эргастерия, выпускавшего «мегарские» чаши особых вариантов.

⁴ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 280 и сл.

М. М. КОБЫЛИНА

О ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КОРОПЛАСТИКЕ
ПАНТИКАПЕЯ

Открытие мастерской коропласта в Пантикапее в 1949 г.¹ и изучение находок терракот из раскопок в Керчи показали, что ремесло коропласта начало развиваться в Пантикапее уже с VI в. до н. э. и в период эллинизма достигло весьма большого мастерства.

Повторяя общий путь развития греческой эллинистической коропластики, терракоты Пантикапея имеют свои особенности в материале, технике и содержании. Весьма интересна терракота из раскопок 1946 г., найденная в разоренной могиле². Она изображает детскую фигурку, сидящую на скачущем быке (высота — 12,5 см). Левая и верхняя части статуэтки и база обломаны (рис. 63—1), но сюжет полностью восстанавливается по статуэтке, открытой в 1874 г. (рис. 63—2) на г. Митридат и являющейся полным повторением пантикапейской.

Толкование Стефани этой статуэтки как изображения Эрота на быке³ остается убедительным. В основе этого образа лежит изображение Европы на быке. Мифологический сюжет похищения Европы Зевсом, принявшим вид быка, встречается в греческой коропластике уже с VI в. до н. э. Европа изображается в виде юной девушки, сидящей боком на бегущем по волнам океана быке. Изображение Европы меняется от наивного неподвижного архаического образа до грациозного типа девушки в эллинистическом искусстве. Бык изображается по-разному: он мчится, устремив голову вперед или оглядываясь на Европу⁴.

Многие находки, главным образом расписные аттические вазы IV в. до н. э., свидетельствуют, что образ Европы, похищаемой быком, был известен и популярен на Боспоре⁵.

На пантикапейской статуэтке повторено, но с большей экспрессией движение быка. Вместо женской фигуры на его спине сидит на куске ткани пухлая детская фигурка Эрота, находящая полные аналогии среди терракот Пантикапея II—I вв. до н. э. с изображением ребенка или Эрота,

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 212—227.

² ГМИИ, М. 46, V/8 и 28, № 1804.

³ ОАК за 1874, стр. XI; ОАК за 1875, стр. 42, табл. II. 26. Хранится в Государственном Эрмитаже.

⁴ А. Köster. Die griechischen Terrakotten. Berlin, 1926, стр. 77, табл. 71, 73; В. Huisch. Greek Terracotta Statuettes. London, стр. 139, рис. 36, 1; Schneider-Lengua. Griechische Terrakotten. München, 1836, рис. 40; J. Charbonneaux. Les terres cuites grecques. Paris, 1936, рис. 25.

⁵ ОАК за 1866, стр. 108 и 20; ОАК за 1866 г., табл. II, рис. 33; табл. III, 1; табл. V, 1—5; ОАК за 1913—1915 гг., рис. 228.

сидящего на земле⁶ или на гусе⁷, или на петухе⁸; положение ног полностью повторено.

Дата статуэтки определяется также и стилистическими аналогиями в позднеэллинистическом искусстве, в памятниках, созданных в погоне за эффектным декоративным сюжетом, ярким примером которых является Эрот на кентавре.

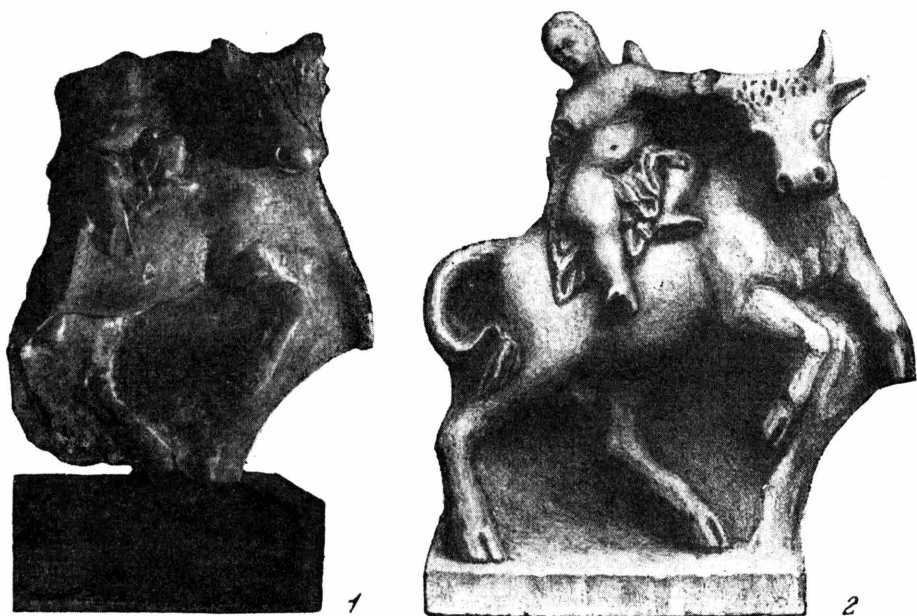

Рис. 63. Терракотовые статуэтки из Пантикапея.

1 — статуэтка из раскопок 1949 г. (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина); 2 — из раскопок 1874 г. (Государственный Эрмитаж; рисунок из ОАК за 1875 г.).

Трактовка деталей головы быка находит полную аналогию в фигурном сосуде I в. до н. э.⁹ в виде лежащего быка, изображение которого покрыто красным лаком; челка на лбу быка показана такими же неглубокими и короткими вдавленными полосками, так же чрезмерно подчеркнуты ноздри и лобные кости.

Аналогий пантикапейской статуэтке пока, кроме указанной, нет. Статуэтка, обнаруженная в 1874 г., в точности повторена в находке 1949 г. Можно считать, что форма для этих терракот была создана в пантикапейской мастерской. Интересны детали изготовления. Как большинство пантикапейских терракот II—I вв. до н. э., статуэтка составлена из двух половин, причем только передняя оттиснута в форме, обратная же половина — плоская, немного выпуклая, заглаженная стеклой. Швы соединения двух частей хорошо видны; стенки довольно толстые. На оборотной стороне у статуэтки 1874 г. — четырехугольное отверстие. После формовки изображение было местами доработано стеклой — выделено нижнее веко глаз быка; челка показана несколькими рядами коротких округлых неглубоких вдавлен. На передней стороне местами сохранилась белая обмазка, но раскраска исчезла.

⁶ ОАК за 1875 г., табл. V, 17.

⁷ ОАК за 1880 г., табл. VI, 1.

⁸ ИАК, вып. 2, стр. 51, рис. 13.

⁹ В собрании ГМИИ.

Терракоты из Пантикапея с изображением Эроса на спине бегущего быка дают представление об изобретательности пантикапейского коро-пласта II—I вв. до н. э., использовавшего сложившиеся типы для создания новой, оригинальной терракоты и применявшего прием дополнительной обработки изделия после формовки.

Статуэтки из Пантикапея входят в круг позднеэллинистических терракот, для которых типичны жанровая трактовка мифологических образов и забвение первоначального содержания; они являются оригинальным вариантом поздней трактовки старого сюжета «Европы на быке» в пантикапейской коропластике.

В. И. МОШИНСКАЯ

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ГЛИНЯНЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ
ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В 1952 г. во время раскопок на городище Жилье на Андреевском озере (Тюменская область) была найдена антропоморфная скульптура, сделанная из обожженной глины. Она обнаружена на полу жилища 1, недалеко от очага. Кроме нее, на полу найдены фрагментированные сосуды и куча лошадиных костей.

Фигурка (высотой около 6 см) представляет одетого человека в сидячей позе, с ногами, вытянутыми вперед. Левая его рука согнута в локте, правая обломана. Человек одет в глухую широкую одежду с капюшоном. Фигурка вся покрыта орнаментом, за исключением лица и изнанки одежды (рис. 64 — 1). Скульптура изготовлена в реалистической манере и весьма тщательно. Переданы даже такие детали, как складки на приподнятой сзади одежде. Поэтому резко бросается в глаза условная трактовка лица, которое изображено заглаженным кружочком, без моделировки отдельных черт¹.

Находка эта не единственная на Андреевском озере. В 1928 г. на четвертом Андреевском городище, расположенном на расстоянии около 1,5 км от городища Жилье, П. А. Россомахин в одном из разведочных шурфов вместе со скоплением керамики, углями и костями лошади обнаружил «предмет неизвестного назначения, превосходно орнаментированный и обожженный», который, по словам П. А. Россомахина, был «похож на стилизованную орнаментированную фигуру сидящего человека в широкой одежде»².

Фигурка, найденная на четвертом Андреевском городище (рис. 64 — 2), близко напоминает обнаруженную нами на городище Жилье, но по сравнению с ней сильно схематизирована. Сближает их прежде всего поза сидящего человека, причем они особенно похожи в профиль. Одинаково передана приподнятая сзади широкая одежда. Но особенно существенна совершенно одинаковая трактовка лица, изображенного в обоих случаях заглаженным кружком. Схож и орнамент, покрывающий фигурки. Однако, в отличие от первой, вторая фигурка орнаментирована лишь спереди, а сзади нанесены только 2 полосы на правом плече. Различия заключаются и в том, что ноги второй фигурки трактованы условно широким разрезом; руки отсутствуют; нет откинутого капюшона, но концентрические круги,

¹ ГИМ, инв. № 84171. Находится в экспозиции (зал VII в., витрина 10). Описана В. Н. Чернецовым. См. МИА, № 58, стр. 179.

² Дневник П. А. Россомахина из неразобранного архива П. А. Дмитриева. Хранится в ИИМК.

обрамляющие заглаженный кружок лица, дают основания предполагать, что здесь показан надетый на голову капюшон³.

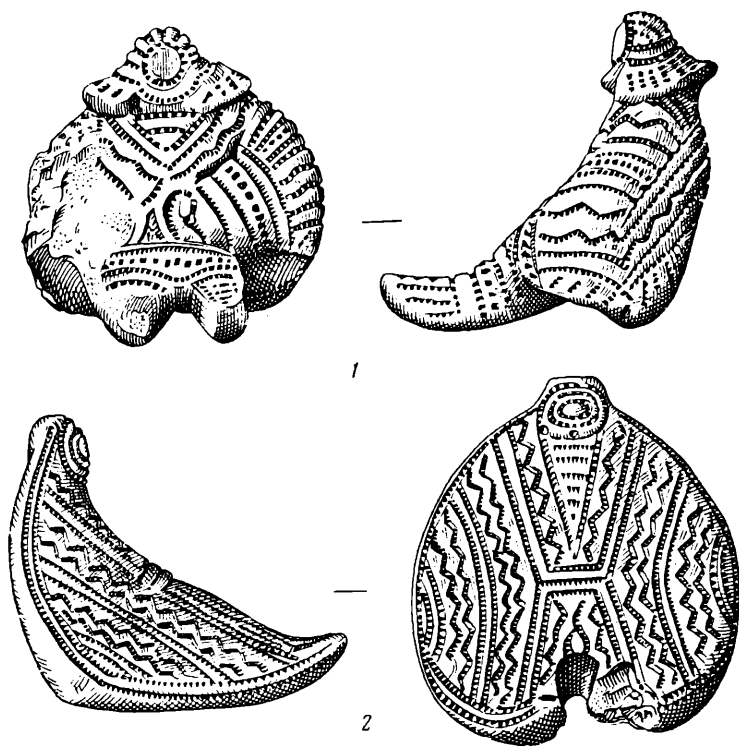

Рис. 64. Глиняные фигурки с городища Жилье (1) и четвертого Андреевского городища (2).

По позе, орнаменту, условной трактовке лица почти тождественна этой скульптуре фигурка из вещей, собранных близ юрт Кинтусовых на р. Салыме (левый приток Оби), но она, пожалуй, еще более схематизирована⁴ (рис. 65 — 2).

Рассмотрим, к какому времени относятся все эти изображения. Относительно датировки городища Жилье, на котором обнаружена первая из скульптур, можно высказать следующие соображения. На городище, в частности на полу жилища 1, найдены сосуды, вполне идентичные по форме, орнаментации, обработке поверхности и технологическим особенностям некоторым сосудам из Перейминского могильника (сосудам, связанным с погребениями 4, 5 и 6). Это позволяет нам синхронизировать городище Жилье с этой частью погребений Перейминского могильника.

Дата Перейминского могильника, в частности погребения 6, определяется на основании аналогий в его инвентаре с Подчеремским кладом и Бахмутинским могильником и может быть с большой долей вероятности определена серединой I тысячелетия н. э.

Четвертое Андреевское городище относится к несколько более позднему времени. Здесь встречается керамика типа, известного с городища Молчановского на Туре и Богандинского на Пышме. Дата этих городищ устанавливается на основании целого ряда данных, в том числе и материалами

³ ГИМ (инвентарного номера нет). Находится в экспозиции (зал VII в., витрина 10).

⁴ Хранится в Тобольском музее, инв. № 5208.

Молчановского клада, в составе которого есть широкие браслеты из белой бронзы с изображениями медведей. По периодизации В. Н. Чернецова эти городища относятся к концу I тысячелетия н. э. Этому же времени принадлежит и большинство вещей коллекции, собранной близ юрт Кинтусовых⁵.

Скульптурные изображения одетых людей известны не только в Западной Сибири, но и в Прикамье. Оставляя пока в стороне имеющие лишь отдаленное сходство с западносибирскими сарапульские скульптуры, обратимся к двум глиняным фигуркам с городища Роданова. Обе они найдены во втором (верхнем) слое. От первой (рис. 65—3) сохранилась лишь

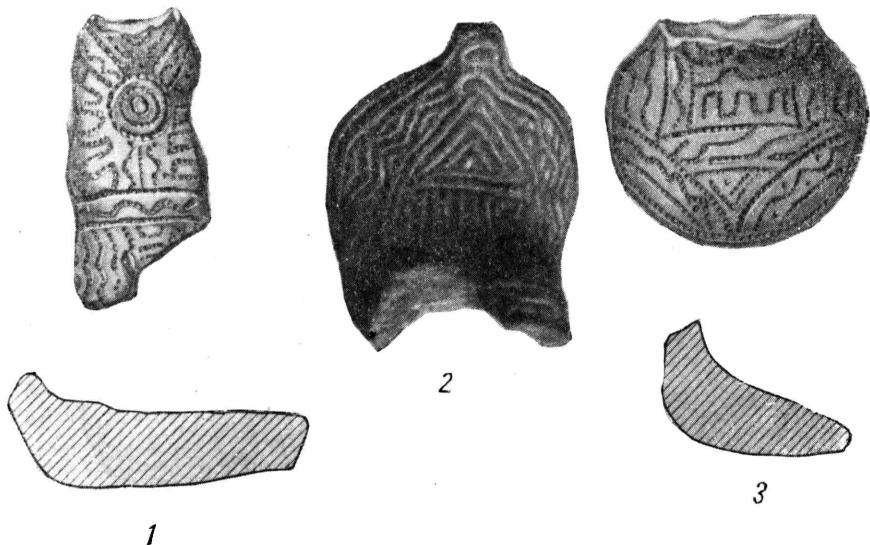

Рис. 65. Фрагменты глиняных антропоморфных изображений.

1, 3 — из Роданова; 2 — из юрт Кинтусовых.

нижняя часть сидящей одетой человеческой фигуры. Как и на скульптуре из юрт Кинтусовых, орнаментирована только передняя часть фигуры. В отличие от рассмотренных нами скульптур она не имеет ног.

От второй родановской фигурки (рис. 65—1) уцелела лишь средняя часть тулова. В противоположность всем разобранным выше она изображает не сидящего, а лежащего человека. Насколько можно судить по сохранившейся части тулова, у фигурки были руки, вытянутые вдоль корпуса⁶.

Родановское городище, как известно, — памятник многослойный, длительного существования; слои его во многих местах нарушены многократными перестройками жилищ. Исследование городища еще не закончено, поэтому родановские находки пока ничего не могут дать для уточнения даты.

Обратимся к вопросу о том, каково могло быть назначение этих фигурок. Сопоставляя их, мы должны отметить одну специфическую особенность: на всех этих скульптурах лицо изображено всегда одинаково, заглаженным кружком, без моделировки отдельных черт. Есть основания полагать, что такой прием не случаен, тем более, что это явление хорошо известно по этнографическим материалам.

⁵ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, стр. 220—223.

⁶ Обе скульптуры из Роданова хранятся в ИИМК.

Безликость изображений — характерная черта кукол-игрушек у многих народов с анимистическим мировоззрением. Так, известно, что таджики изображали лицо куклы вышитым ромбом, узбеки зачеркивали лицо⁷. Не делались лица у кукол-игрушек целого ряда сибирских народов — в Амурском бассейне, у эскимосов и других народов Северо-Восточной Азии⁸. Безликость — особенность кукол-игрушек и у народов Обского бассейна. Куклы обских угров делаются из мягкого материала, а на месте лица шьется небольшая пуговица, бусина или мелкая монета. У ненецких и северохантыйских кукол вместо головы шьется утиный клюв⁹. В прошлом куклы делались из меха, сейчас есть и матерчатые, причем лицо делается также из материи, либо округлое, либо в виде конуса (в подражание утиному клюву). В Тобольском музее есть примеры таких кукол с р. Салыма (инв. № 5361), Северной Сосвы (инв. № 5880) и р. Казым (инв. № 5796).

Исследователи этнографических игрушек отмечают, что последние характеризуются отсутствием некоторых деталей, которые считаются опасными, ибо связываются с понятием об оживлении или одушевлении изображений. Весьма возможно, пишет В. Харузина, что лишение человеческого изображения лица лишает его и сущности жизни¹⁰. Такое изображение не может ожить и поэтому совершенно безвредно. Исследователи игрушек обских угров указывают, что куклы резко различаются по возрастным и половым признакам. Так, одной из характерных особенностей является отсутствие ног у кукол-«женщин» и кукол-«детей» и наличие их у кукол-«мужчин»¹¹. Это же различие мы наблюдаем и у публикуемых нами фигурок: у четырех из них есть ноги, у одной ног нет.

Близкой к куклам группой антропоморфных изображений у обских угров и ненцев являются изображения покойников. Такие фигурки всегда сделаны менее тщательно, чем куклы-игрушки, и отличаются даже некоторой грубостью и примитивностью. Это деревянные или металлические скульптуры обнаженного человека, однако, несмотря на примитивность, непременно моделированы черты лица, показана «линия жизни» и обозначены половые признаки.

Таким образом, эта категория предметов оказывается несопоставимой с перечисленными глиняными скульптурами, для которых единственной аналогией остаются куклы-игрушки.

Интересно, что во время раскопок одного из жилищ на Андрюшином городке за очагом обнаружена фигурка, грубо вылепленная из глины¹². Она изображает обнаженного человека с совершенно отчетливыми, хотя и схематичными чертами лица. Это отличие не позволяет нам включить ее в круг рассматриваемых скульптур, и ее скорее следует понимать как изображение покойника.

Говоря об аналогиях, мы уже упоминали антропоморфные изображения с ананьинских памятников Прикамья. Они неоднократно подробно описаны, поэтому мы не будем на этом останавливаться¹³. А. В. Збруева относит эти изображения к культовым¹⁴. Думается, что тщательная передача

⁷ С. В. Иванов. Орнаментированные куклы ольчей. СЭ, 1936, № 6.

⁸ В. Харузина. Игрушки у малокультурных народов. Сборник «Игрушка». М., 1912; С. В. Иванов. Указ. соч.

⁹ Финш и Брэм. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882; Тобольский музей — коллекция кукол, собранная Дмитриевым-Садовниковым в Обдорске; коллекция кукол, собранных И. Н. Шуховым на р. Щучьей.

¹⁰ В. Харузина. Указ. соч., стр. 130.

¹¹ П. М. Оберталлер. Материалы о хантыйских куклах. СЭ, № 3, 1935, стр. 42—49.

¹² ГИМ, инв. № 84172, II 24/15а.

¹³ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 250; А. М. Tallgren. Varia. ESA, XII. 1938, стр. 223, рис. 15—17.

¹⁴ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 250—252.

одежды на этих фигурках, наряду с отсутствием лица, делает более возможным предположение, что и они служили куклами.

Следует остановиться на одежде, изображенной на скульптурах. Наиболее отчетливое представление дает фигурка с городища Жилье. На ней мы видим глухую одежду прямого покроя с капюшоном; у рукавов — широкие проймы. Покрой одежды, украшение ее орнаментом и расположение его дают основание видеть в этой фигурке парку¹⁵. Особенно характерна орнаментальная полоса по подолу, на плече и обшлаге. На скульптуре эти орнаментальные полосы выделены крупными вдавлениями, отличающимися от общего заполнения фона. Следует отметить, что орнаментальная полоса на подоле хорошо заметна и на одной из родановских фигурок (рис. 65 — 1). На ногах фигурки с городища Жилье — мужская зимняя обувь с типичным для нее орнаментом: сочетание вертикальных полос по бокам и горизонтальных спереди.

В свое время Вас. Зуев отмечал, что парку он видел только у остяков. Н. Ф. Прыткова подтверждает указание Вас. Зуева относительно отсутствия парки у ненцев, однако считает, что этот тип одежды возник у угров лишь под влиянием ненецкой малицы. Она обосновывает свою точку зрения тем, что орнамент на парке расположен так же, как и на распашной одежде, которую она считает для угров древнейшей¹⁶. Н. Ф. Прыткова полагает, что даже само название этого типа глухой одежды заимствовано уграми у местного русского населения¹⁷. Полагаю, что находка глиняной фигурки в городище Жилье заставляет нас усомниться в мысли Н. Ф. Прытковой о столь позднем появлении у угров глухой одежды.

Таким образом, анализ изображений позволяет сделать следующее заключение. В описанных глиняных фигурках следует видеть кукол. Вероятно, куклами служили также сарапульские и конецгорские фигурки. Одежда, изображенная на западносибирских и родановских куклах, имеющая, как и у ананьинских, явно этнографические черты, находит полную аналогию лишь в угорской одежде. Принадлежность к этой группе родановских фигурок, при резком отличии их от нижне- и среднекамских, позволяет говорить о том, что в Верхнем Прикамье еще в конце I тысячелетия н. э. сохранялось угорское население.

Значительный интерес представляет факт распространения глухой одежды вплоть до южной окраины леса, где она была в употреблении, как о том свидетельствует фигурка с городища Жилье, даже у коневодческого населения.

ИЗДАНИЕ
1953
Общественных Наук
Академии Наук СССР

¹⁵ Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов. Сборник МАЭ, вып. XV, 1953, стр. 155, рис. 36.

¹⁶ Н. Ф. Прыткова. Указ. соч., стр. 154.

¹⁷ Там же, стр. 153.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского отделения любителей естествознания
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТОУАК — Труды Орловской ученой архивной комиссии
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
PAU — Polska Akademya umiejętności.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции «Кратких сообщений»

3

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ.

М. Е. Фосс. Поселения на дюне Озименки	4
М. Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году	17
М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерова Озеро	26
Г. Н. Лисицына. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера	40
В. П. Левашова. К вопросу о механических свойствах древних орудий	46
М. Э. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов (так называемых нуклеусах-скребках и гигантолитах)	57
Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I	63
Н. Н. Гурина. Половчинская неолитическая стоянка	70
Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка «Прикол» на озере Пирос	77
А. А. Формозов. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях	85
А. В. Успенская и Ю. А. Краснов. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье	90
И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III—начале II тысячелетия до н. э.	92
В. В. Кропоткин. Новые исследования Бельнецких курганов	103
И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора	114
В. М. Раушенбах. Новые находки на Шигирском торфянике	123
С. Н. Тюренов. История развития северного участка Шигирского торфяника по данным стратиграфии и анализу пыльцы	132
А. Е. Алихова. Жилище на Саконовской неолитической стоянке	138
О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа	143
Т. С. Пассек. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре	154
Н. В. Трубникова. К вопросу о происхождении городецкой культуры	163
П. И. Хавлюк. Стоянки развитого неолита в северной части среднего течения Южного Буга	169
В. Д. Блаватский. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее	174
М. М. Кобылина. О позднеэллинистической коропластике Пантикапея	177
В. И. Мошинская. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири	180
Список сокращений	185

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры
вып. 75

*

Утверждено к печати
Институтом Истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Г. А. Астафьева*

*

РИСО АН СССР № 119-83В. Сдано в набор 3/1 1959 г.
Подписано к печати 25/III 1959 г. Формат 70 × 108¹/₁₆.
11,75 печ. л. 16,09 усл. печ. л. + 2 вклейки. 15,7 уч. изд. л.
Тираж 1500 экз. Т-00038. Изд. № 3437. Тип. зак. № 5.

Цена 9 р. 45 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62. Подсосенский пер., 21.
1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.